СОВЕТСКАЯ
МИЛИЦИЯ
9 · 1991

ПРЕДУПРЕЖДАЕМ:
АЗАРТНЫЕ ИГРЫ
НЕ ПОМОГУТ ВАШЕМУ
БЛАГОСОСТОЯНИЮ

"КРЕМЛЕВСКИЙ ЗАГОВОР"

ДО И ПОСЛЕ "ИСПОВЕДИ"
ОТ ЧЕГО СТРАДАЕТ НАШ АВТОРИТЕТ?
ВЗЯТКА

ROHDE&SCHWARZ

легкий

многофункциональный

особо компактного исполнения

универсального питания

Всего один радиоприбор – комплексное рабочее место

Радиосвязной сервисный монитор CMS52 – недорогое измерительное рабочее место для обслуживания, ремонта, испытаний различного оборудования радиосвязи, особенно малогабаритных радиостанций.

- **12,5 кг вес**
- **АМ, ЧМ, ФМ, ОБП режимы работы**
- **ВЧ спектранализатор и запоминающий осциллограф**
- **Простое обслуживание обеспечивается высвечиванием инструкций на экране**

АДРЕСА

Москва
Центр сервисного обслуживания фирмы "Роде и Шварц".
Трест "Связьстрой-7"
ул. Абрамцевская, 10
127576 Москва СССР
Тел. 400 25 33
Факс 400 33 66
Телекс 411 595 scrh su

Мюнхен
Фирма "Роде и Шварц ГМБХ и КО. КГ"
Мюллорфстр. 15 Д-8000
Мюнхен-80
Тел. 412 92 282
Факс 412 92 164
Телекс 523 703-20 RSD

Вена
Фирма "Роде и Шварц ГМБХ"
Зоннестр. 20 А-1100
Вена
Тел. 602 61 41
Факс 602 61 41
Телекс 133 933 soe a.

Виктор БАРАННИКОВ:

НАШЕ ДЕЛО — БОРЬБА С ПРЕСТУПНОСТЬЮ

ИНТЕРВЬЮ МИНИСТРА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ СССР

— ВСЕХ ВОЛНУЕТ сегодня одно: судьба Союза. Вы только что провели совещание с республиканскими министрами внутренних дел. О чем договорились?

— Сегодня многие призывают все разрушить, а затем... Вот некоторые депутаты СССР настаивают на ликвидации союзных органов управления, в том числе и МВД. Попробовали мы с коллегами-министрами рассуждать от обратного. Допустим, что нет МВД СССР. Как тогда обеспечить милицию на местах оружием, боеприпасами, спецтехникой? А вопросы криминального учета, анализа и прогнозирования, координации в борьбе с преступностью? В общем, не складывается работа на местах без центрального органа милицейской структуры.

С другой стороны, единодушно признали, что в вопросах кадровой политики, организации охраны общественного порядка и дорожного движения, исполнения приговоров судов — здесь республики вполне разберутся сами. Опека центра тут не нужна.

— Значит, подчиненных у вас поубавится?

— Может быть. Уже сегодня громоздкие аппараты союзного ГАИ и некоторых других главных управлений практически бездействуют. И не потому, что там служат одни бездельники. Сама жизнь отторгает подобные структуры управления. Готов назвать и другие службы. Напротив, наши подразделения по борьбе с преступностью, оперативно-розыскные службы требуют значительного подкрепления и кадрами, и техникой. Да и организацию их работы надо ставить на качественно иной уровень.

Вот тогда и не понадобятся параллельные структуры в КГБ, которые тоже борются с преступниками — нашим внутренним врагом. Кстати, только что подписал приказ о приостановлении действия созданной прежним министром структуры МВД СССР. Работаем над новой с привлечением квалифицированных специалистов, ждем предложений министров из республик. Так что массовые увольнения пока не грядут. Работаем.

— С чего начинал новый министр внутренних дел страны?

— С обращения к личному составу. Передал слова признательности и благодарности Президента СССР Михаила Горбачева работникам органов внутренних дел и военнослужащим внутренних войск, которые до конца остались со своим народом, не запятнали себя насилием и другими противозаконными действиями. Но подчеркнул: было бы заблуждением считать проблему обеспечения правопорядка и законности в стране исчерпанной. Предстоит повседневная, кропотливая, профессионально грамотная работа, чтобы вернуть людям веру в закон и справедливость, создать уверенность в невозможности возврата к тоталитаризму, произволу, физическому и моральному террору. Сегодня люди верят нам, мы не имеем права подвести их.

— Не случится ли так, что вчерашний российский министр «национализирует» союзное ведомство в пользу России?

— Работая на Огарева, 6, я не прерывал связи со своими коллегами из республик. Хорошо знаю их проблемы, которые еще несколько дней назад были моими. Российская милиция уже заключила несколько договоров с с другими республиканскими МВД. Нас всех соединяет профессиональная солидарность. Нам делить нечего. Ни национализировать, ни денационализировать ничего не собираюсь. Милиция должна быть вне политики. Наше дело — борьба с преступностью.

— Коллегия МВД СССР лишь 22 августа высказалась против ГКЧП, признав его решения антиконституционными...

— Дело даже не в коллегии, хотя такое решение нужно было принимать еще 19 августа. Дело — в позиции людей. Без всяких коллегий к нам в Белый дом приехали, например, 40 офицеров КГБ служить России. С российскими флагами подошли 10 танков...

Борис Пуго взял на себя грех. Но ведь его окружали десятки генералов, высших офицеров. Увы, немногие открыто выступили против ГКЧП. Решительно действовали, например, командиры, которые не допустили применения внутренних войск в блокировании коммуникаций и захвате зданий. Но ведь были и сомневающиеся, колеблющиеся, скрывающиеся за должностной инструкцией... Преследовать никого не хочу, но и с бессовестными работать не намерен.

Сергей ГЛАЗУНОВ

ДО И ПОСЛЕ «ИСПОВЕДИ»

● ПРИГОВОРЕННЫЙ К СМЕРТИ ДЕЛАЕТ СЕНСАЦИОННЫЕ РАЗОБЛАЧЕНИЯ

● ПРОКУРОР ШАРАЕВСКИЙ СПАСАЕТ ГДЛЯНА ЦЕНОЙ СОБСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

● ГЛИНКОВСКАЯ ТРАГЕДИЯ ПОЛУЧАЕТ НОВОЕ ОСВЕЩЕНИЕ

● СХВАТКА БОЕВИКОВ С РАЗОБЛАЧИТЕЛЯМИ УБИЙЦЫ

1.

Не, в натуре, я тащусь.

«Не ахти какую длинную дорогу от райцентра Глинка до «Устромского» милиция и активисты ощупали, как слепой половицу. Неводом-ситом избороздили безрыбные речки. Водолазы, пугая лягушек, ныряли в озеро. Но обнаруженный в лесу халат с пятнами крови не укараулили — стибрили улику из-под носа милиции». («Крокодил», № 6, 1991 г.).

«А убийца находился бок о бок с дознавателями. Улыбался приветливо, пожимал руку при встрече. Более того, помогал разрабатывать стратегию поиска, опрашивал свидетелей». (Оттуда же).

«Налицо были тридцать три свидетеля, а поиск преступника не приносил успеха. Давали осечку как индукция, так и дедукция». (Опять оттуда).

Хватит цитат. Пора лопнуть от смеха.

Кто не лопнул, я не виноват.

2.

Так вот, для нелопнувших: есть смысл немного свихнуться. Советую как добрый человек. Читающих одновременно «Крокодил» и «Сельскую новь» прошу не беспокоиться: они, вероятно, уже...

Если «крокодильские» милиционеры страдают размягчением мозга и шалеют от приветливой улыбки прокурора, то в «Сельской нови» они с первой же минуты подозревают именно его. Если в веселом журнале все их усилия свелись к тому, чтобы корчить рожи оторопевшим лягушкам, то в серьезном — милицейская группа, вопреки стараниям прокурора, обнаруживает место убийства, «раскручивает» одного из подельников и т. д. Короче, материалы так же не похожи друг на друга, как африканский крокодил на нашу сельскую новь. Подозреваю, что между последними можно найти даже больше сходства.

Своими открытиями я, конечно, мало кого поразил до икоты. В эпоху развитого плюрализма мы закалились на прямо противоположных описаниях одного и того же события. И вроде бы уже гордимся этим завоеванием, едва ли не единственным за последнее время. Хотя, по здравому рассуждению, кому-то из авторов-антагонистов лучше бы завоевать что-нибудь посолиднее. Честное имя, например. Или Николаю Самохвалову, специальному корреспонденту «Крокодила», или Николаю Самохвалову, корреспонденту «Сельской нови». Вы чего-то недопоняли? Но я же просил не расслабляться до здравых рассуждений. Автор один, а точек зрения у него две. Кто внял моему совету, тот знает, что это — вполне обычное явление. Раздвоение личности.

3.

Не, в натуре, я торчу. Бей ментов! Народ спасибо скажет. Корешиться начнет.

Ну ладно, согласен: не весь народ, а лишь специфическая его часть. Те, кому милиция жить мешает. А кому она мешает? Николаю Самохвалову? Но ведь он написал про нее и «положительный» вариант. Тогда, значит, «Крокодилу»? А что, прикажете совсем не доверять своим корреспондентам?

4.

Ёрнический тон, навязанный нам крокодильской публикацией, совершенно не соответствует теме. Речь пойдет о трагедии, разыгравшейся в поселке Глинка Смоленской области, и о драмах, предшествовавших ей. Посмотрим, над кем и над чем глумится автор сатирического журнала. Но уже без дураков.

В очерке «Шесть литров денег, или Прокурор «в законе» («Советская милиция» № 2, 1991 г.) мы рассказали об уникальном, даже по нынешним жестоким временам, преступлении: прокурор Глинковского района Вячеслав Шараевский вместе со своим младшим братом Виталием убили кассира и заместителя главного бухгалтера совхоза «Устромский» Тамару Рогощенкову и Галину Прохорову, завладев 35 тысячами рублей. Случай нашумевший, попавший на страницы многих изданий. Публикации, правда, подчас смущали довольно вольным обращением с фактами и дерзким неприятием картины преступления, выявленной в ходе судебного разбирательства.

Впрочем, «дерзость» видна только сегодня, а тогда она просачивалась исподволь, намеком и полунамеком, между строк и вскользь оброненным словом. Внушив общественности, что дело это было и осталось темным, вдохновленные авторы приступили к кампании по реабилитации имиджа Вячеслава Шараевского. По двум направлениям: пороча Верховный суд РСФСР и развернув оголтелую травлю глинковской милиции.

Что касается суда, тут все ясно: объяви его неправым, и приговор станет чернеть на глазах. Но почему они попутно возжаждали и «крови» сотрудников РОВД?

5.

«При назначении Шараевского прокурором Глинковского района бывшим старшим помощником прокурора области по кадрам Ефременковым А. И. допущена фальсификация документов. В список лиц, находящихся в резерве кадров на выдвижение... на основании решения аттестационной комиссии под № 10 внесена фамилия Шараевского, где он зачислен в резерв на должность прокурора района. Однако в протоколе заседания аттестационной комиссии... не имеется сведения, что аттестация Шараевского рассматривалась и вынесено такое решение... При оформлении документов и направлении их в Прокуратуры РСФСР и СССР для назначения на должность прокурора района Шараевский в автобиографии не указал, что отец трижды привлекался к уголовной ответственности за умышленные преступления и отбывал наказание в местах лишения свободы. Старший помощник Ефременков А. И., зная об этих обстоятельствах, не провел надлежащей проверки, не принял мер к недопущению фальсификации документов и отражению в них объективных данных...» (Из приказа прокурора Смоленской области, изданного после свершившейся трагедии).

Ефременкова уволили. Нашли «стрелочника»? Или система назначений главных стражей законности у нас действительно такова, что один-единственный чиновник способен протащить к прокурорскому креслу чуть ли не проходимца? Приказ облпрокурора и последовавший за ним приказ Прокурора РСФСР однозначно подтверждают вторую «версию».

Итак, закон в Глинковском районе взял в свои руки оборотень, абсолютно его, закон, не уважающий. Злой и мстительный: вставшего поперек его дороги ожидало сфабрикованное уголовное дело. Жестокий: безвинная женщина, вернувшись с пристрастного допроса, учиненного Шараевским, пыталась покончить с собой (ее, по счастью, удалось спасти). Ухарь с бандитскими замашками: ему ничего не стоило прилюдно измордовать человека. Благодетель местного хулиганья: не один обязан прокурору освобождением от ответственности. Покровитель самогонщиков и спекулянтов: под его «патронажем» долгое время действовал подпольный шинок, круглосуточно торговавший спиртными напитками заводского и домашнего изготовления. В стране как раз «преодолевалось» пьянство, так что кабак, содержавшийся ближайшими знакомыми Шараевского, пришелся весьма «кстати: поток клиентов не иссякал. Неистовый ловелас: в районе, где все у всех на виду, сбились со счета, обсуждая его альковные похождения. За постельные утехи расплачивался чужими судьбами: готовя «теплое» место для очередной любовницы, он всеми доступными ему средствами опорочил ее предшественницу, завел на нее уголовное дело, а когда ту уволили, уголовное преследование, естественно, прекратил. Расчетлив и беспринципен: записывал в друзей тех, на кого имел хороший компромат, гарантировавший их преданность и покладистость. Незаписанных — по его воле — и незаписавшихся — по их брезгливости — «сдавал».

6.

— Человек-маска, мастер перевоплощения, с развитым чувством момента, упреждающего удара. Лесть начальству и показуха активной деятельности били в нем ключом. Когда появлялся малейший повод сделать из мухи слона, то он его не упускал. Но, пожалуй, любимый конек — наслаждение властью над людьми, в чем он не знал предела...

— Сплошной «негатив»?

— Как сказать... Шараевскому присущи хладнокровие, выдержка, самообладание, интеллект, эрудиция... Очень грамотен как юрист. Физически отлично развит. Совсем не «пропащий»! Если бы, начав вершить зло, он встретил сопротивление — глядишь, остановили б зарвавшегося прокурора, не допустили до бездны...

Мой собеседник — начальник Глинковского РОВД капитан милиции Владимир

Майоров. Почти ровесник тому, о ком идет разговор. Случилось так, что и свои посты они заняли почти одновременно, в 1986 году.

— Этот год — особый в биографии Шараевского. Год его признания, утверждения и стремительного падения к пропасти. Отметил он его тем, что сорвал взятку за погашение конфликта в новогоднюю ночь. Взятки будут и дальше (прокурор их обожал), а пока ему требовалось всеобщее признание, какового он добился путем ареста и привлечения к уголовной ответственности за хищение в особо крупных размерах и другие преступления директора совхоза «Устромский» Павлюченкова и его подчиненных. В число преступников попала и Рогощенкова, будущая жертва Шараевского. Это громкое — по районным меркам — дело обернулось для прокурора крушением его личности. Он вступил в сложные взаимоотношения с Рогощенковой, знавшей всю его подноготную, причины того, почему она и другие подельники остались на свободе. «Втюрился» в ее подругу — Прохорову. Не знаю, к чему бы привели их интимные отношения, но «исходные данные» таковы: Шараевский тяготился прежним браком, а Прохорова развелась с мужем. Неожиданно прокурор получил страшный удар: Прохорова полюбила парня-богатыря и решила выйти за него замуж. Вскоре изменил язык Рогощенковой. За несколько месяцев до своей гибели, когда в открытую заговорили о взятках Шараевского и стали, наконец, проверяться наши сигналы, Рогощенкова сказала ему: «Что будет с тобой, Славик, если я про тебя все расскажу?» Он понял, что ее поведение уже неконтролируемо, и его уязвленное самолюбие не снесло двойной измены.

Но в 1986 году никто, конечно, не предполагал, что их расставанье выльется в «кровавый фейерверк».

Пришел 1987-й. Началась наша активная борьба с беззакониями Шараевского. В обком партии из РОВД поступило подробное описание его противоправной деятельности. Обком переправил письмо в областную прокуратуру, откуда — за подписью облпрокурора — любезно сообщили, что в работе Шараевского «непринципиальности и личной заинтересованности» нет...

Ответный «залп» не заставил глинковскую милицию «сложить оружие». Ее сигналы продолжали идти и в Смоленское УВД, и в партийные органы, и в областную прокуратуру. Писал сам В. Майоров, его сотрудники, офицеры РОВД — полным составом... Тщетно! Вышестоящее начальство стеной стояло за Шараевского, его ставили в пример другим прокурорам, поощряли.

— Настал роковой 1989 год. 26 января мы сообщили в прокуратуру области о незаконном освобождении из-под стражи злостных хулиганов Ханиева и Гологузова, но заместитель облпрокурора С. Петухов возразил: действия Шараевского обоснованны.

Эти и примкнувшие к ним действия «потянули» в приговоре Верховного Суда РСФСР на три года лишения свободы. Шараевский вступил в сговор с народным судьей Глинковского района Г. Бельским, который задним числом оформил поступление дела в суд, задним же числом вынес постановление о предании хулиганов суду. «Сэкономленное» время прокурор использовал для того, чтобы сфальсифицировать материалы уголовного дела (заменил протоколы, подделал подписи, творчески переработал картину преступления и т. п.).

— 26 апреля офицерский состав РОВД обращается к прокурору области и в райком КПСС с ходатайством о привлечении Шараевского к уголовной и партийной ответственности. В ответ — гробовое молчание. 23 мая я еду на коллегию и везу в УВД материалы о фальсификации прокурором дела Ханиева и Гологузова и получении им взятки. Мне велено довериться С. Петухову, но тот меня не принял. 24 мая Петухов — по жалобе другого лица — сам приезжает в Глинку, и в моем служебном кабинете мы побеседовали с ним с глазу на глаз. Я ему все рассказал и отдал часть материалов. Петухов обещал срочно проверить и принять меры, но обманул. Никаких проверок. 21 июня мне позвонили из УВД и сообщили, что прокурор области прислал грозное письмо с требованием привлечь меня к ответственности за то, что я собираю компрометирующий материал на прокурора района, а также велено было передать все материалы в облпрокуратуру. Возмущенный и потрясенный, я отвез в УВД то, что месяц назад показывал Петухову. 26 июля они — с моим рапортом — поступили в облпрокуратуру, где спустя 10 дней их для дальнейшей проверки вручили А. Масловой. В процессе этот эпизод изображается поразному. Кто пишет, что работала особая комиссия, кто вещает о том, что проверка не успела закончиться. Это не так. Мне достоверно известно, что проверка была закончена, и проверяющая доложила прокурору области Ю. Лисину и его заму С. Петухову свое мнение, которое требовало возбуждения уголовного дела. Но... ничего не произошло. До убийства оставалось меньше месяца...

Глинковская милиция, в одиночку сражавшаяся с оборотнем, терпела поражение за поражением. И можно лишь удивляться, как в такой обстановке у В. Майорова не опустились руки, до последнего момента он не терял надежды, что возьмет верх все-таки истина, а не истовая защита «чести» прокурорского мундира.

Потом, после свершившегося, журналисты — от районной газеты до «Крокодила» — поставят «художества» Шараевского в вину... Глинковскому РОВД. От ненавязчивого: «...О фальсификации документов в одном из уголовных дел было известно не только некоторым глинковцам, но и РОВД. В очередной раз подтверждалось: закон, что дышло...» До убойного: как несравнимы «милицейские кары», применя-

ющиеся к одним, с оценкой «служебных шалостей» прокурора!

7.

Закон о Прокуратуре СССР, ст. 47: «Возбуждение и расследование уголовных дел в отношении прокуроров и следователей является исключительной компетенцией прокуратуры и производится не иначе как с согласия органа, назначившего этих лиц на должность».

Милиция ничего не могла поделать с прокурором-преступником, а Шараевский с ней — все, что угодно. Подумать только: местные власти ему симпатизируют, районный судья — друг, товарищ и брат, один РОВД, как бельмо на глазу. От угроз сорвать погоны со строптивцев, от обложного мата, которым он покрывал милиционеров при встрече, Шараевский перешел к более подобающим ему акциям. Втайне (!) возбудив уголовное дело против одного из опытнейших сотрудников РОВД Н. Борисова прокурор вынужден был его прекратить. Но оставил задел на будущее: прекратил по нереабилитирующим основаниям. Снова возбудил, снова прекратил. Держал на «крючке». Игрался, как кошка с мышкой. И так на протяжении восьми месяцев, пока, благодаря упорству и настойчивости офицеров Глинковского РОВД, неоднократно обращавшихся в республиканскую и областную прокуратуры, дело против Н. Борисова не прекратили за отсутствием состава преступления. Однако Шараевский выжал из него все соки. На различных собраниях-совещаниях клеветал на подследственного, представлял о нем искаженную информацию в областные инстанции, и уже на коллегии УВД шел разговор о «преступлениях» среди сотрудников Глинковского РОВД. Даже после того, как «дело» испустило последний «пшик», Шараевский продолжал клеймить позором глинковскую милицию, «греющую» в своих рядах «преступников». И, представьте себе, вновь никто не заступился за оболганный РОВД. Нет, Шараевского и впрямь толкали в пропасть, позволяя ему «распоясываться» при всем честном народе!

Конечной целью прокурора брезжила попытка свалить В. Майорова. Против начальника РОВД он, как ни старался, не мог наскрести никакого компромата, поэтому избрал иную татику: «создавать» правонарушителей в его отделе. При активном участии прокурора группу глинковских милиционеров объявили «с кондачка» браконьерами. Стряпня оказалась настолько некачественной, что их оправдал и райнарсуд во главе с другом Шараевского, готовым ради него на подлог. Но, прежде чем это произошло, «браконьеров» склоняли все, кому не лень — был поднят невообразимый шум...

Преследуя милицию, загоняя ее в кривые углы, Шараевский не был бы Шараевским, если б удовлетворился только этими забавами.

Из письма участкового инспектора Глинковского РОВД М. Помозова первому секретарю Смоленского обкома КПСС А. Власенко: «27 июня 1987 года в третьем часу ночи мною была задержана с поличным при сбыте трех литров браги медсестра Глинковской ЦРБ Филимонова Галина Андреевна. В надворных постройках ее дома обнаружено около 30 литров браги. Еще до возбуждения уголовного дела прокурор забрал у меня проверочный материал, мне четыре раза пришлось обращаться к нему за ним, так что уголовное дело удалось возбудить только 7 июля. В ходе расследования прокурор стал активно противодействовать установлению истины. Суть в том, что Филимонова Г. А. и ее мать Сыса Зинаида Николаевна являются близкими друзьями прокурора... После обнаружения у них браги прокурор практически не выходит из их дома, дает консультации, а те в свою очередь пускают по поселку Глинка слухи, что «в милиции за это дело не один положит погоны и слетит с работы»...»

Из рапорта начальника Глинковского РОВД В. Майорова начальнику УВД Смоблисполкома Л. Горкину: «21 июля в процессе дознания мы вышли на то, что Филимонова и ее мать, помимо самогоноварения и сбыта, занимались спекуляцией, т. е. продавали водку и вино по завышенным ценам. Узнав об этом, прокурор велел Помозову прибыть к нему с делом. Я запретил. Шараевский, получив отказ, зашел ко мне в кабинет и потребовал дело. Я ответил, что не дам, так как он лично заинтересован в его исходе... Он начал мне угрожать, хорошо ли я подумал, что он, мол, сделает так, что мне больше не работать в милиции...»

Не мытьем, так катаньем: поняв, что ни официальным путем, ни путем налетчика уголовное дело на подруг ему не заполучить, Шараевский приступил к обработке свидетелей. Вызывал их к себе, выпытывал, что они говорили в милиции и, «улещая» кнутом и пряником, требовал изменить показания. Средства не выбирал: одну из свидетельниц, постоянную клиентку Филимоновой и Сысы, алкоголичку, готовившуюся в ЛТП, пообещал избавить от лечения (и, между прочим, избавил), дабы его протеже и впредь зарабатывали на ней деньги.

Вышестоящее начальство не могло не отреагировать на очередную схватку Шараевского с законом. Из официального ответа прокурора области Ю. Лисина: «Прокурорский надзор за расследованием данного дела возложен на прокурора Ельнинского района т. Волкова В. В. Прокуратурой области удовлетворена просьба т. Шараевского В. Н. об отстранении его от осуществления прокурорского надзора за данным делом».

Симпатичный выверт. Коли нельзя встать на сторону глинковского самодержца, то почему бы не увести в сторону его самого, нежно обняв за плечи?

Самогонщицы все-таки попали под суд и свое получили. Обиженный прокурор отомстил милиции сторицей.

Как раз в те дни произошло ограбление сейфа в РАПО. Потерпевшая позвонила

Шараевскому, тот, не поставив в известность милицию и не осмотрев место происшествия, почти неделю тянул с передачей дела в РОВД. Срок вполне достаточный, чтобы сыщики остались без следов и без улик. Вина за нераскрытое преступление легла, само собой, на милицию.

Подвернувшийся «импровиз» только усилил аппетит прокурора, алчущего сатисфакции. И когда из РОВД поступили материалы на особо опасного рецидивиста Полякова, требовавшие возбуждения уголовного дела, он даровал преступнику прощение, каковым тот не преминул воспользоваться, сбежав куда подальше. С полмесяца разыскивала его глинковская милиция, обнаружив, наконец, в одной из украинских деревень. Полмесяца Шараевский ликовал, глядючи на прибавление хлопот ненавистным оперативникам.

Добро еще, что Поляков не успел ничего натворить: от подобных прокурорских «проказ» не единожды наступали тяжкие последствия. Незаконно уводившиеся им от заслуженного наказания через короткое время совершали более «громкие» преступления, от которых страдали невинные люди, чьи раны — целиком на совести Шараевского.

А уж какой любовью прокурор окружал тех, кто оказывал милиционерам физическое сопротивление! При всей очевидности фактов тут же выпускал на волю...

М-да... «Улыбался приветливо, пожимал руку при встрече». Помните?

8.

Надо самозабвенно обожать плохие детективы, дабы всерьез верить, что следователи не делают ошибок. И взахлеб хохотать над реальными сыщиками, от «проколов» не застрахованными.

В первые дни после исчезновения женщин были допущены просчеты, что дало возможность убийцам перезахоронить трупы, уничтожить важные следы преступления, избавиться от улик. Задним умом мы все крепки, но на начальном этапе расследования никто не предполагал, что женщины убиты. В том, что Шараевский причастен к их исчезновению, милиция не сомневалась. Прячет где-то. Хочет проучить директора совхоза «Устромский», не обеспечившего своих подчиненных транспортом для доставки крупной суммы денег.

Но, право же, именно благодаря сотрудникам Глинковского РОВД страшное преступление удалось раскрыть. Спустя восемь дней после убийства они арестовали брата прокурора, предъявив ему обвинение в хулиганстве и после серии умелых допросов, психологической обработки Виталий Шараевский признался в убийстве, а затем и выдал трупы, которые — смею предположить — никогда бы не нашли не только «милиция и активисты», но даже подтрунивающий над ними «Крокодил». Прятал-то грамотный человек, знающий и методику расследования, и уголовную практику.

Опорочить несомненную заслугу глинковской милиции невозможно. А «нейтрализовать»? В некоторых публикациях это сумели: дескать, «вдруг» вспомнили о «подвигах» Виталия, где были раньше? А раньше были вот где: пострадавшие из-за страха перед прокурором категорически отказывались заявлять на его брата. Кто порывался, тот имел такой тет-а-тет с Шараевским-старшим, что тут же подставлял вторую щеку.

Расследуя костоломные похождения Виталия, вышли на личное участие в одной драке самого прокурора. Преступление «весило» на 5 лет лишения свободы (как определено впоследствии в приговоре Верховного Суда РСФСР по этому эпизоду), однако арестовывать «законника» не спешили. Милиция хотела, но не могла, прокуратура — могла, но не хотела. Театр абсурда: явный преступник, словно броней, защищен Законом о Прокуратуре СССР.

Не будем гадать, насколько бы облегчилась работа следователей, если б Вячеслав разделил судьбу Виталия, а не оставался на свободе вплоть до обнаружения трупов. Но то, что облегчилась бы — несомненно. Создать же дополнительные трудности мешала опять-таки милиция, не спускавшая с прокурора глаз. О профессионализме сотрудников Глинковского РОВД свидетельствуют, например, хитроумные маневры Шараевского, проходившие под их негласным наблюдением.

Трое закадычных друзей убийцы купили билеты на Москву, втроем и отправились в Смоленск, где формировался поезд. В это время на железнодорожной станции поселка Глинка появился Вячеслав Шараевский. Избавляясь от «хвоста», нырнул в магазин, выскочив из него перед самым отходом электрички, идущей в противоположную от Смоленска сторону. На ней и уехал, посмеиваясь над «незадачливыми» сыщиками: пусть гадают, куда направился...

Минут через сорок он сошел на станции Демщина и пересел на электричку, идущую в Смоленск, откуда со своими друзьями (из которых третий был, разумеется, лишним, подставным) спокойно поехал в Москву, не подозревая, что в РОВД в деталях отслежен его маршрут...

Шараевский рванул в столицу вслед за оперативниками, направленными В. Майоровым к знаменитому экстрасенсу К-вой. Оставалась последняя надежда — определить с ее помощью местонахождение трупов. Найти их — значит, поставить прокуратуру перед безоговорочной необходимостью ареста Вячеслава Шараевского. Каждый час его пребывания на свободе грозил непредсказуемыми событиями: такой «ас» пойдет на все, если поймет, что он окончательно «проиграл», что покровители уже не спасут.

Помощь экстрасенса запоздала. Виталий, сломавшись, показал тщательно замаскированную могилу на следующий день после отъезда брата.

По сведениям В. Майорова, Вячеслав Шараевский искал в Москве встречи с К-вой, даже сумел узнать ее домашний

адрес. Встреча, к счастью, не состоялась...

На смоленском вокзале, по выходе из вагона, его арестовали.

9.

«— Один из убийц работает в правоохранительных органах, — прямо указала ясновидящая.

Но Майоров и Молодцов упорно продолжали охоту на охотоведа».

Это из «Крокодила». Каково?

10.

В ходе следствия (его вели работники областной и республиканской прокуратур) всплывали и вновь тонули любопытные факты, свидетельствовавшие о корыстолюбии прокурора-убийцы: за взятки улаживал конфликты граждан с законом. Признавшиеся в даче взяток и посредничестве не имели никаких мотивов для оговора Шараевского, друг другу не противоречили, их показания подкреплялись показаниями свидетелей. Налицо были и последствия от дачи взяток: правонарушители уходили от ответственности.

Постепенно все «рассыпалось». Кто отказался от своих слов, тому поверили. Кто не отказался — не поверили. Взятки переквалифицировались или в подарок, или в жест признательности, и даже «знаменитое» дело по обвинению Ханиева и Гологузова, фальсификация которого отняла у глинковского прокурора много времени и сил, потребовала сговора с народным судьей, оцененная им — по первоначальным данным — в несколько тысяч рублей, в итоге получило такое объяснение: Шараевский старался по причине внезапно вспыхнувшей симпатии к родственникам обвиняемых.

Любовь, конечно, зла, и она частенько настигала прокурора, когда он оставался один на один с правонарушителями, о чем РОВД располагает соответствующими материалами. То есть добытое следствием тоже тянуло за собой «цепочку». Другими словами, если взять в расчет страсть к наживе, то жертвы погибли из-за 35 тысяч рублей. Если принять во внимание неустанную заботу прокурора о росте преступности, то Рогощенкова и Прохорова лишились жизни из-за того, что слишком много знали о своем друге.

Две логически выстроенные версии.

11.

Блаженны ищущие. В обвинительном заключении появился «гибрид». Должностной подлог — из личной, но не корыстной заинтересованности, убийство — из-за корысти. Преступная деятельность глинковского прокурора свелась к импульсивным поступкам: вдруг развалил дело, вдруг схулиганил, вдруг убил...

Суд не имеет права выходить за рамки обвинительного заключения. И хотя его формулировки вызывали недоумение, судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда РСФСР сочла возможным не отправлять дело братьев Шараевских на дополнительное расследование, поскольку их вина доказывалась со всей очевидностью. Экс-прокурора приговорили к расстрелу, его брата — к 15 годам лишения свободы.

Но в формулировках обвинительного заключения была заложена большая «бомба».

12.

В газете «Смоленские новости» появилось интервью с обитателем камеры смертников Вячеславом Шараевским. Преступника возвели на свободную трибуну для самообеления.

«Кто он на самом деле? Садист — хладнокровный и жестокий? Или мученик, бросивший на алтарь родственных чувств свою жизнь? Ведь по версии Вячеслава Шараевского именно так: он взял на себя вину за убийство, совершенное братом, и виноват лишь в том, что вместе с ним заметал следы», — терзается сомнениями, предваряя беседу, журналист С. Новиков.

Я не знаю, почему он терзается. Интервью с Шараевским повода для этого не дает.

Заявив, что он — жертва «ситуации в стране» («как говорят: когда хлеба не хватает, всегда пичкают зрелищами»), убийца в два счета расправляется с судом — «просто спектакль», «политический фарс какой-то» — и принимается за родное ведомство: «Если свой замешан в чем-то, не было такого случая — я не помню, да и любой работник прокуратуры скажет — прокуратура никогда не пыталась защитить, разобраться объективно в данной ситуации... И вот что еще скажу вам — первому... С меня, в общем, выбивали показания на Гдляна и Иванова, компрометирующие их. Естественно, предлагали свои услуги. Шла торговля. Я сдаю их, независимо, было там что или не было, а мне помогают выкарабкаться из этой истории. Не дашь — мы, как выразился начальник следственного управления Прокуратуры СССР, накрутим тебе тогда».

Обидно, крайне обидно за ведомство, сделавшее ради Шараевского все возможное и невозможное, и утешаться остается только тем, что бывший прокурор во имя самосохранения не пощадил собственного брата, пытаясь им заслониться от расстрела. Купив Виталия на обещании взять всю вину на себя, он прекрасно понимал, что тот запутается на первом же допросе, валя убийство обеих женщин на Вячеслава. Так оно и произошло, и Виталий, выбитый из колеи, получил — с разрешения следователя — записку от брата: «Раз ты начал давать показания, выдай деньги, нож и топор...» Поскольку они прятали вдвоем, и Вячеслав сам бы мог указать эти места, Виталий понял: долг платежом красен. Коли не удалось выкрутиться самому, спасай другого. Младший брат с готовностью полез в подставленную петлю...

Старший все продумал преотлично: ког-

да начался пикник, он, мол, оставил Виталия наедине с женщинами, а сам уехал с целью обозреть окрестности, не следят ли за ними милиционеры; вернулся — застал трупы... На деталях его, как младшего, не поймать: ничего не видел.

Следствие пошло своим чередом, но Виталий неожиданно спохватился, что продан с потрохами, и написал заявление Прокурору РСФСР, в котором — в отместку — во всем обвинил брата...

Отчаянно, до последнего защищался Вячеслав Шараевский, сдавая ту или иную позицию лишь при неопровержимых уликах. Каким-то образом он сумел вновь воздействовать на подельника, но собранные факты уже работали против него.

В интервью «Смоленским новостям» старший берет реванш, не оставляя младшему никакой надежды оправдаться. Оппонента нет, корреспондент — сама любезность. «Честно говоря, — честно говорит С. Новиков, — я впервые встречаюсь...» — «С убийцей», — хмыкает Шараевский. «Нет, — поспешно протестует интервьюер, — я хотел сказать, с приговоренным к смерти». С таким собеседником можно совершенно не церемониться, нести околесицу, лепить чушь, заправлять арапа: «Приговор этот извращенный весь... Ну, например, трупы пролежали в земле 40 дней, естественно, произошли гнилостные изменения, а в приговоре подано так, что вот издевались над трупами, глаза выкалывали. И весь приговор так построен». Корреспондент «глотает», не пытаясь хотя бы робко возразить, что нету этого в приговоре, даже если читать его справа налево. И спрашивает с подкупающей прямотой: «А ваш брат достоин смертной казни?..» Шараевский застенчиво мнется, «да» и «нет» не говорит, только как бы недоумевает: кто же, если не брат?

13.

Если человек врет — значит, скрывает правду (афоризм в духе интервью). Но «Смоленским новостям» ни ложь, ни истина не в убыток. Требовалось посеять смуту в общественное сознание, и они ее посеяли.

«В интервью Шараевский-старший откровенничает, мол, все сделал ради того, чтобы спасти от «вышки» младшего брата, — пишет в своем отклике корреспондент смоленской областной газеты «Рабочий путь» В. Сергеенков. — Однако на суде, когда братья в очередной, четвертый раз поменяли показания и Виталий убийство обеих женщин взял полностью на себя, Вячеслав, к ужасу присутствующих и некоторой растерянности юристов, не только эти показания не отрицал, но и подтвердил их. Где логика? Когда же бывший прокурор говорил правду, на суде или в камере СИЗО перед диктофоном С. Новикова?»

И на суде, и в интервью Вячеслав Шараевский говорил одну и ту же «правду»: он к убийству не причастен. Надуманная дилемма выдает полнейшее замешательство В. Сергеенкова, детально занимавшегося делом братьев Шараевских.

Такова реальная мощь эмоций, удесятеренных совместными усилиями убийцы и интервьюера.

Глинковская районная газета «Заветы Ленина» перепечатывает беседу с бывшим прокурором, имеющую, кстати, претенциозный подзаголовок: «Исповедь приговоренного к смерти». Исходя из того, как сказано в редакционном предуведомлении, что многим не удалось ее прочитать. Эка необходимость: тиражировать бред, «предлагая читателям самим определить свою позицию». Какую позицию? Верить или не верить Верховному суду РСФСР? Кому, интересно, и зачем понадобилось подбивать народ на, так сказать, правовой «бунт»?

14.

«Смоленские новости» провели сев в благоприятные сроки и в хорошо подготовленную почву. Отрывистость обвинений, предъявленных Вячеславу Шараевскому, давно занимала умы людей, гадавших, что бы это значило. Спасибо интервью — Шараевский сам все и объяснил.

Не требовалось особой прозорливости, чтобы спрогнозировать подобный прыжок. Глинковская милиция еще до суда забила тревогу: следствие оставляет пробелы, уводит от ответственности тех, кто толкал Шараевского на преступления. Нельзя же, в самом деле, с серьезным видом воспринимать строки из приказа прокурора области, что работникам прокуратуры, выезжавшим в Глинковский район «для оказания практической помощи», «осталось неизвестным и неправильное личное поведение самого Шараевского В. Н. и его родственников». Как оно могло остаться неизвестным, если милиция исписала горы бумаг, сигналя не просто о «неправильном» — преступном поведении районного прокурора?!

Добиваясь полноты расследования, сотрудники РОВД заботились не только о том, чтобы каждому было воздано по заслугам. Когда начальника устраивает стиль работы подчиненного, логичны опасения, что они «плавают» одним стилем.

15.

Из рапорта начальника Глинковского РОВД В. Майорова начальнику УВД Смоблисполкома Л. Горкину: «Коллектив отдела решил войти с ходатайством на сессию райсовета об отзыве судьи Г. Бельского, допустившего должностной подлог в пользу Шараевского, но лица, производившие расследование, попросили меня не делать этого, поскольку до выборов судей оставалось немного времени, и обещали направить представление в отдел юстиции об отстранении от должности Г. Бельского. Однако отдел юстиции снова выдвинул его кандидатом в нарсудьи нашего района».

Хлопоты Майорова привели к тому, что Бельский заявил на него в областную про-

куратуру. С надеждой ждал начальник РОВД возбуждения против себя уголовного дела: «Пусть хоть таким образом я смогу бороться за истину». Увы... Из официального ответа В. Майорову: «По заявлению нарсудьи Глинковского района Бельского Г. И. о клевете проведена проверка. По результатам прокуратурой области в отношении Вас отказано в возбуждении уголовного дела за отсутствием состава преступления».

Клеветы не было. Тем не менее, Бельскому вручили судейскую «мантию» на очередной срок.

Облпрокуратура все-таки возбудила уголовное дело, но не против В. Майорова, не дававшего повода для «зацепки», а против его сотрудника, инспектора дорожно-патрульной службы ГАИ С. Дольникова, смастерив обвинение в превышении власти и служебных полномочий. Ельнинский райнарсуд (процесс состоялся, естественно, не в Глинке) вынес оправдательный приговор, подтвержденный областным судом. Но, прежде чем восторжествовала справедливость, и Дольникову и всему коллективу РОВД, боровшемуся за его поруганную честь, пришлось пережить несколько месяцев нервотрепки...

Знакомый почерк, не правда ли? Именно так урезонивал строптивцев Шараевский.

16.

Из телеграммы Председателю Верховного Совета РСФСР Б. Ельцину:

«В связи с нашей правовой незащищенностью и продолжающейся местью со стороны прокуратуры области... требуем немедленного отстранения от занимаемых должностей покровителей убийцы: зам. прокурора области Петухова С. А., прокурора области Лисина Ю. В., пом. прокурора Боровикова В. М. и нарсудьи Бельского Г. И. Наше обращение к Вам — это последний шанс найти справедливость в нашем обществе...

По поручению сотрудников Глинковского РОВД УВД Смоблисполкома начальник отдела Майоров».

Покровителей не отстранили. Зато в глинковскую милицию с раздирающим душу свистом полетели томагавки: одновременно в двух изданиях вспомнили историю годичной давности.

10 октября 1989 года в д. Монино Глинковского района пропали родословные охотничьи собаки, принадлежащие Н. Вдовенкову.

— 11 и 12 октября мы задержали в Могилевской области двоих участников кражи, — вспоминает В. Майоров. — Они показали, что организатором преступления был охотовед В. Мартынов, четко и последовательно рассказывали об его участии в «операции». Районный прокурор нашел достаточными основания для ареста, дал санкцию, и мы задержали охотоведа. 14 октября он заявил следователю: «Мафия бессмертна, я буду на свободе». Свое алиби назвать отказался. К вечеру 17 октября поступило грозное указание С. Петухова доставить дело в прокуратуру области. Представитель прокуратуры А. Маслова, изучив его, нарушений с нашей стороны не обнаружила, что, однако, не помешало С. Петухову поручить дальнейшее расследование следственному отделу УВД. Дело принял к своему производству следователь Антонов. Вина Мартынова по-прежнему доказывалась. Тогда Антонова отстранили и отозвали из отпуска многоопытного Есилевича. 7 декабря 1989 года он прекратил уголовное преследование Мартынова «за недоказанностью его вины»...

И вот — в 1991 году на «охотничью тропу» вышли «Крокодил» с «Топором в законе» и «Рабочий путь» с «Кабаном в рюкзаке». Авторы этих статей Н. Самохвалов и В. Зинуков, подновив исходный материал более свежими «бесчинствами» глинковской милиции в отношении В. Мартынова, растерли ее в мелкий вонючий порошок. Здесь нет места проанализировать «достоверность» всех их измышлений, да, впрочем, и нет необходимости, достаточно привести характерные приемчики. Следователь прокуратуры провел обыск в доме тестя Мартынова — Н. Самохвалов выдает его за погром, учиненный милицией. Попался за нарушение правил охоты начальник районного охотничьего участка В. Бахмуткин, — В. Зинуков «обзывает» его милиционером. Сотрудники РОВД установили, что подручный Мартынова егерь В. Гончаров, недавно вышедший из колонии, не имеет права на ношение огнестрельного оружия — один из авторов подает это как месть за «принципиальность» егеря, другой с готовностью подписывается под каждым словом Гончарова, направленным против милиции. Хук слева, хук справа... То топором в рюкзаке, то кабаном в законе.

Славно поработали. Ментам не отдышаться.

Чей заказ выполняли усталые, но довольные корреспонденты-боевики? Собственного сердца? Охотоведа Мартынова? Или?..

Почему они, прекрасно осведомленные о событиях в Глинке, выдающие себя за правозащитников, ни словом не обмолвились о травле С. Дольникова, оправданного судом, но горой встали за В. Мартынова, освобожденного от уголовной ответственности во внесудебном порядке? Потому, что первая жертва — милиционер, а второй — сам «жертва милиции»? Потому, что охотовед — друг прокурора-убийцы? Какие силы восстали против непреклонных сотрудников Глинковского РОВД? Что стоит за попытками обелить Вячеслава Шараевского? Чем он обаял своих покровителей?

17.

«Пылающий костер беззакония», — с мрачной витиеватостью определил сложившуюся ситуацию Владимир Майоров.

Костер из костей тех, кто уже пал жертвой беззакония.

ДВА ПИШЕМ, ТРИ В УМЕ...

Толгат НУРУЛЛИН,
подполковник милиции,
член комиссии
по профессиональной
этике
Союза юристов СССР

Кого сейчас в нашей стране удивишь нерешенными проблемами? Хотя в органах внутренних дел России некоторые из них уже решены (принят закон РСФСР «О милиции», сотрудникам повышено денежное содержание, укрепляется материально-техническая база), другие доведены до «соответствующих инстанций» и ждут своей очереди. Есть, однако, вопрос, который наверняка волнует всех сотрудников милиции, но особенно тех, кто непосредственно связан с предупреждением и раскрытием преступлений — это своевременная регистрация и учет заявлений и сообщений о преступлениях и реагирование на них.

Казалось бы, какие трудности? Кто вообще создал эту проблему? Принимай заявления, регистрируй и делай все, что положено по закону, по нашим ведомственным инструкциям. Но в том-то и дело: с одной стороны, руководство МВД—УВД требует регистрировать все, с другой — все и раскрывать. И по тому, сколько преступлений раскрыто (какой процент раскрываемости), оценивает работу горрайорганов, да и каждого сотрудника. Но у человека, будь он хоть семи пядей во лбу, силы и возможности ограничены, следовательно, сам тезис, что «все 100 процентов преступлений должны быть раскрыты» заведомо невыполним. Вот и приходится сотрудникам на местах изворачиваться, идти на различные ухищрения, манипуляции и фальсификации. Неужели это им нужно?

С 1988 года я пытаюсь на всех возможных уровнях доказать, что существующая ныне система критериев в органах внутренних дел порочна, ведет к нарушениям законности, злоупотреблениям, вводит в заблуждение все наше общество, искажая данные о состоянии преступности в стране. Отсюда — истерические статьи в прессе о наступлении преступности, ее резком росте. Будто это как гром среди ясного неба, а мы оказались не готовыми. В результате — поспешные и непродуманные решения верховной власти, Указы Президента и т. п.

Уважаемые товарищи! Не так все это! Конечно, в тот или иной период нашей жизни оперативная обстановка обостряется, происходят изменения как в структуре преступности, так и в ее динамике. Особенно эти явления характерны в местах обострения межнациональных отношений, при непродуманной экономической политике и т. д. Но в целом преступность, как социальное явление, развивается вместе с обществом. Растет население, повышается его культура и грамотность, укрепляется власть — наблюдаются изменения и в преступности. Но, как правило, все это происходит медленно, а не скачкообразно.

Может быть, кому-то мои суждения покажутся не очень убедительными и малоаргументированными. Но, поверьте, у многих научных работников и практиков из органов внутренних дел эта проблема настолько накипела, что они, видя бесперспективность всех своих потуг в ее решении, просто-напросто уходят из милиции или меняют оперативные службы, следствие на более спокойные подразделения.

Мне давно хотелось задать вопрос министру внутренних дел СССР, а теперь уже и министру внутренних дел РСФСР: неужели они не чувствуют необходимости срочно, пока не разбежалось все ядро профессионалов, решить эту проблему? Неужели не понятно, что именно от нее во многом зависят авторитет милиции, отношение граждан к правоохранительным органам?

Проведенное Академией МВД СССР поквартальное изучение общественного мнения в ряде городов, республиках и областях страны показало, что у населения растет тревога за состояние своей имущественной и личной безопасности, все меньше надежд возлагают люди на органы внутренних дел, которые обязаны обеспечивать их защиту.

Увы, подобные выводы небезосновательны. Вот типичный пример. 6 июля 1990 года в г. Омске из автомашины Савчукова В. Н. был похищен бумажник со 150 рублями и личными документами. В этот же

день он обратился в дежурную часть Октябрьского РОВД г. Омска. Дежурный заявление от него не принял, а направил к оперуполномоченному уголовного розыска, который опросил заявителя, материал нигде не зарегистрировал, выдав справку для ГАИ о том, что решается вопрос о возбуждении уголовного дела. При этом для «быстрого получения паспорта» посоветовал Савчукову написать заявление, что его документы сгорели вместе с курткой на костре в лесу. За утрату паспорта «по собственной небрежности» Савчуков был оштрафован административной комиссией исполкома на 10 рублей.

Подобных заявлений о кражах водительских удостоверений, паспортов, военных билетов в РЭО ГАИ, паспортных столах, военкоматах тысячи. И по многим из них законные решения не принимаются, особенно когда документы были похищены у заявителя в другом городе, в поезде и т. д. Проверяя паспортные столы в г. Йошкар-Оле, я обнаружил заявление Чернова Н. А. о выдаче ему паспорта взамен похищенного вместе с вещами из автоматической камеры хранения Казанского вокзала в Москве. По поводу кражи он обращался в линейный отдел внутренних дел, откуда ему ответили, что «паспорт не найден». А о краже как будто и речи не было. Естественно, она нигде и не зарегистрирована.

Или другой пример. В мае прошлого года у жителя г. Йошкар-Ола Бахтина А. Ю. в г. Москве на Комсомольском проспекте возле комиссионного магазина из автомашины похитили автомагнитолу, кассеты, дипломат с двумя тысячами рублей и личными документами. На место происшествия выезжали сотрудники 107 отделения милиции. Но когда я увидел в материале справку 107 отделения милиции о том, что гр-н Бахтин «обращался по факту хищения паспорта», сразу понял, что и это преступление укрыто. Это подтвердил по телефону заместитель начальника 107 отделения милиции по уголовному розыску: «Ни в Книге учета заявлений и сообщений о преступлениях, ни в алфавитном журнале учета заявление Бахтина не зарегистрировано». Хотелось бы надеяться, что оно все-таки найдется.

А возьмем другое «слабое место» органов внутренних дел: реагирование на заявления о кражах из садовых домиков, дач. Неоднократно приходилось проверять различные садовые кооперативы, товарищества. Воруют все больше, об этом сообщают в милицию, но в большинстве случаев эти заявления либо не регистрируют, либо по ним выносятся постановления об отказе в возбуждении уголовных дел в силу «малозначительности». О розыске преступников и речи нет.

Правда, недавно я столкнулся с одним фактом, когда оперативность сотрудников милиции поначалу даже приятно удивила. На одной из дач, что неподалеку от пос. Купавна Московской области, пропали транзисторный приемник «Вега», телевизор «Темп-209», электроутюг и сувенирный инкрустированный рог. Кража была обнаружена 6 января, и в этот же день (!) возбуждено уголовное дело. Но все оказалось очень просто. Дача принадлежит Генеральному прокурору, а с прокуратурой шутки плохи.

Впрочем, и с прокуратурой можно договориться. Как это делали в Автозаводском РОВД г. Набережные Челны. По всем угонам автомототранспорта, если транспортное средство найдено и не очень повреждено, там отказывали в возбуждении уголовных дел с согласия прокурора района. Было просмотрено около тридцати подобных дел за 1990 год. А вот в соседнем районе, Комсомольском, сотрудники милиции «договориться» с прокурором не могут. Оказывается, законность может быть не только «Калужская или Казанская», а и «Автозаводская».

Вместе с этим существует и другая крайность: когда отдельные руководители регистрируют все сообщения, поступающие из медицинских учреждений, о травмах не криминального характера, загружая и без того загруженных сотрудников уголовного розыска, участковых инспекторов бесполезной и никому не нужной работой. По тысячам малозначительных правонарушений следователи и органы дознания сначала возбуждают, а потом прекращают уголовные дела. Этот вал отработанной макулатуры заслоняет сотрудников от работы по более тяжким и опасным преступлениям.

МВД РСФСР подготовило и направило на согласование в Прокуратуру республики новую Инструкцию о порядке регистрации, учета и разрешения заявлений и сообщений о преступлениях. Но никакая инструкция, никакие приказы не смогут что-либо изменить, пока останутся старые критерии оценки работы, пока в сознании каждого сотрудника милиции не укрепится необходимость на первое место ставить интересы гражданина, а потом уже все остальное.

Уже дважды в газете «Щит и меч» (в мае 1990 г. и феврале 1991 г.), а также в журнале «Советская милиция» (№ 4, 1990 г.), в других газетах, в том числе в «Известиях» (19 марта 1991 г.) я писал на эту тему, вносил конкретные предложения. Но ни разу не получил ни от кого ответа на свои публикации! В связи с этим хотелось бы напомнить нашим руководителям приказ МВД СССР № 179 от 30 августа 1989 г. «О журнале «Советская милиция», который обязывает всех начальников Главных управлений, УВД и т. п. «принципиально и своевременно реагировать на острые, злободневные выступления журнала, пресекать любые попытки волокиты и формального ответа на критику».

ОТ ЧЕГО СТРАДАЕТ НАШ АВТОРИТЕТ?

Уважаемая редакция! Пишет вам один из тех практических работников, которым приходится «гнать» процент или, как говорят, давать показатель — лакировать истинное положение дел, не бороться с преступностью, а бороться за свою выживаемость.

Как правило, каждый сотрудник, будь то дежурный или участковый инспектор, все силы прикладывает, чтобы заявитель не оставил заявления. И все это для того, чтобы не испортить процент раскрываемости. Вал преступности нас захлестнул, а силы и средства те же, что и в 1976-м, и в 1980-м годах. Работаем дедовскими методами, но кого это интересует? Все декларативные призывы «не укрывать» выглядят смехотворно хотя бы потому, что оценивают нашу работу так: чем меньше процент нераскрытых преступлений, тем лучше ты работаешь.

Нынешняя система оценки по оконченным и направленным в суд делам, по неочевидным преступлениям еще хуже, чем та, что была ранее. Теперь, борясь за количество, мы устраиваем гонки, на следователей давят: быстрее сдавайте дело в суд, на качество наплевать.

Мало того, абсолютно без разницы, какое дело будет раскрыто: то ли кража курицы, то ли убийство, лишь бы папочка была и в картотеке подчеркнуто, что оно неочевидное. Нераскрытыми преступлениями заниматься некогда. Мы бросаем оперуполномоченных УР, участковых инспекторов на помощь следователям по делам, где есть лица: лишь бы они шли в суд. Вы скажете, что я недобросовестный работник. Но я вынужден это делать. Иначе я потеряю работу, а у меня маленькие дети, и все здоровье оставил на этом поприще. И таких, как я, начальников — 99,9 процента. Это мы толкаем людей на то, чтобы они принимали любые решения, вплоть до укрытия преступлений от учета, лишь бы не испортить **показатель**, лишь бы в конце месяца отчитаться перед МВД РСФСР. В результате от такой нашей работы страдают люди — потерпевшие, страдает наш авторитет, страдают сотрудники. Выигрывают преступники, ворье.

Давным же давно всем понятно, что преступность — это обратная сторона монеты под названием «уровень жизни нашего общества», и не вина милиции в том, что идет ее рост. Но мы можем и должны показать весь этот айсберг в том виде, какой он есть. Регистрируя все, мы должны доказать, что дешевая, необразованная милиция порядка не наведет. Регистрируя все, принимая законные меры теми силами, которые у нас есть, мы научим сотрудников искать пути раскрытия преступления, а не методы укрытия его путем отказа в возбуждении уголовного дела, уговоров заявителей и т. д.

Я считаю, в оценке работы милиции необходимы следующие критерии:

— количество раскрытых преступлений;

— приоритет — за теми преступлениями, которые совершаются неочевидным способом;

— количество раскрытых тяжких, получивших большой общественный резонанс, совершенных квалифицированным способом, в группе и т. п.;

— количество разысканных преступников и лиц без вести пропавших. Следствие оценивать по качеству расследованных преступлений (количество доказанных эпизодов). Участковых инспекторов милиции — по истинному состоянию уровня преступности на участке и количеству раскрытых преступлений.

Нужно раз и навсегда перестать бить сотрудников милиции за прекращаемость дел, за вынесенные оправдательные приговоры.

Я не мастер слова, просто хочу привлечь внимание руководства МВД. Народ России должен знать истинный уровень преступности. Тогда и мы будем бороться с преступниками, а не с заявителем и личным составом ОВД.

Первого июля 1991 года на общем собрании оперативно-начальствующего состава ГОВД было принято решение тщательно регистрировать **все** преступления и принимать по ним законные решения. Берем пример с работников 1-го, 28-го, 61-го, 85-го отделений милиции г. Москвы.

Подполковник милиции
П. ЛИХОМАН,
начальник Элистинского ГОВД.

Лариса АСАУЛОВА

Следователь считает невменяемого убийцу несчастным человеком. Суд освобождает его от уголовного наказания. Потерпевшая сторона требует садисту смертной казни. Как сократить дистанцию в этих оценках, призванных гарантировать правозащиту как душевнобольным, так и обществу!
Кто первый должен протянуть руку милосердия! По законам благоразумия, конечно, здоровые люди. Это как завет Спасителя: «Как хотите, чтобы с вами поступали люди, так и вы поступайте с ними». Здесь «против» нет, все — «за». Так в чем же дело! Да в том, что и в этом случае единодушное «за» подразумевает абстрактную любовь ко всему миру. Куда труднее понять и пожалеть конкретного «буйного», живущего по-соседски за стеной или под одной крышей. Еще нереальнее искать сострадание у человека, на жизнь которого или его ближнего больной поднял руку. Снова круг замкнулся! С какого конца восстанавливать гармонию!

НЕВМЕНЯЕМЫЕ

Для примера проанализируем два криминальных сюжета, обозначив моменты, где особенно наглядно пробуксовывает наше понимание правонарушителя с помраченным рассудком.

ГОЛОВА С РУЧКОЙ МЯСОРУБКИ

...Инну нашли на рассвете у железной дороги. На нагом теле не было живого места: запекшиеся раны, ушибы. На шее — страшная петля. Убийца (цитирую строки из уголовного дела) «...руками выдрал из брюшной полости Инны Д. три метра тонкой кишки, вытащил через рану промежности и обмотал вокруг шеи». Густые волосы девушки едва скрывали зияющий пролом в черепе. Неподалеку валялось орудие пыток — острый камень весом в 12 килограммов...

О садизме этого маньяка довелось услышать при необычных обстоятельствах. В редакцию позвонила женщина, назвавшаяся общественным обвинителем по делу об убийстве студентки одного из московских вузов. Звонившая преподавала в этом институте и хорошо знала жертву. Инна приехала из Белоруссии, где с отличием закончила среднюю и музыкальную школы, техникум. Скромная обаятельная девушка готовилась к свадьбе. В тот роковой вечер как раз возвращалась с междугородных переговоров с женихом.

Гибель человека — всегда трагедия. И не только для близких. Поэтому по-человечески было понятно крайнее возмущение моей собеседницы решением суда, признавшим пьяного садиста невменяемым, а значит, и не несущим уголовной ответственности. Женщина недвусмысленно давала понять, что от законной кары его спасла мать, работающая буфетчицей в психбольнице.

Листаю материалы дела Сретенцева Андрея. Замечу: Верховный суд РСФСР оставил решение первой инстанции в силе. **Обстоятельное заключение судебно-психиатрической экспертизы, проведенной ВНИИ общей и судебной психиатрии имени В. П. Сербского, лично мне не дает поводов для сомнений. Вопросы возникают к медикам, обследовавшим Сретенцева до преступления.**

...В девятилетнем возрасте его сбила машина. С диагнозом — ушиб головного мозга, перелом теменной и затылочной костей черепа — какое-то время наблюдался невропатологом по месту жительства. Впоследствии на учете в психдиспансере не стоял. Почему? А примерно за год до страшного убийства при стационарном обследовании по направлению военкомата в дорожной больнице им. Семашко «травматических повреждений нервной системы не выявлено». Но тогда почему в армию не взяли? Теперь же, когда случилось непоправимое, специалисты однозначно связывают черепно-мозговую травму, полученную в детстве, со странностями в поведении Андрея. Судите сами.

Он подробно и равнодушно описывает, как кричала, пока не сварилась, ворона, которой он подрезал крылья и, сунув в чугунок, поджег. С 13 лет он начал курить, с 16 — пить. С его слов, мог выпить до 2,5 литров вина: «начинал с утра, а кончал вечером». Увлекся боксом, начал «качаться», избрав своим идеалом героев из кинобоевиков с их культом эротики и насилия.

После 8-го класса выбрал профессию по душе — устроился мясником. Взахлеб рассказывал дома, как разделывают на комбинате коровьи туши. Почуяв неладное, родители перевели его учиться на слесаря. Злобный, с приступами бешенства, дерзил преподавателям. В 16 лет вынужден был вступить в брак с такой же несовершеннолетней (во время следствия стал отцом). Впрочем, ранняя женитьба не устранила

бред преследования, о котором он никому не рассказывал. А жена и родители не принимали его страхи всерьез.

В тот день, выпив пять литров пива и литр красного вина, упорно искал жертву в общежитии института и рядом с ним. Его версия убийства Инны: «В лесу кто-то насиловал девушку. Она кричала, насильник убежал. У меня в голове, как за четыре метра до прыжка с парашютной вышки...»

Когда минул пик ярости и сексуального возбуждения, Сретенцев почувствовал раскаяние, просил случайного встречного вызвать «скорую», помогал, путая следы, искать убитую, рассказал обо всем жене, со страхом ждал, когда за ним придут. Теперь его мучит один и тот же сон: убитая манит к себе в гроб...

Симптоматично «художественное самовыражение» испытуемого. В клинике он много и охотно рисовал. Чаще всего — фрагменты человеческого тела. На одном рисунке — голова с ручкой мясорубки. Смысл изображенного пояснить не смог...

Все это и позволило профессорам из института им. Сербского поставить диагноз — органическое поражение головного мозга сложной этимологии с выраженным нарушением психики и расстройствами влечений. **Значит, болезнь была элементарно упущена и медиками, и родителями Андрея! Но почему не верит в невменяемость убийцы общественный обвинитель! Почему общественное мнение сегодня не на стороне больного!**

Одна из причин лежит на поверхности. **Кощунственно взывать к милосердию и состраданию родителей Инны, ее жениха, преподавателей, ждать от потерпевшей стороны признания судебного решения справедливым, коль не были соблюдены их элементарные права.**

Они шли на суд излить в показаниях свою боль, увидеть, как корчится от вопросов и взглядов подсудимый. Здесь их ждало сразу два потрясения. Первое: убийца был признан невменяемым. Второе: по законам нашего правосудия (в отличие от зарубежной практики) он освобождался от самого присутствия на тягостной процедуре разбирательства.

Спрашивается: откуда знать этим людям медицинские и прочие тонкости критериев признания правонарушителя невменяемым, когда психиатрия долгие годы была для широких масс тайной за семью печатями! Потому и более чем странным казалось свидетелям и близким Инны утверждение, что Сретенцев, убивая девушку с особой жестокостью, не мог критически оценивать свои действия, будучи человеком работающим, женатым и даже готовящимся стать отцом.

Впрочем, все происходящее в тот день в зале суда вызывало у присутствующих гнев и возмущение. Поспешно зачитывались материалы дела. Раздражало обилие специальных терминов в заключении судебно-психиатрической экспертизы. В воспаленном мозгу застревали непонятные и потому враждебные слова «толерантность», «расстройство влечений», «аффективные нарушения». После суда общественный обвинитель не смогла в спокойной обстановке ознакомиться с мудреным документом. Невдомек ей было, что даже следователи считают подобные материалы уделом узких специалистов, а уж «простым смертным» и вовсе нет никакого резона их смотреть.

«Где же правда?» — взывала женщина по телефону. Суд вынес частное определение о невыполнении гражданского долга в адрес свидетельницы, отказавшейся от дачи показаний. **И ни словом не обмолвился о профессиональной безответственности медиков, долгие годы не контролировавших развитие органического поражения мозга у Сретенцева!** Наконец, никто внятно не сказал, в какую инстанцию будет направлено дело на пересмотр. Как скоро ждать ответа на кассационную жалобу?

На фоне всей этой нервотрепки и казенного безразличия тем защищеннее виделись им права убийцы. В тепле и сытости плел он свои байки титулованным докторам. В то время, как родители убитой девушки должны были за свой счет приезжать и на похороны, и на суд. Ночевать в общежитии, рядом с которым пролилась кровь единственной дочери. Даже скорбную память — ее вещи — они могли забрать лишь после того, как дело пройдет в Верховном суде.

Так не сущая ли демагогия — всерьез говорить сегодня о правовом сознании граждан в правовом государстве, пока законодатель, как от мухи, будет отмахиваться от всех этих «мелочей»!

ГРЕМУЧАЯ ЗМЕЯ

«Убийство прокурора», «Выстрелы в упор», «Двойное убийство» — кричали заголовки столичных газет летом прошлого года. «Щит и меч» тоже писал о происшествии, которое потрясло не только москвичей. С разницей в считанные минуты некто Илюхин, стремясь завладеть пистолетом, убил милиционера на посту, а затем в служебном кабинете буквально расстрелял в упор прокурора Дзержинского района. Истекали кровью еще две жертвы: бывшая жена Илюхина, лишившаяся пальцев на правой руке, и раненная в живот уборщица А. Карась, пытавшаяся помочь милиционеру.

Так ревнивый муж и правдоискатель «отомстил супруге и правосудию за несложившуюся жизнь».

Чисто по-обывательски мы вмиг приклеим этому типу ярлык: маньяк! шизик! Как бы мстя за тяжесть содеянного. Однако согласно нашему «диагнозу» следует, что убийца не понесет уголовной ответственности. Но разве этого желаем мы садисту? Как раз — наоборот! **Значит, уже на стадии слухов, определяя свое отношение к «мстителю», общественное мнение выказывает элементарную правовую неграмотность. Выход — прислушаться к выводам**

специалистов, доверять им хотя бы на том основании, что непростая наука на стыке между медициной и правом требует строгого профессионального подхода. Но, видно, такова уж сила субъективного в человеке — сделать это бывает крайне сложно.

Забегая вперед, скажем: Московский городской суд поддержал заключение стационарной судебно-психиатрической экспертизы, проведенной во ВНИИ общей и судебной психиатрии им. В. П. Сербского. Испытуемый Илюхин страдает злокачественной шизофренией, в момент совершения преступления был невменяем и потому не несет уголовной ответственности. Ему назначена принудительная мера медицинского характера — помещение в психиатрическую больницу со строгим наблюдением.

Заметим, Фемида согласилась с Эскулапом после проведения в зале суда повторной психиатрической экспертизы (без испытуемого). Остановимся на некоторых ее эпизодах. Они поучительны и могут служить своего рода ликбезом для непросвещенного читателя. Но сначала снимем два подозрения, о которых официально вроде бы не говорилось, но в мыслях и кулуарных разговорах они витали.

Первое: экспертов подкупили. Не берусь судить об объективности и принципиальности всех освидетельствований в уважаемом институте. Что же касается нашего случая, будем рассуждать здраво. Кто мог «спасать от вышки» попавшего в Москву из башкирской глубинки Илюхина? Престарелая мать или сестры, живущие далеко от столицы? Друзей, не говоря уже о влиятельных, у него вообще не было. Впрочем, молва инертна: признай суд Илюхина вменяемым, она заподозрила бы в подкупе потерпевшую сторону, а это ни много, ни мало — правоохранительные органы.

Второе мнение: правосудие, дескать, потому не признало психически здоровым лицо, посягнувшее на жизнь представителей карательных институтов, чтобы не дать делу политическую окраску. Возможно, раньше такая «политика» и имела место. Но сегодня, согласитесь, газеты, радио, телевидение не только не скрывают от нас, но порой смакуют как сами факты, так и комментарии убийств и покушений на честь и достоинство журналистов, народных депутатов, священников, самого Президента страны!

А теперь перейдем непосредственно к «баталиям» в зале суда. Они разгорелись вокруг главного вопроса: вменяем или невменяем Илюхин? Законный представитель убитого прокурора, его сын, военный юрист Евгений Севрюгин дважды настаивал на дополнительном расследовании и назначении повторной комплексной судебно-психиатрической экспертизы. Мотивы его заявления — неполнота следствия, ограниченность экспертной комиссии объяснениями самого испытуемого. При этом подвергалась сомнению сама возможность раннего психзаболевания у человека, который учился в общеобразовательной школе, потом — в техникуме и юридическом вузе; проходил службу в армии, где он дослужился до прапорщика и исполнял обязанности начальника аппаратной; имел права водителя-профессионала, вступил в брак, выступал истцом и ответчиком по четырем гражданским делам. (Помните, аналогичное сомнение возникло у потерпевших и в деле Сретенцева?).

Суд дважды (первый раз как преждевременное) отклонил ходатайство Е. Севрюгина, кстати, поддержанное потерпевшими. Поскольку сомнения у заявителей остались, они не преминули воспользоваться своим правом — письменно поставить вопросы экспертам. Кандидат медицинских наук С. Осколкова (практический стаж 12 лет) и врач-ординатор О. Озоргина (практический стаж 2 года) — надо отдать им должное— старались популярно объяснить парадокс болезни Илюхина.

Первый вопрос специалистам: сознавал ли невменяемый, метивший в жизненно важные органы, опасность содеянного? Да, однозначно ответила врач-докладчик. Особенность бредовых идей Илюхина — бред отношения, ущерба, преследования — в том и состоит, что он сознательно желал лишить жизни тех, кто (в его понимании, конечно) причинил ему зло и вред. А вот продиктован преступный умысел злокачественной шизофренией.

Судебная экспертиза знает массу примеров искусной симуляции. **Так, может быть, поведение Илюхина в клинике — всего-навсего талантливая игра?** Эксперт попыталась доказать обратное. Испытуемый и сегодня считает себя психически здоровым. При обследовании стремился умолчать или приуменьшить некоторые психопатические переживания. В его амбулаторной карте есть запись об отказе лечиться у психиатра, когда три года назад ему был поставлен диагноз «ипохондрический синдром, вялотекущая ШЗ».

Могли ли врачи настоять на своем? Увы! С 1988 года по новому «Положению об условиях и порядке оказания психиатрической помощи» согласие больного лечиться обязательно, а принуждение уголовно наказуемо. У нас еще будет возможность подробнее прокомментировать это нововведение, а пока вернемся к Илюхину. Отрицая патологию психики, он был фиксирован на заболевании внутренних органов. Жаловался на врачей, находивших его мнимым больным, назначал себе закаливание, диету (детское питание), водные процедуры (ездил в Туркмению на озеро) и т. д. Но главное — в содеянном не раскаялся, настроен агрессивно, готов за себя постоять. Не скрывает: не успел рассчитаться со всеми виновными в его несчастье.

Но тогда непонятно: как болезнь Илюхина согласуется с его способностью долгие годы поддерживать относительно нормальные отношения в учебных и трудовых коллективах, до мелочей проработать все версии мести? И вновь эксперты сослались на характер и течение психических расстройств испытуемого, позволяв-

ших ему в определенной степени сохранить интеллект, сам по себе невысокий (отчисление из ВЮЗИ за неуспеваемость, частая смена работы из-за низкой квалификации). **Сохранность умственных способностей как раз и создавала видимость относительно здорового человека, позволяла участвовать в судебных процессах в связи с расторжением брака и разделом жилплощади.** Между тем затянувшаяся тяжба, не разрешившая семейных и квартирных проблем, естественно, усилила патологическое развитие личности.

В жутком душевном смятении провел Илюхин последнюю ночь перед трагедией. Подключал подслушивающее устройство к телефону, прислушивался к подозрительным шорохам, голосам: не идет ли комиссия во главе с участковым выселять его из квартиры?

Так внешне безобидное, молчавшее долгие годы существо, о котором во всех характеристиках сказано: «тихий, незаметный», однажды выпускает жало гремучей змеи. Если проанализировать картину того кровавого утра, Илюхина можно уподобить, ориентируясь опять-таки на неискушенное восприятие, злому гению из произведений фантаста А. Беляева.

Садистское истязание жены (недаром эти эпизоды рассматривались в закрытом заседании) Илюхин осуществляет ближе к началу работы ненавистного ему учреждения. Чтобы не разбудить соседей, забивает ей рот кляпом. Чтобы не спаслась, связывает всеми подручными средствами, режет буквально всю одежду. Чтобы не писала больше на него жалоб, отрубает на разделочной доске два пальца правой руки. И спускает их в унитаз: «робот» не забыл о мастерах из микрохирургии! Уходя, запирает дверь и на всю мощность включает телевизор.

По улице бежит, держа нож в кармане. Милиционера сначала бьет в сердце ножом, а, захватив пистолет, добивает постового выстрелом в голову. В поднявшую шум уборщицу Илюхин стреляет уже покидая здание. В районный суд бежит дворами, но оружие прячет вплоть до появления объекта мести. Недаром сторож принимает его за потерпевшего (царапина на щеке), а секретарь прокуратуры — за нетерпеливого посетителя. Заметим: в них он не стреляет, так как они явно не препятствуют продвижению к цели.

И все эти качества — хладнокровие, расчет и целенаправленность действий обусловлены, уверяют нас специалисты, исключительно особенностью болезни. Дьявольский расчет — да! Но не логика! Учинив кровавую бойню, оказавшись сам в ловушке, нормальный боялся бы за свою жизнь. А Илюхину и здесь, рядом с убитым прокурором, не дает покоя бредовая идея, и он составляет пространную записку: «Мне надоело вранье и болото. В лучшем случае меня застрелят или ранят. Прошу считать брак недействительным, аннулировать московскую прописку...» Но тут в его поле зрения попадает визитка профессора А. Безуглова, чьи лекции он, видимо, слушал в институте. И «ученик» кается на визитке: «Прости, учитель, что я стал преступником». Убедившись, что обложен со всех сторон милицией, Илюхин пьет карбофос из прихваченного из дому флакона. И загодя припасенная отрава, и попытка самоубийства — все из той же «оперы».

«Значит, ему фактически разрешено убивать?» — ошеломленно взмахивает варежкой на искалеченной руке бывшая супруга Илюхина, у которой виды и на семейное счастье, и на работу теперь в прошлом. Прогнозы психиатров из института Сербского повергли присутствовавших в зале буквально в шок. «Дефект личности Илюхина находится в стадии формирования». Эта ученая фраза, на первый взгляд, звучит безобидно, а на деле означает: от социально опасного шизофреника неизвестно как долго можно ожидать еще худшего. **Эксперты не берутся определить эффективность принудительного лечения в психбольнице со строгим наблюдением. Во всяком случае такому больному требуется провести там (суд этот срок не назначает) довольно длительное время. А потом — обязательное, подчеркиваем — а не с согласия пациента наблюдение специалиста. Но и тогда нет полной гарантии для безопасности окружающих.**

Естественно в такой ситуации намерение потерпевших обжаловать определение городского суда. Признаться, даже автору этих строк пришлось испытать раздвоенность чувств. **Разум принимает разъяснения экспертов, а сердце противится освобождению Илюхина, Сретенцева и им подобных от уголовной ответственности. И ведь для сомнений есть основания. Прежде всего — беспомощность, а зачастую преступная халатность медицины. Новая психиатрическая политика, которая еще аукнется обществу ростом потенциальных убийц и насильников. Словом, неуверенность в своей безопасности и защищенности.**

Вспоминаю гражданскую панихиду по жертвам Илюхина. Тогда на высоком уровне прозвучало: дескать, выстрелы маньяка не заставят нас поставить охрану в учреждениях, созданных для приема населения. А почему бы и не поставить?! Думаю, население не будет против. **Или хотя бы дать иным юристам право на ношение табельного оружия, чего, кстати, и добивался в свое время прокурор Севрюгин.**

Ведь в том же зале суда, где рассматривалось дело Илюхина, бесновался в перерывах его идейный единомышленник, а, возможно, и товарищ по диагнозу. Втягивал присутствующих в нелепый диспут, привлекая в помощь книгу А. Ф. Кони, проводя аналогию с громким делом Веры Засулич. А главное — в присутствии убитых горем людей не скрывал: он — тоже злопамятный «потерпевший» от властей района и месть Илюхина понимает. Где уверенность, что завтра такой «террорист» не повторит ее?

Татьяна КОЛГАНОВА

АРГУМЕНТЫ ПОДПОЛКОВНИКА УДАЧИНА И ФАКТЫ ЕГО ПОДЧИНЕННЫХ

«Уважаемая редакция! Обращаются к вам сотрудники линейного отдела внутренних дел на транспорте станции Петропавловск. За последние два года в отделе сложилась крайне напряженная ситуация. Виной всему, считаем мы, является пребывание на посту начальника отдела подполковника милиции А. М. Удачина...»
Далее в письме приводились примеры произвола и беззакония, чинимых этим руководителем. В заключение говорилось: «Мы обращались за помощью в Южно-Уральское УВДТ и его политотдел, в транспортную прокуратуру, но мер никаких принято не было».

Коллективная жалоба, а письмо подписали четырнадцать человек, событие чрезвычайное даже в огромной редакционной почте. За помощью в организации проверки мы обратились в Центр управления органами внутренних дел на транспорте МВД РСФСР. Его начальник генерал-майор милиции А. Куликов дал добро на командировку старшему инспектору по особым поручениям капитану милиции Н. Пестову и инспектору управления подполковнику милиции А. Прокофьеву.

В первые три дня работы мы встретились с доброй третью сотрудников коллектива. Хочу оговориться: в дальнейшем буду ссылаться именно на мнение этих людей, ибо далеко не все решились определиться в конфликте, высказать свою точку зрения.

Перед тем, как приступить к проверке конкретных фактов, мы знали о двух полярных оценках деловых и личных качеств начальника ЛОВД: резко отрицательную — со стороны подчиненных и очень положительную, высказанную начальником Южно-Уральского УВДТ подполковником В. Жадановым.

Свои объяснения дал Удачин.

«Указанные факты в жалобе искажены, а по некоторым вопросам высказано не зная сути дела». (Орфография и пунктуация сохранены — **Т. К.**) Таково его резюме по поводу жалобы. Так ли это?

Возьмем несколько ситуаций. Например, проблему обеспечения транспортом и бензином. Проблема хорошо знакома всем руководителям органов внутренних дел. На какие только ухищрения они не идут, чтобы обеспечить нормальную работу коллектива. И возмущения у подчиненных это не вызывает. Почему же здесь, в ЛОВД, такая реакция? Неужели заботу не ценят? Дело, как выяснилось, в другом. Первая машина, УАЗ-469, была необоснованно изъята Удачиным сначала у одного жильца Кокчетавской области, а затем так же необоснованно отобрана в школе-интернате. Использовалась без постановки на учет и номерных знаков. Вправе, с моральной точки зрения, сотрудники милиции спрашивать с простых граждан за нарушения, если их собственный начальник игнорирует законность? И тут я на стороне авторов письма в редакцию.

Второй автомобиль, ГАЗ-52, появился так: Удачин попросил механика гаража пожарной части № 11 на станции Шадринск передать в пользование списанный грузовик в обмен на трактор (!), который механик так и не получил. Эта машина разъезжала уже с номерами, правда, липовыми. Возмущало людей и другое. Какими служебными интересами можно объяснить использование машин старшиной отдела Анисимовым, который навещал на них далеко живущих от города родственников? Неужели он, хозяйственник по должностным обязанностям, оперативную информацию на них собирал? А бензин, откуда он брался для двух несуществующих по документам машин? Почему он сливался, и неоднократно, как свидетельствуют водители, в канистры начальника отдела и его заместителя майора милиции П. Вострецова?

Когда наша комиссия начала проверять, какие дефицитные товары выделялись работникам ЛОВД руководством Южно-Уральской железной дороги и как они распределялись, Вострецов возмутился людской неблагодарностью. Почему? Половина дефицита ушла «на сторону». Куда, мы выяснить не смогли. Не прояснили ситуа-

цию и члены жилищно- бытовой комиссии. А ведь речь шла о крупных вещах: мебельных гарнитурах, коврах, телевизорах и т. д. Некоторые, правда, оговорились: судьбу иных вещей решал лично Удачин, хотя не входил в состав этой общественной организации. Правда, иногда он «снисходил» до объяснений. Когда в отдел поступил спальный гарнитур, начальник отдела разыскал находившегося в отпуске подчиненного и сообщил ему, стоящему в очереди первым, что гарнитур забирает себе. Выявились и более мелкие детали существующего здесь порядка распределения дефицита. Например, по фиктивному запросу от имени начальника отдела в конце 1990 года сотруднику отдела Хлопову, не работающему в ЛОВД уже три года, выделили, оказывается, две пары итальянских сапог. Если визуально судить по подписи в книге учета выдачи товаров в магазине, сапоги получил другой сотрудник, фамилию которого мы не берем на себя ответственность обнародовать без специальной проверки. Но очевидно другое: с распределением дефицитных товаров в коллективе явно нечисто. И майору Вострецову, учитывая его должностные обязанности, надо бы не возмущаться реакцией людей, а больше заботиться о том, чтобы в отделе не нарушался принцип социальной справедливости.

Неясно подчиненным, почему иному сотруднику жилье выделялось в обход очереди. Объяснения начальника отдела, что какую-то квартиру он «выбивал» специально, людей не устраивало, многие из них имели более веские и законные основания на жилье. В конце прошлого года, убедившись, что с мнением жилищно-бытовой комиссии не очень-то считаются, председатель этой общественной организации Самойлов «сложил свои полномочия».

В письме в редакцию сотрудники отдела писали о каком-то особом, скажем так, расположении начальника отдела к заведующей секретариатом Шабалиной. Много раз сотрудники жаловались на то, что в случаях, когда Шабалина выдавала зарплату, многие недосчитывались некоторой суммы денег. Но Удачин не провел ни одного служебного разбирательства. Не встревожила его, опытного оперативного работника, жалоба сержанта милиции А. Синицина, что награду начальника Управления В. Жаданова за раскрытие преступления он так и не получил. Никакой реакции.

Немало нареканий вызывает манера общения заведующей канцелярией с людьми, старше ее по возрасту и по служебному положению. Сколько раз возникали конфликты из-за ее грубости, бестактности, отсутствия малейшего понятия о необходимой субординации в отношениях.

Впрочем, психологически реакцию Удачина на поведение Шабалиной можно объяснить. Он сам, как утверждают практически все сотрудники ЛОВД, груб и бестактен с подчиненными. Именно он, в обход начальников служб и своих замов, вмешивается в любую мелочь, затевая бесконечные разбирательства даже с рядовыми милиционерами. И не выбирает выражения, «воспитывая» подчиненных.

Сотрудники милиции привели немало примеров, свидетельствующих: оговаривая то одного, то другого, начальник отдела стравливает людей, а при «очной» ставке спокойно отказывается от своих слов. Вот что рассказал нам командир отделения ЛОВД на станции Петропавловск старший сержант милиции В. Юнг:

— 16 июня 1989 года мне нужно было заступать на ночную смену. Живу я в 60 километрах от Петропавловска. В 12 часов московского времени я поехал проведать маму, так как она болела. В 13 часов она умерла. Я поехал на вокзал ст. Ярмы и позвонил в дежурную часть старшине Красильникову. 19 июня были похороны. 20-го приехал на дежурство. После развода Удачин спросил, где я болтался две смены. Объяснил. Он стал кричать, у кого отпросился. Я ответил. Тогда Удачин стал кричать снова, спрашивая: кто в отделе начальник, он или дежурный? Оказывается, я должен был и в воскресенье все дела свои тяжелые бросить, найти начальника отдела, чтобы отпроситься на похороны... Зачем? Ведь дежурный ему все обязан доложить. Тем более, что у сотрудника беда случилась.

А вот еще один штрих к «портрету» Удачина. Несовершеннолетние подростки Шульга, Броденко, Борош рассказали нам, как ноябрьским вечером прошлого года, примерно в 19.00, они слушали магнитофон в своем доме, в своем подъезде, так как на улице шел дождь. Подошел Удачин и потребовал покинуть подъезд. Когда ребята заартачились, достал из куртки дубинку, ударил Шульгу и Броденко. Сам Удачин применение дубинки отрицает. Что произошло тогда на самом деле, выяснит прокурор, куда мы отправили все материалы. Но меня в этой истории волнует другое: почему Удачин так уверен в своем праве выписывать повестку соседям, Шульге и ее матери, лично вручить, а когда те не отреагировали на его строгости, послать за ними служебную машину и доставить их в свой кабинет? Там разговор повел в свойственной ему манере, пообещав матери тюрьму, а дочери детскую колонию. Какой служебной необходимостью можно объяснить подготовленную под диктовку Удачина информацию в инспекцию по делам несовершеннолетних города Петропавловска о якобы выявленных «в ходе профмероприятий» двух неблагополучных семьях, девочках легкого поведения, странных сборищах в квартирах и т. п. Проверка, которую провели сотрудники ГОВД, показала: сообщение коллег не соответствует действительности. Может быть, прокурор объяснит подполковнику

милиции, что на соседей — подростков и их родителей — он мог пожаловаться участковому как простой советский гражданин?

Только выслушали авторов письма в редакцию, в комнату, где мы расположились, пришли заместитель начальника отдела по службе капитан милиции В. Обухов, начальник отдела БХСС капитан милиции В. Евоболдин, начальник отделения уголовного розыска капитан милиции А. Мячин, его заместитель старший лейтенант милиции С. Пуртов. Оказалось, что этих руководителей ЛОВД беспокоит предвзятость членов комиссии, которые выслушивают только тех людей, которые не отличаются ни дисциплиной, ни служебным рвением. Дескать, если уволить их всех из отдела, то дела пойдут только лучше.

Не согласились мы, исходя из официальных характеристик, что все люди, с кем мы беседовали, так уж плохи. Обратили внимание и на высокие оценки членами «делегации» своих деловых качеств. Первое же знакомство с БХСС и уголовным розыском показало: начальники этих отделений явно не горят на работе. Иначе трудно объяснить, почему в отделении БХСС остается невостребованной оперативная информация?

До совершенства, похоже, отработана в ЛОВД система «отфутболивания» материалов. Например, жительница д. Петухово, что в Курганской области, попросила разъяснить, почему в магазине у железнодорожного вокзала в сентябре 1990 года винно-водочные изделия советского производства продавались по ценам в два раза дороже государственных. Директор магазина сослалась на решение исполкома. Работники ОБХСС в возбуждении уголовного дела отказали и ответили заявительнице, что все было сделано законно. Не заметили, очевидно, — решение исполкома распространялось на винно-водочные изделия импортного производства.

Только коснулись работы уголовного розыска и выяснилось: с августа по сентябрь 1990 года в ЛОВД поступили пять материалов по коммерческим актам на недостачу грузов с явными признаками хищения. Четыре из них необоснованно и без надлежащей проверки направлялись, и порой неоднократно, в другие органы внутренних дел. Один коммерческий акт значился возвращенным на станцию Петропавловск, но обнаружен в отделе уголовного розыска. Как пояснил старшина милиции Щепаник, фиктивную запись об отправке четырех актов в книге исходящей корреспонденции он сделал по указанию заместителя начальника ОУР. Об отправке пятого акта отметка сделана Шабалиной. С. Пуртов обвинил во всем Щепаника. Неужели не знал, что постоянный контроль за работой подчиненных — это его обязанности? Впрочем, это вполне в традициях ЛОВД — винить во всех грехах рядовых милиционеров. Что касается заведующей канцелярии, которая буквально накануне толковала мне: без специального разрешения начальника отдела не выдает даже несекретные приказы, то она не смогла объяснить, почему тогда вседоступны книги учета исходящих документов, вести которые она обязана по функциональным обязанностям. В общем, укрытие преступлений от учета — укрепившаяся в этом отделе практика, если судить по предыдущим наказаниям Удачина.

Стали проверять информацию, что милицейская резиновая дубинка была подарена Удачиным руководителю одной из транспортных организаций и выяснили: двух дубинок действительно не хватает. Заместитель начальника отдела по службе Обухов, который обязан очень строго контролировать их наличие, ничего вразумительного по этому поводу сказать не смог. Вот такие факты мы обнаружили, поработав лишь методом «тыка».

А если посмотреть основательней? Впрочем, сдается мне, на Южно-Уральское управление внутренних дел на транспорте рассчитывать особенно не стоит. Сколько «сигналов» о стиле руководства отделом поступило в Челябинск! А где реакция? До чего дошло, сотрудники ЛОВД отказались говорить с нами в присутствии помощника начальника Управления по кадрам полковника милиции В. Воженина, открыто упрекая его в попустительстве Удачину. В прошлом году для изучения положения дел в ЛОВД дважды побывал начальник политотдела В. Сатановский. Его подчиненный капитан милиции В. Володкевич провел в Петропавловске один лишь день, ограничился устными беседами с сотрудниками отдела и Удачиным. Правда, как он нам потом объяснил, о результатах командировки он доложил лично начальнику Управления. «С его же согласия не составлялась и справка», — утверждает Володкевич.

Сотрудники МВД РСФСР Н. Пестов и А. Прокофьев доложили В. Жаданову о результатах проверки жалобы. На оперативном совещании Управления было принято такое решение: «...начальнику отдела подполковнику милиции Удачину А. М. объявить о неполном служебном соответствии». (Кстати, оно уже второе за пять лет руководства — Т. К.). С таким решением согласился начальник Центра Управления внутренних дел на транспорте генерал-майор милиции А. Куликов. Не многовато ли, если, как я узнала уже в Москве, лишь «некоторые из изложенных в жалобе факты частично подтвердились»? Впрочем, в территориальных органах милиции в аналогичных ситуациях решение принималось другое: «Руководить — противопоказано!» Несмотря даже на «волосатую руку», как правило, поддерживающую того или иного героя коллективной жалобы. Может быть, в органах внутренних дел на транспорте просто другие критерии оценок?

г. ПЕТРОПАВЛОВСК.

Александр ГОРКИН

«ЗА ПРЕДЕЛАМИ ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ ВОЗМОЖНОСТЕЙ...»

Действие наркотиков человек познал, вероятно, еще в те времена, когда кормился охотой, кореньями и лесными ягодами. Произойти это могло, скажем, в Средиземноморье, где и поныне растет щетинистый мак, единственный дикий родственник мака.

У Геродота есть описание быта скифского племени массагетов: «Они садились вокруг дерева, бросали в разводимый костер плоды и опьянялись дымом от этих плодов».

Об употреблении гашиша свидетельствуют древние греческие, китайские и индийские книги, написанные 400—500 лет до нашей эры. Опий в виде засохшего сока маковых головок упоминается в «Илиаде» Гомера. Его снотворное действие отмечено в шумерских таблицах, датируемых IV тысячелетием до н. э. Во II тысячелетии до н. э. действие опия было известно народам, населявшим восточное Средиземноморье.

Примерно 300 лет назад в некоторых европейских странах уже выражалась озабоченность по поводу того, что люди одурманивают себя с помощью опия. Вместе с тем в прошлые века потребление наркотических средств в разных обществах с устоявшимися культурными традициями, как правило, было умеренным. Спрос и предложение находились в состоянии относительно устойчивого равновесия. Потребление, хотя и не преследовалось официальными мерами юридического или медицинского характера, весьма действенно сдерживалось общественным мнением.

Первым описал ощущения опийного опьянения английский писатель Томас де Куинси, столкнувшийся с опием в 1804 году. В 1805 году химик наполеоновской армии Сеген выделил морфин — один из трех важнейших алкалоидов опия. Новое лекарство снимало головные боли и спасало от бессонницы, действовало успокаивающе. Воодушевленные врачи начали широко назначать морфин.

Наркотик быстро входил в моду. Проник в парижские салоны, обрел поклонников в высших кругах общества. Пристрастие к морфию стало считаться проявлением тонкого вкуса. Слухи о жертвах не слишком пугали, чувство опасности лишь подогревало любопытство. После первой мировой войны в одном только Париже было зарегистрировано свыше 60 тысяч морфинистов.

Об использовании наркотиков растительного происхождения в качестве стимуляторов, поднимающих боевой дух воинов, сложено немало легенд, но прежде всего распространение наркотиков в армии связано с необходимостью эффективного обезболивания раненых на поле брани.

Первые отдельные вспышки наркомании были отмечены еще во второй половине XIX века вскоре после гражданской войны в США 1861—1865 гг. и франко-прусской войны 1870 г.

Известный русский психиатр В. А. Гиляровский писал: «...большое количество ранений на войне и революции, очень мучительных, были поводом к массовому применению морфия и других наркотических средств...»

В первую мировую войну около полутора миллионов человек получили ранения, в период гражданской войны сотни тысяч стали инвалидами. Вернувшись домой, — в деревни и города — многие из них принесли с собой неумышленную страсть к наркотикам, получаемых ими ранее для облегчения страданий. В мирное время медицинские наркотикосодержащие препараты были труднодоступны, поэтому в ход шли наркотики растительного происхождения — гашиш, опиум, либо — незаконно сбываемый (как правило, в крупных городах) кокаин.

В частях русской армии, дислоцировавшихся в Средней Азии с середины XIX, а особенно интенсивно в начале XX века, пьянство постепенно стало вытесняться наркоманией. Наиболее широко распространилось курение гашиша, чему в немалой степени, по оценке специалистов, способствовало непродуманное ужесточение антиалкогольных мер со стороны генерал-губернатора Туркестанского края.

В 1874 году английский химик К. Р. Райт получил из морфина горьковатый белый

Коллаж А. МАСЛАЕВА.

порошок. Опыты на собаках показали, что новое вещество вызывает «сильную вялость, страх, сонливость... иногда легкую рвоту» (так сообщалось о результатах лабораторных исследований). Эти признаки побудили Райта прекратить опыты, но он не мог помешать другим химикам идти по тому же пути. В 1898 году немецкие химики получили тот же порошок (героин), но пришли к противоположному выводу: новый препарат — чудодейственное лекарство!

В 1906 г. Американская ассоциация врачей одобрила и рекомендовала героин вместо морфия для широкого употребления при различных инфекционных заболеваниях. Героин стал распространенным патентованным средством, им пользовались даже при сильном насморке.

Еще в начале XX века наркомания не считалась преступлением, не имела она и статуса заболевания.

Медики только еще начинали осознавать, что для понимания такого явления, как наркомания, личностные мотивировки и оценочные суждения имеют большее значение, чем физиология, что устранение состояния психического дискомфорта отнюдь не означает победы над пристрастием к наркотикам, что наркоманы, как категория больных, являются одними из самых неблагодарных пациентов. Они отказываются идти на компромиссы, легко попадают под дурное влияние, стремятся узурпировать внимание и заботу окружающих, крайне редко поддаются излечению и в очень большой степени подвержены рецидивам. По данным Федерального бюро по борьбе с наркотиками, в США в 1924 году насчитывалось уже около 200 тыс. наркоманов, 94 процента наркоманов, задержанных за различные правонарушения, потребляли героин.

Именно эти цифры побудили американский конгресс в 1924 году запретить производство, ввоз и применение героина в медицинских целях. Однако «чудесное» лекарство после этого отнюдь не исчезло. Теперь появилась возможность очень неплохо на нем заработать... (В настоящее время только в США зарегистрировано более 500 тысяч героиноманов.)

Героин вытеснил с рынка морфий и снизил курение опия. Еще в 20-е годы

нашего века его прописывали как безвредное средство от кашля, а уже в 70-е он стал валютой преступного мира, мечтой сотен тысяч несчастных, символом зла, с которым на пяти континентах борются и врачи, и психологи, и стражи правопорядка. Наркоман, привыкший к опиатам, становится социально опасен. Если в 30-е годы 1 г опиума стоил 25 коп., а несколько лет назад — 25 руб., то теперь его цена на «черном рынке» доходит до 500 руб. и выше. По данным социологических исследований, проводившихся в различных регионах нашей страны, в середине 80-х годов «рядовой» наркоман ежедневно тратил на наркотики от 50 до 100 рублей. Такую сумму он не может приобрести легальным путем — ведь из-за своей болезни он не способен к систематическому труду. Остается только преступление.

Вопросы борьбы с алкоголизмом, наркоманией, токсикоманией относятся к числу проблем первостепенной важности для современного человечества. Только в США на борьбу с алкоголизмом и наркоманией ежегодно расходуется более 125 млрд долларов.

Возможность борьбы с наркотиками полицейскими мерами во всем мире уменьшается, потому что наряду со стрессами, которые вызывает современный быстроменяющийся мир, быстро растут и научные познания, дающие новые возможности получения «химических радостей».

Можно ли обвинить во всем врачей, выпустивших «джинна» на свободу? Очевидно, что такое обвинение было бы недостойно цивилизованного подхода к проблеме, тем более, что большая часть людей обычно не связывает наркоманию с устоявшимися представлениями о болезни.

Социологические иследования показали, что только четвертая часть опрошенного населения считает наркоманию психическим заболеванием, половина полагает, что это — преступное поведение, остальные — связывают потребление наркотиков с модой и слабоволием. Опрошенные сотрудники милиции квалифицируют наркоманию как преступное поведение в два раза реже, однако и среди них только четверть считает наркоманию болезнью.

Что же такое наркомания? Если это болезнь, — ее надо лечить, и главную роль в ее преодолении должны играть врачи. Если это преступное поведение, то на первое место в борьбе с ней выходят правоохранительные органы. Если слабоволие или модное увлечение, — то определять стратегию и тактику борьбы должны социологи, психологи, педагоги и т. п. Однозначного ответа на этот вопрос до настоящего времени нет. А коль нет ответа на вопрос, с чем же мы боремся, то и нет правильного ответа на вопросы о том, кто, как и какими средствами должен осуществлять эту борьбу. По сложившейся печальной традиции все непонятное пугает, а значит, — подлежит запрету и преследованию силами и средствами правоохранительных органов.

До настоящего времени история борьбы с наркотизмом является характерным примером безуспешных попыток решения сложных многоплановых медико-социально-экономических проблем запретительными мерами, и преимущественно при помощи милиции.

Например, на милицию возлагаются, среди прочих, следующие обязанности:

— выявлять лиц, допускающих немедицинское потребление наркотических средств;

— пресекать попытки проникновения на объекты хранения и производства наркотических средств с целью их хищения;

— выявлять и пресекать попытки нелегального сбыта наркотических средств;

— выявлять притоны потребителей наркотиков и принимать меры к их ликвидации;

— выявлять незаконные посевы наркотикосодержащих растений (опийного и масличного мака, конопли и пр.) и принимать меры к их уничтожению;

— выявлять недостатки в учете и хранении наркотических средств в государственных учреждениях и принимать меры к их устранению;

— выявлять лиц, вовлекающих несовершеннолетних в немедицинское потребление наркотиков, и принимать необходимые меры для привлечения их к ответственности.

Но в состоянии ли милиция справиться с этими, на первый взгляд, несложными функциями?

Знания в этой области и те данные, которыми она располагает, явно недостаточны для объективной оценки действительного положения в сфере наркотизма. Так, по оценкам специалистов, примерно 5 млн человек из числа учащейся молодежи пробовали наркотики хотя бы один раз, а около 500 тыс. употребляют их регулярно. Это почти в 50 раз превышает официальные данные о количестве лиц, так или иначе связанных с незаконным оборотом наркотиков. Экспертные оценки врачей-наркологов о количестве наркоманов в Москве отличаются более чем в 1000 раз. По мнению одних — в столице — 700 наркоманов. Другие называют цифру 900 тысяч...

Сотрудники правоохранительных органов подвергаются резкой критике за неспособность решить поставленные перед ними задачи по преодолению алкоголизма, наркомании, токсикомании и других негативных явлений, хотя эти требования нередко выходят за пределы их юрисдикционных, ресурсных и просто человеческих возможностей.

Затрудненный усилиями правоохранительных органов доступ к наркотикосодержащему сырью растительного происхождения уже повлек за собой весьма существенный рост цен на наиболее рас-

пространенные наркотики на «черном рынке», а значит, с одной стороны, увеличение количества имущественных преступлений, совершаемых наркоманами с целью добыть средства на подорожавший «товар», а с другой — переориентацию части потребителей (особенно начинающих) на различные токсические заменители, разрушительное действие которых на человеческий организм и психику во много раз опасней и для личности, и для общества. В области медицины также наблюдается «...увлечение запретительными средствами борьбы с наркоманией, что, в частности, проявляется в постоянно расширяющихся списках лекарств, не подлежащих свободной продаже. Эти меры оказываются не только неэффективными, но одним из своих следствий имеют появление полинаркомании и токсикомании... здесь налицо воздействие не на причины этого негативного явления, а на его симптомы». Всего за 3 года, прошедших после принятия в 1985 году антиалкогольного закона, количество лиц с диагнозом «алкоголизм» увеличилось на 8 процентов, «наркомания» — на 40 процентов, «токсикомания» — более чем на 200 процентов! Это еще раз убеждает в том, что попытки решения сложных многоплановых социально-экономических проблем без системного подхода к их сути не могут привести к желаемым результатам и подтверждает необходимость создания комплексной модели наркобизнеса с целью разработки стратегии и тактики борьбы с этим негативным явлением в целом, а не с его отдельными проявлениями.

Стратегические ошибки в борьбе с наркотизмом незамедлительно используются наркомафией, которая действует по законам рынка и из каждого просчета противника извлекает немалую выгоду, увеличивая свои прибыли и активизируя поиск новых потребителей.

Серьезные опасения возможного расширения наркотического «черного рынка» вызывает также позитивная в целом тенденция увеличения объемов международной торговли и туризма, которая неизбежно приводит к повышению «проницаемости» границ для наркотиков. Введение конвертируемой валюты на внутреннем рынке также может открыть «черный рынок» страны для крупнейших нелегальных международных наркосиндикатов, способствовать проникновению на наш «черный рынок» таких опасных наркотиков, как «крэк», «базуко», ЛСД и др. Одной из причин появления на отечественном «черном рынке» американского метадона явились, видимо, многочисленные случаи бесконтрольных переходов границы с Ираном жителями приграничных районов Азербайджанской ССР в последние годы.

Низкую эффективность и стратегическую бесперспективность «ограничительных» мер, направленных на предмет потребления с целью ограничения спроса, подтверждает и опыт зарубежных специалистов в сфере борьбы с наркотизмом.

До принятия долгожданного решения о создании, в соответствии со ст. 17 «Единой конвенции о наркотических средствах 1961 года» и со ст. 6 «Единой конвенции о психотропных веществах 1971 года», органа «особого управления» основная тяжесть в борьбе с наркобизнесом ложится на правоохранительные органы, прежде всего на органы внутренних дел. Это вновь остро ставит вопрос о том, какие задачи в сфере борьбы с наркобизнесом, какими средствами и методами должны реально решать эти органы.

Стратегия борьбы с правонарушениями, связанными с распространением наркотиков, на современном этапе, видимо, должна быть сформулирована как упорядочение немедицинского спроса и ограничение незаконного производства, перемещения, хранения и сбыта наркотических средств.

Исходя из того, что наркотизм — явление социальное, имеющее исключительно разнообразные причины как по времени их исторического появления, так и по их значению, любые представления и надежды, что можно за короткое время добиться значительных успехов в борьбе с ним с помощью однократных действий и кампаний (что, в частности, подтверждает недавний опыт проведения антиалкогольной кампании), являются иллюзиями, связанными с выдвижением необоснованных целей.

Наркотизм — это социальное явление, с которым обществу необходимо научиться сосуществовать длительно, хотя и не мирно. Кампании, нацеленные на достижение нереально быстрых успехов в борьбе с ним, приведут к обратному результату. Необходимо также подчеркнуть, что в каждом регионе наркотизм имеет собственное социально-историческое лицо, стимулирует своеобразные сопутствующие явления, хотя, по-видимому, могут иметь место и одинаковые тенденции. Актуальные социальные и правовые методы воздействия на наркотизм и их прогноз на будущее так же, как и оценка их эффективности, могут быть осуществимы только в этом социально-историческом контексте, что обусловливает необходимость их разработки с учетом особенностей конкретного региона.

МОЖНО ЛИ ПРОГНОЗИРОВАТЬ ОРГАНИЗОВАННУЮ ПРЕСТУПНОСТЬ?

ИЛИ ДРУГИМИ СЛОВАМИ: нужно ли пытаться как-то квантифицировать, т. е. количественно выразить это качественное явление? Мы отвечаем однозначно: это нужно не только для науки, но, главным образом, для сотрудников органов внутренних дел и в основном тех подразделений, которые занимаются борьбой с организованной преступностью.

Нам могут возразить: разве можно бороться с тем, чего как будто и нет? Те, кто так думают, по-своему правы. Ведь правовые нормы до сих пор не признают, что в стране есть организованная преступность. Возьмем статью 34 Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик. Или статью 39 УК РСФСР и соответствующие статьи УК других союзных республик. В качестве одного из обстоятельств, отягчающих ответственность, они указывают на «совершение преступления организованной группой». Но ее признаки отсутствуют. Естественно, что и действующие статистические формы не отражают состояние, т. е. удельный вес и динамику даже зарегистрированных подобных преступлений. Может быть, поэтому все мы нередко слышим неубедительные ответы работников правоохранительных органов на вопросы журналистов о проблемах организованной преступности в том или ином регионе. Они приводят отдельные примеры, количество разоблаченных групп за определенный период. А дальше... расплывчатые формулировки: «распространена», «велика» и т. д.

Правда, нам могут возразить, что с 1 июля 1992 г. вступают в действие новые Основы уголовного законодательства Союза ССР и республик, но и они фактически положения не меняют.

Наше мнение: на основе первичных статистических документов невозможно достоверно рассчитать показатели организованной преступности, особенно в отдельном регионе. Для этого необходимо определить, что же мы под ней понимаем. Начальник Главного управления МВД СССР по борьбе с наиболее опасными преступлениями, организованной преступностью, коррупцией и наркобизнесом доктор юридических наук генерал милиции А. Гуров и заместитель начальника ВНИИ МВД СССР кандидат юридических наук полковник милиции В. Бурыкин к важнейшим общим видовым признакам отнесли три следующих: устойчивость преступного объединения, единство задач его участников; наличие системы защиты, создаваемой путем подкупа должностных лиц в правоохранительных, партийных и советских органах, министерствах и ведомствах; экономические цели, извлечение доходов.

РАЗДЕЛЯЯ В ПРИНЦИПЕ эту точку зрения, хотим обратить внимание на два очень важных признака. Прежде всего обязательно должны быть организатор или организаторы и определенная структура, которая обеспечивает, с одной стороны, конспиративность и безопасность ее лидеров, а с другой — ею управляет. Такие структуры складываются под влиянием характера преступных действий, объективных условий их совершения и личного криминального опыта участников, прежде всего — организаторов.

Сейчас уголовное право не учитывает очень важный момент. Подлинные организаторы, как правило, далеки от непосредственного совершения преступлений, неизвестны непосредственным исполнителям. Поэтому доказать их вину очень непросто.

Это обстоятельство тесно связано с действиями руководителей при организации и управлении группой, с обеспечением конспирации. Для вовлечения в преступную деятельность широко используются подкуп коррумпированных должностных лиц, шантаж и угрозы по отношению к исполнителям, физическая расправа, вплоть до убийства в отношении соучастников, потерпевших и свидетелей.

Таким образом, организованная преступность не какая-то изолированная пирамида, а совокупность организованных преступных групп, обладающих суммой

перечисленных признаков. Не надо забывать и о том, что если в сфере экономики наиболее часто такие группы создаются с нуля, то в сфере общеуголовной преступности они формируются обычно на базе уже существующих преступных группировок.

ХОТЕЛОСЬ БЫ СДЕЛАТЬ одно отступление. Сейчас распространена точка зрения, согласно которой организованная преступность в стране возникла в 60-х годах, а наибольшее развитие получила в 70-е годы. С этим трудно согласиться. Проанализируйте наше уголовное законодательство и вы убедитесь, что еще в 1962 году за хищения, совершаемые в особо крупных размерах, и получение взятки лицом, занимающим ответственное положение, полагалась смертная казнь.

Вызвано это было тем, что в стране раскрыли ряд опасных преступных группировок расхитителей и взяточников, связанных с должностными лицами правоохранительных органов и партийно-государственного аппарата. Вряд ли стоит сейчас их перечислять, в свое время об этом достаточно широко писали. Обратим внимание читателей лишь на одно обстоятельство. Эти группировки активно действовали во второй половине 50-х, а не в 60-е годы. К сожалению, научному анализу как сами эти преступления, так и причины их появления не подвергались. К тому же ужесточение уголовной ответственности в виде смертной казни было скомпрометировано в глазах общественности применением обратной силы — по персональным Указам, а скоропалительное приведение в исполнение приговоров лишило правоохранительные органы возможности вскрыть многие метастазы.

Так где же искать конкретную информацию об организованных преступных группах? Частично она содержится в первичной и обобщенной статистической отчетности, которые характеризуют преступника. **При анализе необходимо выделить все групповые уголовные дела, по которым в качестве обвиняемых проходили представители правоохранительных, партийных и советских органов, руководители предприятий, организаций и учреждений и их крупных подразделений. Затем проанализировать выявленные уголовные дела для установления признаков, о которых мы говорили. Если они будут, все эти дела следует относить к организованной преступности.**

У ЧИТАТЕЛЯ наверняка появился вопрос: каким образом изучать уголовные дела, ведь часть из них уже может быть в судах различных инстанций?

Сошлемся на собственный опыт. Для установления признаков, отличающих организованные преступные группы, достаточно проанализировать надзорное производство, которое в следственных подразделениях ведется на все групповые дела со сроками следствия, превышающими два месяца.

Помимо отобранных карточек, необходимо проанализировать надзорные производства по уголовным делам на те группы, где было три и более участников, и которые обвинялись в хищениях в особо крупных размерах, во взяточничестве и спекуляции, в нарушениях правил о валютных операциях, в частнопредпринимательской деятельности, в бандитизме, кражах государственного имущества в особо крупных размерах и кражах оружия, в многочисленных квартирных кражах, в преступлениях, связанных с незаконным изготовлением, сбытом и перепродажей наркотических веществ, в вымогательстве. Все эти преступления в современных условиях чаще всего совершаются организованными преступными группами.

Но этим работа не исчерпывается. Изучить надо и дела об убийствах, причинении тяжких телесных повреждений и гибели работников правоохранительных, партийных и советских органов. Ведь это может быть расправой со стороны организованных преступников.

Часть уголовных дел расследуют следователи прокуратуры. Поэтому надзорное производство по ним имеется только в соответствующих прокуратурах. При изучении материалов за помощью можно обратиться в соответствующие региональные временные комитеты по борьбе с преступностью. Анализ будет значительно облегчен, если в первичные карточки статистического учета будут внесены все перечисленные нами признаки.

Выделенная таким образом доля организованных преступных групп в общем числе групповых преступлений за определенный период (лучше всего брать пять лет с разбивкой по годам) составит базу для расчета состояния и краткосрочного прогноза в конкретном регионе. Но только базой, так как полученная сумма не учитывает латентных преступлений.

Методик абсолютного (полного) их учета пока нет и, видимо, создано быть не может. Вместе с тем существует методика частичного, но достоверного их выявления. Она основана на методе экстраполяции, дающем результат, достоверность которого колеблется в пределах ±15 процентов. Фактически — тенденцию, а не абсолют. ХОТЕЛОСЬ БЫ ПОДЕЛИТЬСЯ еще одним соображением. Наш многолетний опыт борьбы с преступностью показывает, что латентные организованные преступные группы очень часто проявляют себя признаками, на первый взгляд, не являющимися криминальными. Их можно обнаружить в поведении, в работе предприятий, организаций, учреждений и, наконец, в документах.

Сотрудники милиции не должны проходить мимо таких фактов (если им станет это известно), что работники партгосаппарата, правоохранительных органов, руководители ведомств и предприятий, кооператоры вдруг начали покупать новые автомашины иномарок, незастроенные дачные участки и дачи, антиквариат и дорогие ювелирные изделия. Ясно, что на честно заработанную зарплату этого не приобретешь. И никто за просто так не будет дарить по любому поводу и без повода должностному лицу дорогие подарки, устраивать в его честь обеды и ужины в фешенебельных ресторанах, устраивать прогулки на судах морского и речного флота.

Не поймите нас превратно. Мы не призываем к всеобщей подозрительности, к поиску везде и всюду преступников. Но ведь и дыма без огня не бывает, тем более сейчас, когда развелось слишком много охотников погреть руки за чужой счет. Ведь не за красивые, как говорится, глаза, например, кооперативы содержат в своем штате совместителей из партгосаппарата или их родственников, не безвозмездно они или совместные предприятия получают удобные производственные и административные помещения. Нельзя проходить мимо, если за рубеж вывозится то, что запрещено к экспорту из СССР, если при экспортно-импортных операциях подменяются товары, указанные в грузовых или других документах. Или продажа за валюту дефицита, который на этом предприятии не производят.

Криминал можно найти при внимательном изучении документов. В том случае, если участники внешнеэкономических связей регистрируются с нарушением существующего порядка, если есть отклонения в лицензировании определенных видов товаров. Или когда кооператоры получают в Жилсоцбанке крупные кредиты наличными и одновременно оформляют в Сбербанке чековые книжки, аккредитивы на суммы более десяти тысяч рублей на имя членов кооперативов, сберкнижек на предъявителя. И уж, конечно, нельзя не обращать внимания на открытие и резкое возрастание инвалютных счетов во Внешэкономбанке должностных лиц, работающих и в сфере экономики, и в партгосаппарате. Кстати, эти деньги могут оформляться под видом авторских гонораров.

Обнаружение всех этих признаков, особенно в их совокупности, по нашему убеждению, должно повлечь за собой тщательную проверку оперативно-розыскными средствами и методами.

Генерал-майор милиции
И. КЛИМОВ,
начальник кафедры оперативно-розыскной деятельности Высшей юридической заочной школы МВД РСФСР, кандидат юридических наук.
В. ЗОБОВ,
кандидат юридических наук.

Теплым весенним вечером главный врач санатория - профилактория треста «Кузнецкпромстрой» Козлова, окончив прием больных, заторопилась домой. Она бодро шагала к трамвайной остановке, когда вдруг...

— Марина Аркадьевна Козлова? — двое мужчин стояли на ее пути. Едва женщина кивнула головой, представились:

— Начальник отделения ОБХСС Мартынов.

— Оперуполномоченный Винтовкин.

И предложили вернуться назад, в рабочий кабинет.

— Зачем, что вам надо от меня? — возмущалась Козлова по дороге в санаторий.

Быстро пригласили понятых, и капитан милиции В. Мартынов предложил главврачу выдать деньги, переданные ей в виде взятки.

— Какие деньги, какая взятка! Что вы такое позволяете себе! — возмущению хозяйки кабинета, казалось, не будет предела.

Сотрудники спокойно разъяснили.

— Перед уходом с работы вы получили взятку в 500 рублей. Предлагаем вам выдать эти деньги добровольно. Если откажетесь, изымем.

— Ничего у меня нет. Ищите!

— Алла Николаевна, — обратился Мартынов к стоящей в стороне женщине, — приступайте. — И сразу же ее представил: оперуполномоченный ОБХСС капитан милиции Касумова. Она в соответствии с имеющимся постановлением произведет обыск.

Касымова потребовала от главврача выложить на стол содержимое дамской сумки, которую та крепко прижимала к себе. Среди всякой всячины на стол выпал почтовый конверт, в нем — 500 рублей.

— Это не мои! — закричала Козлова. — Не знаю, как они туда попали. Наверное, кто-то подбросил.

— Вот в этом мы и разберемся, — хладнокровно ответил В. Мартынов. — Прошу вас проехать с нами в управление внутренних дел.

Так завершилась операция по разоблачению взяточницы. Но заключительному акту предшествовали тщательно продуманные мероприятия, в которых участвовали многие оперативные работники УВД Новокузнецкого горисполкома.

Ранним утром в кабинете начальника отдела БХСС этого управления раздался телефонный звонок.

ВЗЯТКА

— Полковник Петрашин слушает.

Кто-то скороговоркой передавал, что главный врач санатория треста «Кузнецкпромстрой» Козлова вымогает взятки у медиков, взявших в аренду часть помещения этого санатория.

Петрашин еще не дописал последнего слова, как услышал в трубке частые гудки.

Мартынов срочно получил задание — проверить сигнал. Его подчиненные быстро установили, что некоторые комнаты санатория в самом деле арендуют врачи, имеющие разрешение на индивидуально-трудовую деятельность. Группу медиков возглавляет психотерапевт Дубровин.

Каждый сотрудник ОБХСС хорошо знает, как нелегко доказать и задокументировать факты взятки. Дающий, как правило, об этом на всю улицу не кричит. Оба участника сговора действуют предельно осмотрительно.

Петрашин с Мартыновым посовещались и решили все-таки поговорить с Дубровиным. Если Козлова занимается вымогательством, то делает это скорее всего через старшего группы.

И вот Дубровин приглашен для беседы в ОБХСС. Начинается непростая для него беседа. Он волнуется.

— Николай Евгеньевич, мы будем с вами искренни, — полковник Петрашин задает встрече уравновешенный, деловой тон. — У нас есть данные, что одно известное вам лицо требует от врачей взятку. Хочу разъяснить, закон предусматривает уголовную ответственность как взяткополучателя, так и взяткодателя. Однако последний освобождается от нее в случае добровольного заявления о факте вымогательства или дачи взятки. Будьте с нами откровенны.

Кабинет начальника ОБХСС заполнила тягостная тишина. Минута, другая, третья... Наконец, словно очнувшись, посетитель полез в боковой карман, вытащил оттуда обыкновенный почтовый конверт.

— Здесь 500 рублей, — тяжело заговорил Дубровин, — я должен передать их сегодня вечером главному врачу санатория Марине Аркадьевне Козловой. Будто бы в порядке расчета за аренду помещения. Но я, даю слово, и сам собирался прийти сюда с заявлением. Сотрудники меня опередили. Готов подробно рассказать обо всей этой истории.

...С согласия администрации и постройкома треста «Кузнецкпромстрой» Дубровин заключил с главным врачом санатория-профилактория Козловой, как с должностным лицом, договор об аренде части здания для проведения лечебной работы. Чем он вместе с другими врачами-индивидуалами различного профиля и занимался. В качестве расчета за использование помещений он обязался со своими коллегами бесплатно лечить работников треста, отдыхающих санатория. Контракт выполнялся неукоснительно.

Прошло несколько месяцев. И тут начались намеки. Козлова объявила, что за покровительство хотела бы тоже иметь свою долю от прибыли. Дальше — больше. Однажды она попросила Дубровина перечислить крупную сумму в один из московских институтов, куда направлялся на повышение квалификации... ее муж. Дубровин поначалу обещал, но, одумавшись, стал тянуть. Почувствовал, что до греха недалеко.

Козлова же горела нетерпением, напоминала о деньгах чуть не каждый день. Наконец, сказала напрямик:

— Будете платить мне ежемесячно по 500 рублей. Если откажетесь, договор на аренду помещения расторгну. Подыщу клиентов посговорчивее.

— Что мне оставалось делать? — закончил свое повествование Дубровин. — Посоветовался с коллегами, те согласились на оброк. Но один человек рекомендовал обратиться в милицию. Вот...

Петрашин и Мартынов попросили психотерапевта полтысячи Козловой все-таки вручить. Сотрудники ОБХСС составили план разоблачения. Главное — неожиданно для взяточницы задержать ее с поличным. Сумму Дубровин должен был передать под конец дня, в служебном кабинете. Так требовала Козлова. В этот час и начиналась милицейская операция.

— Решили встретить вымогательницу на улице, по пути домой, — рассказывает Вячеслав Михайлович Мартынов. — Продумали возможные варианты отказа Козловой от полученной уже взятки. Такое часто бывает. Задерживаем, скажем, мздоимца на его рабочем месте, изымаем деньги, а он твердо заявляет: не мои, знать ничего не знаю, подложили. Из этих соображений десять полсотенных, которые понес Дубровин, пометили, переписали номера купюр, в присутствии понятых зафиксировали.

...Каждый оперативный работник занял определенное место, выполнял конкретную задачу. Двое сотрудников под видом больных находились в очереди на прием к Козловой. Они зафиксировали приход Дубровина, куда выходила и с кем общалась «подконтрольная» дама, когда завершила прием посетителей, вышла на улицу.

Один оперуполномоченный дежурил у выхода из санатория, ему предстояло «принять» объект под наблюдение, а затем сообщить по рации поджидавшим за углом Мартынову и Винтовкину.

Подполковник милиции в отставке
Б. ЭТИН.

г. НОВОКУЗНЕЦК,
Кемеровская область.

ШАЛЬНЫЕ ДЕНЬГИ

Впервые азартные игры были запрещены в России Соборным Уложением 1649 года при царе Алексее Михайловиче. И с тех пор постоянно преследовались законом. С такой же настойчивой постоянностью нелегально содержались игорные притоны, что всегда грозило их организаторам большими неприятностями. Но сегодня дорога, которая ведет на Голгофу, никого не устраивает. Дельцы игрового бизнеса избрали другой путь.

Теперь они играют по куда более крупным ставкам, и, что интересно, практически на законных основаниях. С благословления союзных Совмина, Минфина и Минюста.

С легкой руки именно этих ведомств сегодня в страну хлынули тысячи игровых автоматов, стали создаваться валютные казино. Видимо, и сами уважаемые ведомства не ожидали такого оборота событий и, по всем приметам, до сих пор еще не могут оправиться от растерянности. Вот уже третий год подряд игорный бизнес развивается полным ходом. А нормативного акта, разрешающего предпринимательство подобного рода, в Минюсте СССР до сих пор еще не создано.

Первым решил взять инициативу в свои руки Минфин СССР и в «Закон о налогообложении прибыли предприятий» включил статью, устанавливающую налог с казино и игровых автоматов в размере 70 процентов с дохода. Наверное, это возможно только у нас: налог на полулегальный по своей сути бизнес.

Идея пополнения государственной казны за счет карманов доверчивых сограждан пришлась как нельзя кстати. Ведь это много проще, чем насыщать рынок товарами народного потребления. В крупных универмагах и гастрономах вмиг появились игровые автоматы. Гастроном «Новоарбатский», например, превратился в самый настоящий игровой дом. Здесь было установлено 40 игровых автоматов советско-испанского предприятия «Фортуна-Интурист», с дохода которых магазину отчисляется 35 процентов. Одно из крупнейших совместных предприятий, «Фортуна-Интурист» имеет сегодня в стране около 2-х тысяч игровых автоматов. Всего же только в Москве зарегистрировано 7 подобных СП.

А что же наши доморощенные кооперативы и малые предприятия? Специальным постановлением Совмина СССР кооперативам и частным лицам запрещено занятие игровым бизнесом. И можно было бы порадоваться за проявленную ведомством принципиальность. Но... Как показывает практика, в законе всегда находится какая-нибудь лазейка. По действующему законодательству, ответственность за организацию азартных игр предусмотрена только в отношении частных лиц. Юридические же лица, каковыми являются кооперативы и предприятия, ответственности нести не могут. Поэтому понятно, что большинство из них сегодня занялось так называемыми лотереями, которые на деле оказываются попросту тем же игровым бизнесом с элементами мошенничества.

Разрешение на проведение лотерей сегодня дают Совмины республик. Причем условия проведения, размер доходов и налог должны строго оговариваться. Если лотерея разрешена официально, то она обычно представляет собой тиражирование билетов с номерными и другими отличительными знаками. Но то, чем занимаются, прикрываясь эгидой всяческих благотворительных обществ и малых предприятий, расплодившиеся по всем закоулкам лотерейщики, мало назвать самодеятельностью.

Завлекая в игру демонстрацией выигрышей — импортных вин и косметики — они обчищают наши карманы с завидной ловкостью. Выиграть здесь можно только одно — лотерейный билетик стоимостью 30 копеек. Никакого разрешения Совмина у таких предпринимателей, естественно, нет. Но есть разрешения местных исполкомов, неизвестно с какой радости ощутивших себя вправе их выдавать. Что это — правовая безграмотность или соображения иного рода?

Нет, к сожалению, у нас службы, которая занималась бы выявлением самодеятельных коммерсантов. Ни налоговые, ни финансовые управления не будут ходить по городу и ловить нарушителей за руку. Они и с официально зарегистрированными предприятиями пока разобраться не могут. Контроль над доходами игорных предпринимателей практически не ведется. Сотрудники налоговых инспекций подчас даже не имеют представления, сколько «зарабатывает» один игровой автомат в день.

Конечно, со времен правления царя Алексея Михайловича утекло много воды. Сегодня наши законы не столь категоричны. И кое-кто, забывая, что уголовную ответственность за занятие азартными играми никто не отменял, говорит: ну, если это кому-то нравится, пусть играет. Может быть, в этом и есть своя логика. Только хочется заметить, что каковы бы ни были наши выигрыши, мы так и останемся в бесконечном проигрыше. Потому что определяется он не деньгами, а тем, что нашим согражданам, и особенно подросткам, которым, кстати, на Западе запрещено участие в азартных играх, прививается страсть к легкой наживе. Кто вырастет из них, развращенных погоней за шальными деньгами?

Е. МАКСАЕВА.

- НА СЛУЖБЕ У ТРЕХ ИМПЕРАТОРОВ
- «ОБРАЗЦОВАЯ» СТРОЙКА — БЕЛОМОРКАНАЛ
- СОЛОВКИ: ЗАГОВОР, КОТОРОГО НЕ БЫЛО

служебной лестницы было не быстрым, но уже уверенным.

ДИПЛОМАТИЧЕСКИЕ ТАЙНЫ

С первых дней службы в архиве министерства иностранных дел Д. Н. Блудов поразил своих начальников добросовестным отношением к делу. Сюда поступали многие столичные дворяне, не желавшие проводить молодость в армейских и не имевшие финансовой возможности служить в гвардейских полках. Службу в архиве они рассматривали как необременительную обязанность, позволявшую числиться в министерстве иностранных дел и иметь много свободного времени для светской жизни, успехи в которой часто становились основой для удачной карьеры.

Александр БОРИСОВ

ПРОСВЕЩЕННЫЙ КОНСЕРВАТОР

Д. Н. БЛУДОВ
министр
внутренних дел
с 12.02.1832
по 15.02.1839 гг.

Дмитрий Николаевич Блудов начал службу в пятнадцать лет в архиве министерства иностранных дел, а закончил ее председателем Государственного совета и Комитета министров, будучи награжденным высшими российскими орденами и пожалованным графским титулом.

Это была более чем удачная карьера для небогатого дворянина, пользовавшегося, правда, в начале службы поддержкой своего родственника — министра, сенатора, поэта Г. Р. Державина.

Трудолюбие, способности и соответствие требованиям, предъявляемым правящей верхушкой к государственным служащим, умение улавливать «дух времени» лежали в основе карьеры Д. Н. Блудова. В либеральные времена начала XIX века он был либералом, в годы царствования Николая I, поставившего своей целью борьбу с распространением не только «революционной заразы», но и либерализма — он консерватор, а в последний период своей жизни, когда наступила очередная «оттепель» во внутренней политике самодержавия, Д. Н. Блудов — участник разработки и проведения прогрессивных реформ.

Смена политического курса, сопровождаемая, как правило, сменой лиц в верхних этажах власти, Д. Н. Блудова не затрагивала, его восхождение по ступеням

Дмитрий Блудов использует все возможности для изучения договоров, обязательств, заключенных Россией с другими странами, знакомится с правилами дипломатической переписки, составлением документов и вскоре, отмеченный за усердие, переводится на службу непосредственно в министерство иностранных дел.

В 1809 — двадцатичетырехлетний Д. Блудов назначается начальником дипломатической канцелярии при командующем русской армией в войне с Турцией М. Каменском.

Ведя дипломатическую переписку командующего, Блудов прошел хорошую школу, получил опыт, пригодившийся ему в дальнейшем. По роду своих обязанностей Дмитрий Николаевич знакомился с донесениями дипломатических и не только дипломатических агентов, доставлявших сведения о возможностях и намерениях турецкого командования. В подготовке выгодного для России мирного договора с Турцией, подписанного накануне войны с наполеоновской Францией, была и некоторая заслуга начинающего дипломата Д. Блудова. Его способности, знание закулисной стороны внешнеполитической деятельности были оценены начальством, и в начале 1812 года молодой дипломат назначается поверенным в делах Российской империи в Швеции.

Фактическим правителем Швеции был бывший наполеоновский маршал Бернадотт, избранный наследником бездетного короля Карла XIII. Бывший военный министр республиканской Франции, затем сподвижник Наполеона, получивший от него маршальский жезл, княжеский титул, поддержку в притязаниях на шведскую корону, Бернадотт заключил секретное соглашение с русским императором Александром I о возможном участии Швеции на стороне антифранцузской коалиции.

Блудову было поручено добиваться выполнения шведской стороной обязательств, взятых ею по секретному соглашению с Россией, что было достаточно трудной задачей, так как Бернадотт не раз в своей жизни отказывался от обязательств и убеждений в пользу удовлетворения честолюбия.

Успехи русской армии облегчили задачу Д. Блудова, и после окончания Отечественной войны он вернулся в Петербург с репутацией способного и перспективного дипломата.

ЛИТЕРАТУРА И ПОЛИТИКА

Одним из проявлений оживления культурной, общественно-политической жизни в России после окончания Отечественной войны, в период формирования движения декабристов, было образование различных литературных кружков, издание художественно-публицистических журналов и альманахов.

Д. Н. Блудов, обладавший литературным вкусом и способностями, друживший с В. Жуковским, К. Батюшковым, становится одним из основателей литературного кружка, вошедшего в историю отечественной литературы под названием «Арзамас». Общество носило несколько шутливый характер (его члены называли себя «арзамасскими гусями»), и одной из своих целей ставило пародирование языка, стиля, манеры поведения литературных и политических консерваторов.

Дмитрий Николаевич был, что называется, душой литературного общества, произнося веселые речи, сочиняя эпиграммы, изобретая шутливые ритуалы. Но быстро убедившись в отсутствии у себя большого литературного дарования, не стал заниматься творчеством в ущерб службе.

Увлечение литературой помогло Д. Н. Блудову справиться с дипломатическим поручением, данным ему императором в 1817 году. В это время осложнились отношения России со своей бывшей союзницей по антинаполеоновской коалиции — Англией. Одним из методов политической, дипломатической борьбы, которым активно пользовалось английское правительство, являлась публикация в газетах и журналах материалов, дискредитирующих внешнюю и внутреннюю политику России. В задачи Д. Блудова входило предотвращение публикаций, наносящих вред политике, престижу России, царской фамилии, издание материалов, подрывающих доверие к статьям, книгам, неугодным русскому правительству.

Литературно-редакторские, дипломатические способности Д. Блудова были использованы императором Николаем I в 1826 году для подготовки материалов Следственной комиссии по делу декабристов.

ПРАВИТЕЛЬ КАНЦЕЛЯРИИ ВЕРХОВНОГО УГОЛОВНОГО СУДА

Суд над декабристами был важным политическим актом. Официальная версия причин восстания и всего того, что ему предшествовало, должна была стать своеобразным политическим манифестом нового царствования. Поэтому Николай I сам активно участвовал в следствии по делу декабристов, тщательно подбирал членов и сотрудников Следственной комиссии Верховного уголовного суда, специально образованного для рассмотрения дела о восстании 14 декабря 1825 года. Через неделю после восстания, вступив на российский престол, император на дипломатическом приеме заявил о своем желании, «чтобы Европа узнала истину о событиях 14 декабря».

Блудову была поручена подготовка отчета о деятельности Следственного комитета и ряда журнальных публикаций, в которых давалась официальная оценка событий 14 декабря 1825 года в Петербурге.

Первое официальное сообщение о восстании появилось 5 января 1826 года. В нем говорилось, что восставшие своей целью ставили «...истребление всей императорской фамилии, грабеж, расхищение имущества, убиение не принадлежавших к их мятежному сообществу граждан, одним словом, все неисчислимые ужасы безначалия».

Этой оценки и придерживался доклад Следственной комиссии, подготовленный Д. Блудовым, перед публикацией отредактированный Николаем I.

По свидетельству современников, знавших Дмитрия Николаевича, впоследствии ему было неприятно вспоминать о своем участии в подготовке суда над декабристами, и 30 лет спустя, уже будучи в больших чинах, он способствовал возвращению оставшихся в живых участников восстания из ссылки.

После окончания суда Блудов получил чин статс-секретаря и был назначен заместителем министра народного просвещения А. С. Шишкова, того, чьи стихи и статьи были излюбленным предметом шуток и пародий членов литературного кружка «Арзамас», и прежде всего самого Д. Блудова.

В МИНИСТЕРСКОМ КРЕСЛЕ

В 1828 году после официального закрытия Следственной комиссии по делу декабристов Д. Блудов уже тайный советник, в 1830 году несколько месяцев руководил министерством юстиции. В 1832 году был назначен министром внутренних дел.

Как министр он начал свою деятельность с уменьшения внутриведомственной переписки и с отмены некоторых распоряжений своего предшественника А. А. Закревского по поддержанию почти воинской дисциплины во всех департаментах министерства.

Особенностью царствования Николая I было создание многочисленных секретных правительственных комитетов и комиссий для решения различных социально-экономических проблем. Д. Блудов, как министр внутренних дел, входил во многие из них. Для обеспечения его необходимыми сведениями и материалами в министерстве

внутренних дел было создано специальное статистическое отделение.

Характерными чертами Д. Блудова как руководителя были и большая работоспособность (он нередко работал по ночам, готовя, редактируя почти каждый основной документ, исходящий из министерства), и чувство ответственности, переходящее в страх, который он, несмотря на многолетнюю службу, испытывал на докладах у императора. Подчиненные Дмитрия Николаевича замечали: «В те дни, когда он отправлялся к императору, он был сам не свой: не слушал, смотрел ежеминутно на часы и непременно посылал поутру сверить свои часы с дворцовыми. Зато когда возвращался от императора, не получивши нагоняя, был по-детски весел...»

Возможно, что, как опытный царедворец, Блудов демонстративно преувеличивал свой страх перед Николаем I, зная его мысли о том, что император должен вызывать у истинно верноподданного ощущение трепета при встрече. Большое значение для общественной, культурной жизни страны имело распоряжение Д. Н. Блудова как министра внутренних дел об издании в каждой губернии «официальной газеты, так называемых «Губернских ведомостей», в которых публиковались не только распоряжения центральных и местных властей, но и литературные произведения, материалы по истории губернии и т. п. Благодаря этому тысячи чиновников, учителей, просто образованных людей получили возможность приобщиться к литературному творчеству и журналистике.

ПРОДОЛЖАЯ ДЕЛО М. М. СПЕРАНСКОГО

В феврале 1839 года умер М. М. Сперанский, по выражению Н. Г. Чернышевского «великий русский реформатор», руководивший составлением Свода законов Российской империи, кодификацией законодательства. Продолжение этой работы было поручено Д. Блудову, который оставил пост министра внутренних дел и был назначен управляющим Вторым отделением личной канцелярии императора, ведавшей подготовкой и систематизацией законов, и одновременно — председателем департамента законов Государственного совета.

Под руководством Д. Блудова вышло второе (1842 г.) и третье (1857 г.) издание Свода законов Российской империи. Характер и качество проделанной работы можно представить по тому обстоятельству, что Дмитрий Николаевич за нее получил графский титул. Д. Блудовым была завершена также начатая еще М. М. Сперанским кодификация уголовного законодательства.

Имеются у Д. Блудова заслуги и перед исторической наукой. Именно ему завещал Н. М. Карамзин подготовку и издание последнего 12-го тома своей «Истории государства Российского».

НОВОЕ ЦАРСТВОВАНИЕ — НОВЫЕ ДОЛЖНОСТИ

Скоропостижная смерть Николая I в феврале 1854 года, произошедшая во время Крымской войны, когда стало ясно, что Россию ждет поражение, породила упорные слухи о его самоубийстве. Для борьбы с ними Д. Блудову, как опытному дипломату и специалисту по подготовке официальных документов пропагандистского характера, поручили срочно написать брошюру «Последние часы жизни императора Николая I», изданную на русском и на основных европейских языках.

Поражение России в Крымской войне показало, что продолжение курса на сохранение феодальных устоев, проводимого Николаем I, пагубно для страны. Необходимы были существенные реформы, а следовательно, и люди, способные их проводить. Начались перемены в министерствах и ведомствах, коснувшиеся и Д. Блудова. В 1855 году он назначается президентом Императорской Академии наук — должность не очень обременительная (в то время в состав Академии наук входило около сорока академиков, несколько музеев, типография, архив), но авторитетная, дававшая возможность непосредственно обращаться к императору Александру II с различными предложениями, проектами.

Осознание необходимости глубоких реформ все больше охватывало императора Александра II, его окружение. Д. Блудов одним из первых воплотил эти веяния в конкретную форму — в обширную записку «О судебных установлениях». В ней предусматривалась реорганизация судебной системы России — отмена сословных судов, введение института присяжных заседателей, адвокатуры. Все это, естественно, предполагало ликвидацию крепостного права и других реформ.

Эти реформы были своеобразной «революцией сверху», добровольными шагами самодержавия в сторону буржуазной монархии. Но самодержавие не порывало с прошлым, стремясь найти удачное сочетание старого и нового в своей политике. Одним из проявлений этого было назначение в 1862 году председателем Государственного совета и Комитета министров Д. Блудова.

Заняв высшие государственные посты в сложный период проведения реформ, Д. Блудов старался держать курс на постепенную их реализацию, не допуская забегания вперед, сохраняя возможность для отступления. На заседаниях Комитета министров он умело примирял, уравновешивал различные точки зрения, обеспечивая единство в деятельности этого важного государственного органа. Главной своей задачей он считал доведение до министров воли монарха и контроль за ее исполнением. В сознании Д. Блудова служение государству не отделялось от служения монарху, что было естественным для человека, сформировавшегося в начале XIX века, исповедовавшего идеи «просвещенного абсолютизма».

Много и старательно работавший всю жизнь, Д. Блудов умер в 1864 году, на второй день после получения долго просимого им разрешения царя на длительный отпуск для лечения.

«СТРОИТЬ СКОРО, ДЕШЕВО, КРЕПКО...»

В этом году исполняется 60 лет с начала развертывания одной из «грандиозных сталинских строек» — Беломорско-Балтийского канала. О нем писалось много. Раньше — в восторженном ключе, затем с осуждением. Этот материал содержит ряд незнакомых читателям фактов. Автор исследования — сотрудник Центрального архива внутренних войск МВД СССР майор Н. СЫСОЕВ.

...В 1936 году для любителей туризма был выпущен путеводитель, предлагавший провести отдых в Карелии. Описание достопримечательностей республики начиналось в духе тех лет: «Недвижно и сонно лежала Карелия... Корабли и пароходы в Ленинград шли кругом, огибая материк, через зоны капиталистических государств и тратили на этот путь 17—20 суток.

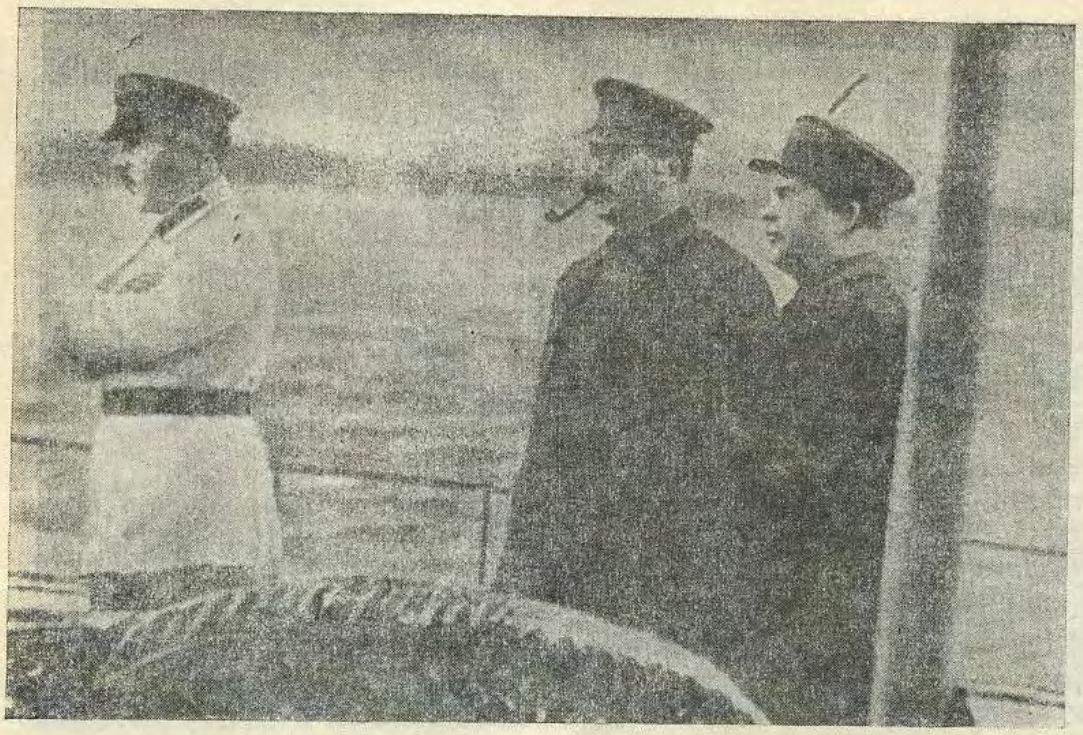
Так было до 1931 г., когда по инициативе вождя нашей партии, вождя всех трудящихся тов. Сталина родился проект Беломорско-Балтийского канала.

Строительство канала было осуществлено под руководством ОГПУ силами бывших врагов пролетариата. Это — яркий пример исправительно-трудовой политики советской власти, перековывающей тысячи социально опасных людей в сознательных строителей социализма. Это — героическая победа коллективно организованной энергии людей над стихией суровой природы Севера».

Объем земляных работ предстоял огромный. Однако указание Сталина, как всегда, было лаконичным и безапелляционным: «Строить нужно скоро, дешево, крепко и экономично...»

Известно, что строительство Суэцкого канала протяженностью 160 км длилось 11 лет, Панамского, длина которого 81 км, 10 лет. Такие сроки не устраивали страну «всеобщей коллективизации и индустриализации».

Строить «дешево и быстро» поручается Объединенному государственному политическому управлению, конкретно — Главному управлению исправительно-трудовых лагерей (ГУЛАГ) ОГПУ. Срок на строительство канала общей протяженностью 227 км отводился неслыханно короткий — всего 20 месяцев. ГУЛАГ должен был про-

К. Ворошилов, И. Сталин и С. Киров на пароходе «Анохин».

демонстрировать всему миру преимущества социалистических, а по сути — сталинских методов строительства.

Осуществление «проекта» ОГПУ начало с укрепления ГУЛАГа руководящими кадрами. «Первый зампред» Ягода предложил должность начальника этого большого и «беспокойного» главка профессиональному чекисту, участнику большинства известных крупных операций по борьбе с внутренней контрреволюцией Матвею Берману. Ягода бредил мечтой о всеобщем перевоспитании людских масс в нужном сталинскому режиму русле и всячески старался внедрить эти идеи в повседневную жизнь и деятельность лагерей.

Когда Берман высказал сомнения по поводу своих способностей воспитателя, «зампред» дружески похлопал его по плечу и высокопарно произнес:

— Вас мы все равно переводим в ГУЛАГ. А в них (в заключенных — Н. С.) живую душу вдунем. Многие у нас еще выйдут в люди!

...В начале августа 1931 года все руководство ГУЛАГа вызвали на коллегию ОГПУ. На совещании обсуждалась небывалая стройка в Карелии. Итоги совещания подвел Ягода:

— Товарищ Коган и товарищ Рапопорт, выезжайте на место. Берман вам будет помогать здесь. Канал должен стоить дешево и должен быть построен в короткий срок. Таково указание товарища Сталина...

Для непосредственного руководства строительством и проведением всех работ в системе ГУЛАГа создаются такие организации, как Управление Беломорско-Балтийским строительством (Беломорстрой) и Управление Беломорско-Балтийского исправительно-трудового лагеря (Беломорлаг) ОГПУ.

Начальником строительства назначили Лазаря Когана, человека с богатым чекистским прошлым. В начале 20-х годов он некоторое время был заместителем начальника войск ОГПУ. Заместителем стал Яков Рапопорт, одновременно являвшийся и заместителем начальника ГУЛАГа.

Небывалая стройка разворачивалась. По всей трассе канала срочно создавались лагерные отделения, строились бараки, потянулись эшелоны с заключенными.

Вместе с заключенными на трассе работали бригады так называемых каналоармейцев. Это были вольные рабочие, но их организация напоминала полувоенную, а бригадиры именовались командирами. Жизнь и труд каналоармейцев мало чем отличались от жизни заключенных.

Между бригадами, лаготделениями и лагучастками организовывалось соревнование. Имена передовиков ежедневно вывешивались на специальных стендах. За перевыполнение норм выработки придумывалась масса всевозможных поощрений: от раздачи специально выпекаемых «премиальных» пирожков до значительного сокращения сроков заключения.

Особенно старался культурно-воспитательный отдел. Он издавал лагерную многотиражную газету под названием «Перековка». На ее страницах публиковались заметки о бывших урках, рецидивистах, ворах, ставших на стройке передовиками труда. «Потопим свое прошлое на дне канала!» — призывала газета.

Одним из тех, о ком писала газета, — Борис Гинзбург, — имел пять судимостей за воровство. На стройке он организовал бригаду скальщиков из самых отъявленных нарушителей лагерного режима. Увлек их. Бригада стала перевыполнять нормы выработки в 2—3 раза. По окончании стройки бывшего вора наградили орденом Трудового Красного Знамени...

В 1932 году стройку стало лихорадить. Отчеты были далеки от реальной картины. Среди десятников появились так называемые «туфтачи», которые завышали реальные результаты дневных выработок. Делали они это для того, чтобы угодить начальству, да и среди зэков выглядеть «своими». Руководство ОГПУ всполошилось — сроки окончания работ под угрозой.

Ягода срочно направляет руководству Беломорстроя «строгую» телеграмму: «...Вашей главной обязанностью является восстановление в лагере труддисциплины... Решительно прекратить бездельное шатание тысяч людей до полного восстановления порядка в лагере...»

Спустя некоторое время для укрепления руководящего звена Белбалтлага из Москвы выезжает ответственный работник Особого отдела ОГПУ Семен Фирин. Этот человек авантюрного склада характера еще в гражданскую войну выполнял весьма щекотливые поручения. В 1920 году он был одним из руководителей секретной агентуры Западного фронта (фронтом командовал Тухачевский; членом РВС фронта был Сталин). Под руководством И. С. Уншлихта, занимавшегося в штабе фронта вопросами глубокой разведки, Фирин выполнял секретные агентурные задания в тылу противника. Зная несколько иностранных языков, в послевоенные годы работал за границей, в том числе и по линии Коминтерна. Поработал и в разведуправлении штаба РККА. С напутствием Ягоды «усилить работу» и «не доверять никому» он отплыл на стройку.

Весь административный, инженерно-технический и чекистский аппарат был приведен «в боевое состояние». Вместо лаготделений созданы боевые штабы во главе с «крепкими» чекистами. Все работы организовывались в три смены. Получение горячей пищи предусматривалось на рабочем месте. Текст приказа заканчивался недвусмысленно: «Отдавать под суд всех, кто будет заниматься очковтирательством...»

Этим Ягода не ограничился. Он лично объехал всю трассу канала. На совещаниях «главный прораб» требовал от местного начальства максимального ускорения работ. К существующему лозунгу «Выше темпы!» он добавил новый — «Обеспечим высокое качество сооружений!»

И канал построили. 4 августа 1933 года ЦИК СССР постановил щедро наградить «наиболее отличившихся работников, инженеров и руководителей Беломорстроя». Особо «отличились», естественно, Г. Ягода, М. Берман, Л. Коган, С. Фирин, которых удостоили орденов Ленина.

Двумя днями раньше, 2 августа, председатель СНК СССР В. Молотов по поводу окончания стройки подписал специальное постановление, в котором особо подчеркивалось, «...что в процессе строительства ББВП*, на основе правильного проведения исправительно-трудовой политики Советской власти, Главное управление исправительно-трудовыми лагерями ОГПУ провело большую политико-воспитательную работу среди заключенных, получивших трудовые навыки и квалификацию...»

Каналу присвоили имя Иосифа Сталина. «Вождь народов», не любивший покидать Кремль, канал своего имени посетить соизволил. Лагерный журнал «На штурм трассы» писал об этом: «Летом тридцать четвертого года широкобортный пароход «Анохин» прошел девятнадцать шлюзов ББВП. Четыре человека стояли у его перил, окруженные строителями канала, — Сталин, Ворошилов, Киров, Ягода. Партия и правительство принимали стройку...»

«Историю» строительства канала было решено увековечить изданием специальной книги. Выпустить в свет эту солидную монографию задумали тоже «по-ударному». 4 августа 1934 года шеф недавно созданного Наркомата внутренних дел СССР Ягода подписал приказ о создании редколлегии и потребовал «...монографию закончить для сдачи в печать не позднее 1 декабря...». На все дела отводилось всего четыре месяца...

Ответственный за работу редколлегии бывший начальник Беломорстроя Л. Коган организовать «ударную» работу умел. Возглавили редколлегию М. Горький и Л. Авербах. Последний был родным братом жены Ягоды и являлся одним из руководителей Российской ассоциации пролетарских писателей (РАПП). Для работы над очерками привлекались известные советские литераторы, такие как В. Катаев, М. Зощенко, В. Иванов, В. Инбер, Е. Габрилович. Подготовленные ими материалы прославляли гений «великого и мудрого», превозносили заслуги ОГПУ в «умелом» руководстве стройки и преимущества гулаговской системы перековки «социально-опасных элементов» в сознательных, по сталинским меркам, «строителей» социализма. Издание было богато проиллюстрировано фотографиями. Причем снимки подбирались таким образом, что заключенные на них были жизнерадостные и пышущие здоровьем, а их лица излучали необычайный трудовой энтузиазм...

Авторы посвятили книгу XVII съезду ВКП(б). Уже в начале 1935 г. весь тираж увидел свет. Но жизнь книги оказалась недолгой. Через два с лишним года главный «прораб» Генрих Ягода и гулаговское начальство были объявлены «шпионами» и «диверсантами». Например, Фирина обвинили в том, что «по заданию Ягоды организовал группы уголовников для захвата власти...» Вслед за ними была репрессирована и книга, на долгие годы попавшая в спецхранение.

* ББВП — Беломорско-Балтийский водный путь

ИСТОРИЯ — ЭТО

Корреспондент «СМ» Татьяна ПОЛЯКОВА беседует с Владимиром Алексеевичем РЫБИНЫМ — председателем редакционного совета издательства «Российский военный архив».

— Историческую литературу выпускает масса издательств. И вот на базе Центрального государственного военно-исторического архива СССР создано еще одно. Зачем?

— Чтобы довести до читателя неизвестные материалы и документы, которые публиковались с изъятиями и пропусками как по причинам идеологического характера, так и по причине нехватки бумаги. Не удивляйтесь, ведь комментарии, именные и географические указатели, весь научно-справочный материал попадал под нож в первую очередь.

— Не сведется ли работа издательства к выпуску справочной литературы?

— Конечно, нет. Справочник есть справочник, а комментарии к историческим публикациям это совершенно другое. Голод на историческую правду большой. То, чем сейчас насыщают рынок,— вещи проходящие, публикацией документов должны заниматься профессионалы. Грешат непроработанностью и недостаточностью научных комментариев и солидные издания. Пример тому — публикуемые сейчас рядом толстых журналов «Очерки русской смуты» А. И. Деникина.

Наша задача — составить альтернативу этим «партизанским» публикациям.

Одно из направлений нашей работы — выпуск мемуарной литературы. Кроме этого, выйдет большая серия по истории русского военного костюма. Вам говорят что-нибудь такие названия цветов, как селадоновый, вердепомовый, огневой, пюсовый? А они присутствовали в военной форме XVIII—XIX веков и были достаточно известны. Не должно быть «белых пятен» и в военной старине.

Приведу лишь один пример. Два года назад крамольным казалось предложение ряда специалистов пересмотреть некоторые аспекты войны 1812 года — хотя бы

● ЛЕТОПИСЬ МИЛИЦЕЙСКОЙ ФОРМЫ

НЕЗАВИСИМО ОТ ВИДА СЛУЖБЫ

В 1931 году Главное управление милиции и уголовный розыск продолжили работу по унификации знаков различия и формы одежды. Для всех работников милиции были установлены знаки различия и форма одежды единого образца независимо от вида службы. Данные изменения были введены приказом ГУМ и УР при СНК РСФСР № 18 от 22.04.1931 года. В качестве обмундирования для милиции и уголовного розыска устанавливались:

пальто пехотное, покроя «реглан» из темно-серого сукна, однобортное, на пяти металлических пуговицах большого размера с красноармейской звездой, с отложным воротником, четырьмя продольными прорезными карманами и одним открытым карманом на обшлаге левого рукава. Пояс из сукна такого же цвета. На воротнике и рукавах пальто — окантовка из красного приборного сукна. На зимний период для комсостава под пальто на пуговицах пристегивалась ватная подкладка. Для рядового состава — телогрейка ватная однобортная на пяти пуговицах или крючках, с хлястиком сзади.

Плащ пехотный, покроя «реглан» из темно-серой прорезиненной ткани на пяти металлических пуговицах большого размера с красноармейской звездой, отложным воротником, двумя продольными прорезными карманами, с клапанами на кнопках, поясом из материала такого же цвета и пряжками на рукавах и пристегивающимся на пуговицах капюшоном. Плащ полагалось носить в летнее время.

Рубаха-гимнастерка зимняя из темно-серого сукна, а летняя из х/б ткани, с отложным воротником, двумя нагрудными карманами с клапанами, окантовкой из красного сукна на рукавах и воротнике.

Взамен рубахи-гимнастерки для начсостава допускалось ношение кителя — зимой из темно-серого сукна, а летом из темно-серой х/б ткани, однобортного, на пяти металлических пуговицах большого размера с красноармейской звездой, с полувысоким воротником, двумя поперечными прорезными боковыми карманами и двумя накладными нагрудными карманами, с красной окантовкой на воротнике и обшлагах. Летом допускалось также ношение белого кителя из рогожи без кантов.

Брюки зимние из темно-серого сукна и летние из темно-серой х/б ткани, полугалифе, с двумя продольными боковыми карманами. Для начсостава взамен брюк-галифе допускалось ношение брюк навыпуск — зимой из темно-серого сукна, а летом из темно-серой х/б ткани, с красными кантами.

ДОКУМЕНТЫ

взгляд на Бородинскую битву. Сегодня мы имеем возможность взглянуть на эти события менее ортодоксально, изучая и анализируя зарубежные источники.

— Сейчас активно публикуются материалы по белому движению. Красной нитью в них проходит мысль о том, что русская армия отличалась от советской высокими нравственными качествами.

— Не надо впадать в эйфорию. Мне, например, глубоко симпатичны некоторые представители русской армии, поскольку приходится заниматься ими персонально. Тем не менее, есть ведь у Куприна описания всей жути военной службы. Наверняка вы рыдали, читая рассказ Л. Толстого «После бала», все же это было!

Другое дело, что несколько лет назад главенствующим было представление, что в царской армии офицеры занимались лишь тем, что пороли солдат, те изредка убегали, вешались, а между этим иногда совершались подвиги.

Настало время посмотреть на историю русской армии более глубоко, серьезно, а главное — документированно.

— Какие книги первыми увидят свет?

— Воспоминания Брусилова, та часть, которая никогда не публиковалась. Она была им написана в Чехословакии во время лечения и находилась там до 1946 года. Часть мемуаров была засекречена, так как в них он нелестно отзывался о некоторых представителях советской власти, с которыми ему приходилось встречаться.

Далее, большой свод мемуаров о войне 1812—1814 годов, подготовлены записки трех последних военных министров. Идет серьезнейшая работа по подготовке к публикации дневника Патрика Гордона, полководца, русского генерала, сподвижника Петра Великого.

— Если человек серьезно заинтересуется историей, с чего лучше ему начать самообразование?

— Изучить все невозможно. Но для того, чтобы приблизиться к исторической правде — читайте документы, те издания, которые их публикуют, а это значит и книги издательства «Русский военный архив».

Шлем красноармейского образца, из темно-серой шерстяной прессованной массы, с двумя козырьками, подбородным ремешком того же цвета. На шлеме красноармейская звезда голубого цвета с союзным гербом на ней. На зимний период к шлему полагалась подкладка трикотажная темно-серого цвета с наушниками.

Вне службы допускалось ношение фуражки — зимой из темно-серого сукна, а летом из темно-серой х/б ткани, с двумя красными кантами, четырехугольным большим козырьком темно-серого цвета и лаковым подбородным ремешком.

Петлицы из голубого сукна с красной окантовкой; на воротнике пальто-реглана и плаща — шинельного типа; на воротнике рубахи-гимнастерки и кителя — прямоугольные, рубашечного типа. На петлицах должностные знаки различия, установленные для начсостава РКК, темно-синего цвета с белой окантовкой.

Форма обуви устанавливалась:

а) для начсостава — сапоги хромовые или яловые;

б) для милиционеров — сапоги хромовые или обычные красноармейского образца;

в) для несения постовой службы на зимний период — валенки с обшитым кожей задником и резиновыми калошами.

Форма снаряжения устанавливалась:

а) поясной ремень из темно-коричневой кожи;

б) кобура револьверная с плечевым ремнем из темно-коричневой кожи;

в) свисток роговой или металлический со шнурком или ремешком из темно-коричневой кожи;

г) нагрудный номерной металлический знак для рядового состава.

Китель, брюки навыпуск и фуражка приобретались за свой счет.

Этим же приказом вводились новые Правила ношения форменной одежды работникам милиции. Согласно этим Правилам форма одежды по времени ее применения подразделялась на летнюю и зимнюю. Сроки ношения летней и зимней формы устанавливались соответственно климатическим условиям — приказами начальника ГУРКМ и УР, управления РКМ автономных республик, краев и областей.

Леонид ТОКАРЬ.

На 4-й стр. обложки:
1 — каска-шлем; 2 — шлем летний; 3 — фуражка суконная; 4 — фуражка летняя; 5 — знак для головных уборов младшего начсостава и рядовых РКМ; 6 — знак для головных уборов среднего и старшего начсостава РКМ; 7 — шифровка на петлицах переменного состава школ милиции; 8 — шифровка на петлицах в школах среднего начсостава (московская школа); 9 — петлицы милиционера; 10 — петлицы начальствующего состава РКМ (9 категория); 11 — петлицы начальствующего состава РКМ (13 категория); 12 — милиционер в плаще-«реглане» и 13 — начальник отделения в кителе.

Рисунок А. МАСЛАЕВА.

Иван ЧУХИН

«КРЕМЛЕВСКИЙ ЗАГОВОР»

РЕАБИЛИТАЦИЯ В СУДЬБАХ И ДОКУМЕНТАХ

В 1929 году Соловецкий лагерь особого назначения ОГПУ достиг зенита своего могущества. Казавшийся поначалу смешным проект перевода лагеря на хозрасчет, составленный заключенным Н. Френкелем, за короткое время доказал высочайшую экономическую эффективность использования заключенных. Производственная программа СЛОНа приближалась к 50 миллионам, а управление лагерем больше напоминало концерн: отдел снабжения, финансовый, торговый, лесной, дорожно-строительный, рыбопромышленный, сельскохозяйственный производственно-технический... Усилия бывшего валютчика были оценены по достоинству: в мае 1926 года коллегия ОГПУ сократила ему срок заключения с 10 до 5 лет, а ровно через год, в мае 1927 года, начальник эксплуатационно-коммерческого отдела СЛОНа досрочно освобождается от наказания (в отставку начальник железных дорог НКВД СССР Н. А. Френкель вышел в звании генерал-лейтенанта инженерных войск).

Уголовные дела тех лет хранят массу свидетельств.

«...Жуткое и совершенно не поддающееся описанию зрелище представляла собой приемка этапов. Так называемая «адмобработка», производившаяся надзорсоставом и продолжавшаяся с утра до вечера, оглашалась бесшабашным матом... и криками «ЗДРА» — «чтобы в Соловках было слышно». Картина дополнялась «дрыном» — т. е. палками, которые ходили по спинам заключенных...

...На производственных командировках за невыполнение уроков заключенных зимой оставляли на ночь в лесу, где последние отмораживали себе конечности... В ноябре 1928 года в командировке «Красная горка» на морозе было поставлено «на камень» 300 з/к. Из них около 150 отморозили себе руки и ноги, после чего им ампутировали конечности...

...Для выполнения урока по рубке леса требовалось часов 16—18, невыполняющий получал 500 граммов хлеба, и все. В лес выводили в лаптях, без теплых портянок...

...Кроме избиения дрынами, заключенные летом ставились «на комары», т, е. в раздетом виде, в положение смирно, усаживались «на жердочки», т. е. узкие скамьи, на которых заключенные с утра до вечера должны были сидеть без движения и соблюдать полнейшую тишину...

...Устраивались инсценировки «расстрелов». На лесных командировках существовали так называемые «увольнительные записки», когда заключенному за невыполнение урока, в виде наказания, накладывалось на плечи трехаршинное бревно с соответствующей надписью, с приказанием тащить его в лагерь, зачастую отстоящий от места работы в нескольких километрах.

...Я видел в окно, как из 4 барака голых людей в 20-градусный мороз гнали в баню с горы вниз, и после бани обратно в гору. После этого часть из них попадали в лазарет и умирали в день до 20 человек...

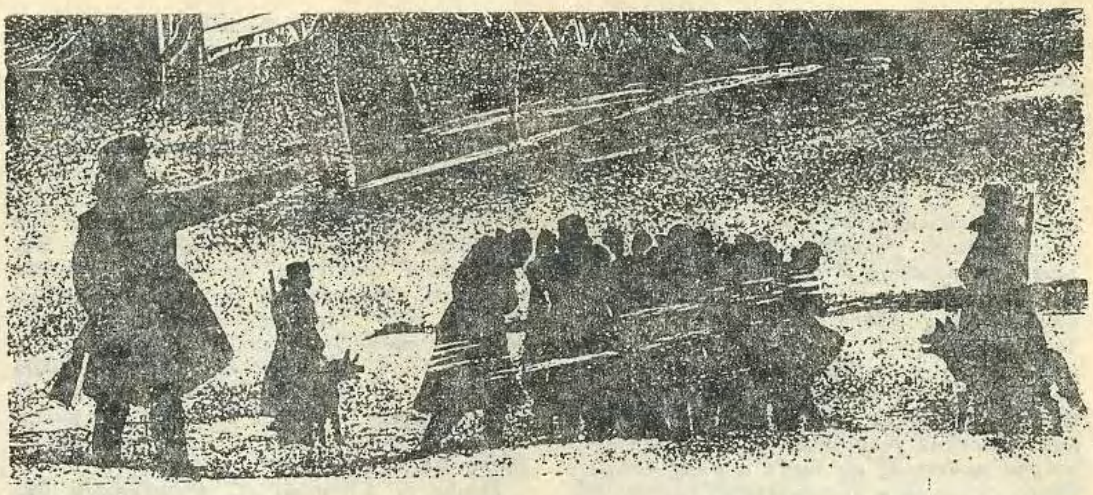
...Разврат и пьянство были обыкновенными явлениями, в широких размерах процветало изнасилование и принуждение заключенных и вольных женщин к сожительству...

...В палате номер 6 для поносников, нормально могущую вместить 5 человек, находилось 30 человек. Белье им не выдавалось. Пол, стены и нары в этой палате были сплошь залиты и испачканы испражнениями. Больные также были грязные, наибольшая смертность была в этой палате. Трупы лежали на живых, живые — на трупах...

...На командировке «Баб-дача» у нас помещалась сводная рота освобожденных, окончивших срок, но находившихся под карантином. Эти карантины были еще больше сплошным ужасом, т. к. люди в количестве 500 человек, абсолютно голые, помещались в бараке, который внутри был покрыт снегом...»

И многое, многое другое без конца.

В этих каторжных условиях большинство

заключенных, конечно же, мечтали об избавлении.

Наиболее отчаянные пускались в бега, как, например, группа бывших офицеров во главе с полковником Мальсаговым. Добравшись до Лондона, он опубликовал там книгу: «Советская тюрьма на адском острове». Западные газеты запестрели сенсационными сообщениями об ужасах Соловков. Кампания «против принудительных работ в СССР» завершилась тем, что американский конгресс запретил ввоз леса из Карелии, Северного и Зырянского краев. Страна попала в сложное положение. И не только экономическое. Требовалось весомое идеологическое обоснование карательной политики молодого социалистического государства. В июне 1929 года в сопровождении ответственных работников ОГПУ Г. Бокия и А. Погребинского на Соловках побывал Максим Горький. Десятки тысяч заключенных ждали его страстного слова в защиту обиженных. Но через несколько дней после экскурсии М. Горький опубликовал свой знаменитый очерк «Соловки», в котором писал: «Присматриваясь к современным «социально опасным», я не могу не видеть, что хотя труд восхождения на гору и тяжел для них, они понимают необходимость быть социально полезными. Разумеется, это — влияние тех условий, в которые они, «социально опасные», ныне поставлены... Мне кажется — вывод ясен: необходимы такие лагеря, как Соловки».

Сегодняшнему читателю трудно даже представить, какое впечатление произвели эти слова на заключенных. Обида? Возмущение? Крах надежды и веры в справедливость?...

Мысли и разговоры о путях избавления от каторги вспыхнули с новой силой. Подливали масла в огонь и события на воле. Так, конфликт на КВЖД заставил волноваться за свою жизнь тысячи заключенных-дальневосточников: колчаковцев, пепеляевцев, крестьян и «контрреволюционеров» всех частей знаменитой 58-й статьи. Заключенный С. Княжевич вспоминал: «...в то время среди заключенных ходил слух, что в случае каких-либо политических осложнений решено якобы посадить на баржу заключенных по К. Р. статьям, вывести ее в море и затопить».

Не оставалась безучастной ко всем этим событиям и администрация лагеря. Получив индульгенцию от великого моралиста, они начали грешить еще больше. Особенностью СЛОНа являлось и то, что большинство руководящих должностей (даже в чекистском аппарате) занимали сами заключенные, бывшие работники ВЧК-ОГПУ. Такое «отбывание наказания» дало им огромные преимущества, гарантировало самое главное в условиях концлагеря — жизнь. Естественно, что они всеми силами стремились доказать свою активность и необходимость. Информационно-следственный отдел лагеря и его части в отделениях тщательно собирали слухи и доносы, пытаясь раздуть из них правдоподобный пожар.

13 августа 1929 года к уполномоченному ИСЧ Торвинену явился заключенный из «социально близкой» среды, дважды судимый за убийство и контрабанду С. Брылев, который заявил, что «в лагере подготавливается массовый побег... назвал руководителей «десяток» в Сельхозе, Городке, из числа запретников и административной части 1 Отделения... Дополнительные сведения Брылев обещал дать перед обедом».

Особую остроту «информации» придавала уже одна фамилия главного заговорщика, фамилия, будоражащая классовое чутье оперативников, — Гапон!

Однако мелкие попались заговорщики, все больше неграмотные, упрямые крестьяне и, как оказалось, «на самостоятельную группировку Гапон по своему умственному развитию не способен». Пришлось уже официально допросить Брылева (да так пристрастно, что он сам «потянул» на высшую меру наказания!). Тогда-то впервые и мелькнуло среди беседовавших на темы побега перспективное имя: «переписчик Иван». 5 сентября Иван Шалаев, 40 лет, казак-дальневосточник, бывший партизан

и начальник 4 участка Благовещенской гормилиции, осужденный по статье 58 ч. 4 на 10 лет, собственноручно писал:

«...Желая облегчить свою участь и не согласовав вопроса со следственными органами, я самостоятельно стал нащупывать и узнавать мнение из среды своих земляков по Д. В. краю, а также и других людей, желающих вступить в организацию, цель каковой разоружить отряд охраны, захватить пароход и уехать в Финляндию... Из Финляндии, в случае успешного туда прибытия, предполагалось снестись с Китаем, т. е. русским там командованием, и в случае возможности уехать на поддержку Дальне-Восточного фронта против СССР... В период формирования группы некоторые из участников ее настаивали на начале действий, но имея в виду собрать более сильную и авторитетную группу, которую по готовности я собирался предать властям, как контрреволюционеров, я все время оттягивал...»

На 18 страницах затейливо плел казачок свой «заговор». Вспомнил всех, кому сказал хоть слово про «организацию». И, конечно, имея цель «создать авторитетную группу», приплетал фамилии поузорчивей: Арбенев, Ванифатьев, Дягелев, Покровский, Правосудович, Сиверс... Среди них находились доверчивые слушатели, но были и здравые, битые жизнью зэка. Например, бывший штабс-капитан царской армии и адъютант 2 корпуса армии Колчака Н. Александров.

«...Заключенным я говорил: Ванька просто безумствует и подведет всех под расстрел. Не верьте вы ему. Мне он говорит, что у вас есть люди, группы, а вам — что у меня, и таким образом нас всех опутывает, тянет в пропасть... Полковника Павлова на занятиях я предупредил, чтоб он не говорил с Шалаевым, т. к. мы, бывшие офицеры, и будем расстреляны... Сколько раз я решался просто пойти и все рассказать, но опять мелькала мысль, что я на крови других строю свое благополучие и снова решал: нет, пусть будет, что будет. От судьбы не уйдешь...»

Ах, легко было Ваньке Шалаеву работать с такими совестливыми «заговорщиками»! Да кабы он один был таким разговорчивым со следователем. Малограмотный «садовод» А. Попов тоже на 18 страницах (такса, что ли, такая у иуд?) перечисляет фамилии заговорщиков, планы побега, задачи каждой группы, валит в одну кучу «контрреволюционеров» и бандитов.

Не зря старался зэка Попов, выторговал у Коллегии ОГПУ замену смертной казни на 10 лет концлагеря. Однако, забегая вперед, нужно сказать, что уже 5 марта 1930 года труп воспитателя 30 квартала лесозавода РОД Попова был обнаружен висящим на дереве. Следствие пришло к выводу, что «Попов скончался не насильственной смертью, а самоубийством, и причиной к этому, надо полагать, было упадочное настроение, сложившееся под влиянием чтения Есенина...»

А Ваньке Шалаеву еще раньше «облегчили участь» девятью граммами свинца от Коллегии ОГПУ.

Но вернемся к следствию, тем более, что оно явно торопится. К делу подключилась бригада уполномоченных: И. Залдат, А. Иваницкий, А. Салмин и сам начальник ИСО П. И. Феонов.

По-разному вели себя обвиняемые на допросах. Одни, в основном упрямые, неграмотные крестьяне, категорически отрицали все. Обвиняемый якут сказал вообще просто: «Моя твоя не панимаит». Русские же интеллигенты пускались в пространные рассуждения, не чувствуя, как опытные оперативники запутывают их в перекрестных допросах и очных ставках, как внешне безобидные слова одного затягивают петлю на шее другого.

Химик Н. Буканов: «С Алексеевым беседовал чаще и говорили о Технологическом институте, т. к. мы в нем учились».

Юрист Г. Осоргин: «Через несколько дней он сообщил мне фамилию Олейникова, якобы завербованного в организацию».

Полковник Корпашев: «До моего ареста я передал Покровскому, как я узнал, не помню от кого, что суточный наряд караула 60 человек».

Инженер Ванифатьев: «При этом присутствовал мой одноделец, заключенный Правосудович, с последним Олейников вел разговор, чем закончился разговор я не знаю, т. к. ушел...»

Но был среди обвиняемых и один идейный, убежденный «враг», который даже на 10-й вопрос протокола допроса: «Партийность и политические убеждения» собственноручно и дерзко написал: «Беспартийный. Люблю свободу и желаю ее человечеству в возможно полной степени. Абсолютной свободы, а не насилия единицы над массами. Только в этом вижу залог счастья». На показаниях такого «чудака», право же, стоит остановиться подробнее.

Итак, Вадим Чеховский, 27 лет, из дворян, образование высшее, по специальности гидрометеоролог, осужден Коллегией ОГПУ 21 августа 1928 года на 5 лет по статье 58 ч. 4.

«...С тюрьмы до концлагерей и все время в них я видел вопиющие несправедливости. Более половины осужденных по 58-й статье не знают, за что они подвергнуты наказанию. А сосланные в другие лагеря? Сибирь? Тюрьмы? 4—5 миллионов высланных из 140 миллионов населения (число, может быть, преувеличенное, но представляющее среднее мнение заключенных, слышал даже сам от одного арестованного сотрудника ГПУ — в тюрьме). А люди, возвращающиеся на Соловки со вторым сроком по прежнему делу? А получившие второй срок без перерыва за одну твердость и честность убеждений? А лесозаготовки — отмороженные, раздетые, саморубы, расстрелянные, беглецы? А расстрел политических заключенных (будто бы по пьяному приказу начальника Управления Ногтева) несколько лет тому назад на Муксалме (здесь, очевидно, ошибка. Рас-

стрел «политиков» был в декабре 1923 года в Савватьево — **И. Ч.**). А 47-дневная голодовка муссаватистов? А побои? А мат? А стукачество, столь часто лживое и не всегда наказуемое?

И много, многое без конца...

А ведь многие заключенные мне верили. Многие не скрывали своей вины, многие же с несомненной искренностью говорили, что не виноваты, а некоторые начинали говорить, как и я: «А жаль, что не виноваты».

А к приезду Максима Горького уничтоженная Секирка, снятые решетки с карцера, спрятанные раздетые, частые намеки и прямые указания начальства: «Не говорить, отвечать только на вопросы, Максим Горький утомлен». Нужно, очевидно, видеть только все подкрашенное, посыпанное песком, не обходить роты и не говорить с глазу на глаз, а в сопровождении недоступных палачей принять избранных администрацией «представителей», которые расскажут, как нам, тяжелым преступникам, здесь хорошо жить и как мы стремимся к исправлению.

И думали соловчане излить душу чуткому, сострадательному исцелителю, но, увидев парадные приготовления — быстро, чересчур быстро проходившего или, вернее, проводимого мимо Максима, — отчаялись соловчане и сказали: не глупый ты человек, но, видно, горька твоя совесть, Алексей Максимович!

И я отчаялся и смолчал.

Вот почему так холодно встретили Соловки приезд, который в других условиях мог бы вызвать бурю, которую не сдержал бы никто, бурю крика о помощи несчастного человека.

Но кто-то доброжелательный прошептал и шепот этот проник в толпу заключенных. Будто бы Максим Горький был в колонии малолетних два часа, и что настояли молодые ребята, и удалено было все начальство, сопровождающие, и что говорили ему малолетние и о саморубах и о Секирке и об избиениях, и качал бедный старенький Алексей Максимович головой, и слезы блестели на его глазах. И сказал он, выйдя, своим сопровождающим: «Что же вы губите дело, которому хотите служить». Говорил и плакал.

Красивая легенда, Алексей Максимович. Правда ли, нет — не знаю, не я создал ее. (Такой факт, но без разговора с «сопровождающими» действительно имел место. Это подтвердил в беседе со мной бывший заключенный СЛОНа, работавший в этой колонии, ныне академик Д. С. Лихачев.— **И. Ч.**).

Ответьте мне, Алексей Максимович, Вам, старику, которого я хотел бы уважать, посвящаю я эти показания. Много разного слышал о Вас. Вы для меня символ ГПУ, партии и власти — символ Сфинкса. И этого Сфинкса я вопрошаю: Сфинкс, кто ты? Палач, злодей, шайка насильников, лжецов и карьеристов или суровый страж Порога, разящий недостатки перед новой и светлой эрой человечества?

Много несправедливости, Алексей Максимович, много больше, чем Вы думаете, надлежит исправить. Еще не очищены Ваши ряды, много лишней крови пролитой, той крови, которая могла бы литься за Вас, в Вашей борьбе за правду, а льется против Вас и ставит в ряды врагов новых и новых измучившихся, отчаявшихся и недовольных. А что сильнее силы, которую рождает отчаяние?

Слабого ломает пытка и обезличивает. Если Вам нужны рабы в системе государственного рабовладельчества — фабрикуйте их в концлагерях, но помните, что сильного не ломает пытка, а закаляет. На кого же Вы ориентируетесь, Алексей Максимович? На раба, подлеца и труса или на рыцаря?

Вот каким образом я стал отчаянным, но неудавшимся «контрреволюционером». Стал им, не скрываю, и недавно еще сожалел, что не был им тогда, когда мне дали 58 ч. 4 и 5 лет концлагеря. Вот почему я крикнул (на одном их допросов в Москве) в лицо следователю: «Не я контрреволюционер, а вы, на вашем месте сидит самая настоящая контрреволюция, — вы плодите вражду, вы озлобляете против вас и именно тех, кто любит свободу и встал бы ранее в ваши ряды». Вот почему я позже, уже в концлагере говорил не раз (искренне): что нет более контрреволюционного учреждения, чем ГПУ, никто более него не трудится на пользу создания контрреволюции.

Чистите Ваши ряды, Алексей Максимович, посмотрите, нет ли в них бывших охранников и жандармов. Оглянитесь, пока не поздно. Будьте жестким, но справедливым, не подсыпайте более в бочку пороху, на которой сидите.

Раз предотвратите, два, добавите еще пороху и взорвется. Странно, что мне, «контрреволюционеру», может быть, хочется Вас предупредить.

Будьте осторожны, не сейте контрреволюцию чрезмерными репрессиями. А шила в мешке не утаишь. Уничтожить всех заключенных — тоже не скроешь...»

Удивительно сильные и глубокие слова подобрал Вадим Чеховский для своей исповеди! Лишь в одном ошибся. Много, очень много и долго еще «подсыпали пороху в бочку». Но так и не взорвалась, пока не умер в почете Главный Бондарь. Были и жесткими, и несправедливыми, а вот не взорвалось! В чем причина? Традиционно русское ли долготерпение или скоропри-обретенное равнодушие к чужой жизни? Фанатичная ли вера в идеологические догмы, лозунги, агитки или всемогущая сила тоталитарного государства? Амбиции диктатора или униженнейшая покорность рабов?

Сегодня мы уже начали осознавать, что демократия и действенное народовластие могут уберечь страну от повторения чудовищных экспериментов. Но не только они. Во все времена, во всех ситуациях выбор поведения определяют не приказы, постановления или декреты, а человеческая совесть, те нравственные принципы, которые исповедует Личность. Такие примеры

есть в нашей ближайшей истории: писатель Короленко, академик Павлов, партийный работник Рютин, академик Сахаров, да тот же Вадим Чеховский.

Но еще больше противоположных примеров. В самом общем смысле, трагедия эпохи сталинизма не только в том, что во главе государства оказался диктатор, но и в том, что он нашел миллионы активных исполнителей своих бесчеловечных актов.

Пример тому и рассматриваемое нами следственное дело.

ОБВИНИТЕЛЬНОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ

1929 года октября месяца 15 дня я, Начальник Информационного Следственного Отдела УСЛОН ОГПУ Феонов П. И., рассмотрев следственное дело № 747/1 по обвинению заключенных СЛОН: 1)...51)... (установочные данные обвиняемых пропущены мной, так как подробно даются ниже. Орфография и стилистика — документа. — И. Ч.) по статье 58 ч. 11 и 12 УК РСФСР.

НАШЕЛ

В июне м-це с. г. Информационно-следственным отделом были получены сведения о том, что в 1-м ныне IV Отделении СЛОН ОГПУ организуется группа заключенных, которая ставит себе целью разоружение охраны, захват оружия, связи и плавучих средств и массовый побег на материк и далее за границу в Финляндию. Указанные сведения при проверке их подтвердились в следующем виде.

В мае м-це в Соловках организовалась инициативная четверка из заключенных, которая решила создать организацию с целью массового побега за границу, путем обезоруживания охраны, уничтожения средств связи (радиостанцию) и захвата паровых судов. В течение июня, июля и августа работа этой четверки приняла массовый характер и раскинула свои сети не только в Соловках, но и на материк. Инициативная четверка строила свою работу по принципу организации отдельных групп, причем каждый из руководителей групп знал только одного члена четверки, с которым он был связан, и один руководитель не знал другого. К началу августа были организованы следующие группы: Украинская с числом участников от 30 до 40 человек во главе с заключенным Цимбалюком; группа Сибирская с числом участников до 100 человек во главе с заключенным Шалаевым; группа Кавказская с числом участников до 20 человек во главе с заключенными Ду (Ду в качестве обвиняемого по настоящему делу не проходит, т. к. за выбытием в Северные лагеря не может быть допрошен); группа Кабардинская с числом участников до 15 человек; группа Городковская — белогвардейская с невыявленным числом участников во главе с заключенным Гробовским и целый ряд мелких групп, исполнявших специальные задания от организации. После изоляции всех участников организации проведенным следствием установлено:

Руководящая четверка... (далее в тексте обрыв 4 сроки—И. Ч.)... посредством вооруженного восстания, ибо опыт прошлого показал, что побеги мелкими группами всегда оканчивались неудачно. При распределении ролей между членами инициативной четверки Покровский взял на себя разработку оперативного плана восстания и побега и обязанности Начальника штаба повстанцев, на Чеховского было возложено решение технических вопросов, в частности связанных с передвижением повстанцев по железной дороге, Гробовскому было предоставлено разрешение вопросов тактики, ему же и Петрашко преимущественно поручено комплектование организации людской силой и оба они предназначались в качестве командиров отдельных отрядов повстанцев. Первоначально Гробовский предназначался даже командующим всеми силами повстанцев, но когда была организована группа Украинцев, последние выдвинули на должность Командующего своего кандидата Вербицкого. Находя нужным считаться с реальной силой, каковою располагали Украинцы, им была сделана уступка...

Восстание предполагалось произвести осенью с. г., но время определено не было. План заключался в следующем: группой, примерно в 40 человек, врасплох захватить оружие отряда, какового по сведениям, представленным Гробовским, имелось 80 винтовок и 2 пулемета, а затем приступить к захвату прочего оружия, радиостанции, воздухостанции и пароходов. Одновременно произвести захват оружия и постов в Кремле и спешно вывести оттуда заключенных — новые отряды. После захвата оружия сформировать рабочие и строевые отряды и произвести набор из числа желающих следовать с повстанцами заключенных, за исключением уголовников, произвести посадку на пароходы и отплыть, в зависимости от обстоятельств, по направлению к Кандалакше или Попову Острову, в последнем случае высадить десант и захватить Лагерь по примеру Соловков, при необходимости с боем, и одновременно город Кемь и следуя из Кеми на захваченных на станции передвижных железнодорожных средствах до Кандалакши как пункта, самого близкого от Финской границы. Также предусматривалось из Кеми выслать на поезде отряд к Югу, хотя бы до станции Сорока для демонстрации наступательного движения и при отступлении на Кандалакшу взрывать все мосты и разрушать путь в целях воспрепятствования преследования. При неимении возможности передвижения по железной дороге предложено было двинуться к границе по Ухтинскому тракту и перейти Финскую границу, выдержав бой с Ухтинским Погранотрядом.

Для комплектования сил организации Петрашко было предложено связаться с Украинцами с указанием, что представители таковых придут к нему сами. Действительно, вскоре к Петрашко явились один за другим двое неизвестных ему заключенных, назвавшихся представителями Украинской группы, с которой он в переговоры не вступил. После этого к нему явился заключенный Цимбалюк и между ними со-

стоялось соглашение о совместном действии. Цимбалюк заявил, что украинская группа может выставить не менее 15 человек, а впоследствии до 30—40 человек. Связь между Петрашко и Цимбалюком продолжалась и в будущем.

В августе член четверки Чеховский был переброшен из Соловков на материк и по линии организации ему было поручено собрать сведения о наличии и местонахождении на Поповом Острове оружия, численность охраны и наличие подвижного состава на ж/д станции Кемь и категорически воспрещено вновь вербовать в члены организации. Перед отъездом Чеховского Петрашко рекомендовал ему своего старого знакомого заключенного Шишкина. По прибытии на материк Чеховский установил связь с заключенным Букановым, а затем Орликом, каковых посвятил в планы Соловецкой организации. Через несколько дней спустя, по прибытии Чеховского на материк, он лично и через Буканова собрал сведения о том, что на Поповом острове находятся два склада оружия, в каковых имеется около 800 винтовок, 10 пулеметов и большое количество боеприпасов. В поселке около станции Кемь... (обрыв в тексте 4 строки — И. Ч.)... подвижного состава. Указанные сведения заключенный Чеховский пытался передать в Соловки через посредство вышеуказанного Шишкина, который вначале согласился на это, но в последний момент отказался. Тогда Чеховский передал эти сведения Орлику, которому предстояло ехать в командировку на о. Соловки и передать их заключенному Петрашко. В качестве пароля, заранее обусловленного, Чеховский дал Орлику носовой платок, с нажженным им самим на нем рисунком.

В августе с. г. организация наметила выступление. Члены группы рабочего городка были накануне об этом извещены и к моменту окончания утренней поверки должны были собраться у входа в Кремль, что можно было произвести не совсем заметно, так как в это время у Кремлевских ворот ежедневно собирается порядочное количество заключенных с рабочего городка, идущих в Кремль на работу. В рабочем городке состоялось совещание, в каковом принимали участие заключенные Брылев, Соболь, Намоканов, Шушунов и пришедший из Кремля Трухин. После проверки, к моменту открытия ворот, Трухину надлежало вывести за ворота свою группу, слиться с группой рабочего городка и немедленно совершить налет на отряд охраны, используя в качестве оружия топоры, имеющиеся у плотников из рабочего городка. После захвата отряда должны быть выделены две группы: под командой заключенного Попова для захвата радиостанции, под командой заключенного Соболь — для захвата воздухостанции, заключенный Брылев должен был держать под пулеметным огнем общежитие вольнонаемных сотрудников, основная группа должна была направляться для захвата оружейного склада. Остальная часть плана наступления оставалась прежней.

13 августа Городковская группа собралась у Кремлевских ворот, но к окончанию поверки Трухин свою группу не вывел и выступления не состоялось. Предупредить утром 13 августа о выступлении и своевременно подготовить Трухина к выступлению было поручено Брылеву. Согласно показаний Трухина Брылев разбудил его непосредственно перед гудком на поверку, посему он не успел собрать людей. Показания обвиняемых по вопросу о выступлении 13 августа весьма разноречивы, что указывает на воздержание виновных сознаться в этом, наиболее важном пункте выступления...»

Прервем на время плавное течение мысли начальника ИСО. До сих пор все выглядело более-менее солидно и продуманно. Но вот возникли вопросы: почему Трухина нужно было предупреждать, если накануне вечером он был на «совещании»? И что это за руководитель группы, который проспал начало восстания? Вопросы немного прояснятся, если мы вспомним, что именно Брылев принес первую «информацию» о восстании, а Трухин, согласно биографическим данным протокола допроса, работал до заключения секретным сотрудником ОГПУ. Но где, в конце концов, доказательства? Да вот же, в следующих строках очаровательный оскал «царицы доказательств».

«... роль в организации каждого из обвиняемых по делу и степень виновности устанавливается путем собственного признания и путем показаний других обвиняемых, согласно изложенного ниже».

Ниже, действительно, подробнейшим образом излагаются показания обвиняемых. Приведем лишь некоторые, характерные приемы доказательств.

При неоднократных допросах заключенный Петровский после продолжительного отказа от своего участия в организации признал, что «со своей стороны принимал все меры для организации вооруженного восстания...» Свои показания Покровский оговорил тем, что дает таковые после ознакомления с частями показаний Чеховского и Петрашко. Указать известных ему прочих членов организации заключенный Покровский отказался... (расстрелян — И. Ч.).

Заключенный Чеховский после долгого отрицания принадлежности к организации и осведомленности о ней сознался... (расстрелян).

Заключенный Гробовский виновным себя в принадлежности к организации не признал и от дачи показаний категорически отказался, но изобличен как член руководящей четверки показаниями заключенных (расстрелян)...

... На основании вышеизложенного ОБВИНЯЮТСЯ:

1. Покровский Сергей Никадимович, 34 года, русский, дворянин, имеющий высшее образование, по специальности научный работник и летчик-наблюдатель, женат, б/п, служивший в старой армии в чине прапорщика, в белой армии в чине штабс-капитана, в красной армии летчиком-наблюдателем, содержавшийся под стражей с марта 1921 года по февраль 1922 года за служ-

бу в белой армии, осужденный Коллегией ОГПУ 11.07.27 г. по ст. 58/10 на 5 лет... в том что...» (Далее следует подробное, но лживое перечисление его «грехов», которые мы за недостатком места опускаем, как и других обвиняемых).

2. Чеховский Вадим Карлович, 27 лет, русский, сын дворянина, высшее образование, по специальности гидрометеоролог и химик, женат, б/п, осужден К ОГПУ 21.08.28 г. по ст. 58/4 на 5 лет.

3. Осоргин Георгий Михайлович, 36 лет, дворянин, образование среднее, лесовод, служил в старой армии в чине штаб-ротмистра, б/п, осужден К ОГПУ 12.10.25 г. по ст. 81 и 60 на 10 лет.

4. Петрашко Степан Иосифович, 34 года, из крестьян, образование высшее, агроном, холост, б/п, служивший в армиях старой и Пепеляевской в чине поручика, осужден К ОГПУ 22.07.27 г. по ст. 58/4 и 18 на 10 лет, ранее содержавшийся в Соловках по постановлению комиссии по адмвысылке при НКВД с 1923 по 1926 год за службу в белой армии.

5. Гробовский Сергей Александрович, 33 года, сын чиновника, русский, образование среднее, преподаватель физкультуры, б/п, холост, служивший в старой армии в чине штаб-ротмистра и в белой армии в чине ротмистра, осужден К ОГПУ 23.05.27 г. по ст. 58/5 и 10 на 10 лет.

6. Арбенев Николай Александрович, 48 лет, дворянин, образование высшее военное, женат, б/п, служивший в старой армии в чине капитана первого ранга, осужден К ОГПУ 28.02.27 г. по ст. 58/4, 5, 10, 12 на 5 лет.

7. Вербицкий Михаил Иосифович, 42 года, украинец, образование среднее, конторщик, женат, б/п, служивший в старой армии в чине поручика и в армии Петлюры в должности командира полка, осужден К ОГПУ 12.09.27 г. по ст. 58/11 на 10 лет.

8. Дерещук Петр Кузьмич, 43 года, украинец, из крестьян, образование среднее, учитель, женат, б/п, служивший в старой армии в чине штабс-капитана и в армии УНР, осужден К ОГПУ в 1924 году по ст. 58 на 10 лет, освобожденный по амнистии к 10-летию Октябрьской революции, ныне осужден К ОГПУ 30.04.29 г. по ст. 58/2, 11 на 10 лет.

9 Александров 2-й Николай Николаевич, 38 лет, из мещан, русский, образование среднее, учитель, разведенный, служивший в старой армии и белой армии в чине штабс-капитана, содержавшийся в 1920 году под арестом за службу в белой армии, но освобожденный по амнистии, ныне осужден К ОГПУ по ст. 58/15 на 5 лет.

10. Олейников Василий Васильевич, 41 год, образование высшее, инженер-технолог, в армиях не служил, осужден К ОГПУ 22.05.29 г. по ст. 58/7 сроком на 10 лет.

11. Олейников Георгий Александрович, 32 года, из мещан, русский, образование низшее, ж/д служащий, женат, б/п, осужден К ОГПУ 11.05.25 г. по ст. 16-85 на 10 лет.

12. Шалаев Иван Юльевич, 39 лет, из крестьян, образование низшее, телеграфист, женат, б/п, осужден К ОГПУ 9.05.27 г. по ст. 58/10 на 10 лет.

13. Барахтин Прокопий Иванович, 49 лет, из крестьян, русский, образование низшее, плотник, женат, б/п, служивший в старой армии в чине вахтмистра, осужден К ОГПУ 15.08.27 г. по ст. 58/4, 13 на 10 лет.

14. Трухин Михаил Михайлович, 25 лет, из крестьян, образование низшее, плотник, холост, б/п, осужден К ОГПУ 19.04.26 г. по ст. 76 ч. 1 и 66 на 10 лет.

15. Крамный Антон Нестерович, 32 года, казак, русский, образование среднее, счетовод, холост, б/п, осужден К ОГПУ 5.04.26 г. по ст. 60 и 64 (старой редакции) на 10 лет.

16. Брылев Семен Иванович, 29 лет, из крестьян, русский, малограмотный, токарь, женат, б/п, ранее судившийся 2 раза за убийство и контрабанду, осужден К ОГПУ 2.07.28 г. по ст. 59 п. 9 и 73 ч. 1 на 10 лет.

17. Намоканов Василий Федорович, 28 лет, из крестьян, русский, образование низшее, бондарь, холост, б/п, осужден К ОГПУ 27.05.28 г. по ст. 59 п. 3 на 10 лет.

18. Соболь Иван Ефимович, 34 года, из крестьян, русский, образование низшее, плотник, женат, б/п, осужденный Луганским окрсудом 16.01.28 г. по ст. 56 и 17 УК УССР на 10 лет.

19. Попов Александр Павлович, 29 лет, из мещан, образование низшее, плотник, женат, б/п, осужден К ОГПУ 6.02.27 г. по ст. 59 п. 8 на 10 лет.

20. Шушунов Федор Иванович, 30 лет, русский, из крестьян, столяр, женат, б/п, осужден Саратовским Губсудом 12.12.27 г. по ст. 78, 197 и 162 на 10 лет.

21. Правосудович Михаил Елиферьевич, 64 года, из граждан Харьковской губернии, б/п, образование высшее, бывш. Председатель научно-технического комитета НКПС, осужден К ОГПУ 22.05.29 г. по ст. 58/7 на 10 лет.

22. Саволайнен Иван Павлович, 50 лет, финн, образование низшее, столяр, женат, б/п, осужден К ОГПУ 9.11.27 г. по ст. 58/2 на 10 лет.

23. Рийман Владимир Андреевич, 33 года, эстонец, образование низшее, сапожник, разведенный, б/п, осужден К ОГПУ 10.09. 28 г. по ст. 58/6 на 5 лет.

24. Гапон Семен Степанович, 29 лет, из крестьян, малограмотный, женат, б/п, осужден нарсудом Харьковского округа 16.01. 28 г. по ст. 171 ч. III УК УССР на 8 лет.

25. Ванифатьев Кирилл Николаевич, 68 лет, дворянин, б/п, образование высшее, инженер-технолог, осужден К ОГПУ 22.05.29 г. по ст. 58/7 на 10 лет.

26. Буканов Николай Дмитриевич, 26 лет, русский, из крестьян, образование высшее, фармацевт и химик, осужден К ОГПУ 27.08.28 г. по ст. 58/4 на 5 лет.

27. Волощук Иван Аверкиевич, 23 года, из крестьян, украинец, образование неоконченное высшее, холост, б/п, осужден К ОГПУ 26.03.28 г. по ст. 58/II на 3 года.

28. Соколов Василий Николаевич, 59 лет, из крестьян, русский, малограмотный, женат, б/п, осужден К ОГПУ 24.03.28 г. на 10 лет.

29. Ахмет-Бек-Мухамед-Бек-оглы Корпашев, он же АБДУ-Розак-Эденти-Ахмет-оглы, он

же Шейх Ахмед Ибрагимов, 59 лет, турецкий подданный, сын генерала, служил в турецкой армии в чине полковника, образование турецкое среднее, осужден К ОГПУ 29.11.26 г. по ст. 66 и 98 на 10 лет.
30. Иваненко Федор Никитич, 34 года, из крестьян, украинец, электромонтер, осужден К ОГПУ по ст. 58/6 на 10 лет.
31. Цимбалюк Михаил Филиппович, 38 лет, украинец, из крестьян, образование среднее, счетовод, разведен, б/п, служивший в старой армии в чине поручика и в белой армии рядовым, осужден К ОГПУ 5.07.26 г. по ст. 66 (старой редакции) на 10 лет.
32. Попов Андрей Игнатьевич, 35 лет, русский, из крестьян, женат, б/п, осужден К ОГПУ 28.03.26 г. по ст. 85 (старой редакции) на 10 лет.
33. Алексеенко Иван Сергеевич, 23 года, из крестьян, украинец, неграмотный, б/п, осужден Окрсудом 13.01.28 г. по ст. 59/17 и 162 I УК УССР на 10 лет.
34. Пашков Александр Федорович, 33 года, из крестьян, малограмотный, б/п, холост, осужден К ОГПУ по ст. 58/6 на 10 лет.
35. Сиверс Александр Александрович, 34 года, из дворян, образование высшее, бывший служащий «Мололес», в армиях не служил, осужден К ОПГУ 22.06.25 г. по ст. 61 и 1 ч. ст. 56 на 10 лет.
36. Кукс Иван Иванович, 34 года, русский, из крестьян, малограмотный, хлебопашец, женат, б/п, осужден К ОГПУ 5.03.28 г. по ст. 58 п. 3 на 10 лет.
37. Воропаев Николай Федорович, 21 год, русский, из крестьян, холост, б/п, судился в 1925 году за кражу, в 1927 — за бандитизм, осужден К ОГПУ 5.03.28 г. по ст. 58/10 и 59 п. 3 на 10 лет.
38. Большаков Афанасий Григорьевич, 23 года, русский, из крестьян, образование низшее, хлебопашец, холост, б/п, осужден К ОГПУ 22.08.27 г. по ст. 58/4, 10, 84 и 166 на 10 лет.
39. Барабашкин Степан Евсеевич, 40 лет, русский, из крестьян, образование низшее, хлебопашец, женат, б/п, осужден К ОГПУ 7.03.27 г. по ст. 58/10 и 59 п. 9 на 10 лет.
40. Бабанин Павел Афанасьевич, 26 лет, русский, из крестьян, осужден К ОГПУ 5.03.28 г. по ст. 58/10 и 59 п. 3 на 10 лет.
41. Елахов Павел Андреевич, 37 лет, якут, из крестьян, неграмотный, холост, б/п, служил в армии Пепеляева в 1923 году, привлекавшийся к ответственности за службу в белой армии, амнистирован, осужден К ОГПУ 18.04.28 г. по ст. 17 и 59 п. 3 на 10 лет.
42. Пономарев Клавдий Иванович, 23 года, русский, из крестьян, образование низшее, хлебопашец, б/п, осужден Вологодским губсудом 3.07.28 г. по ст. 136 на 8 лет.
43. Соом Карл Филиппович, 32 года, эстонец, из крестьян, образование низшее, кузнец, холост, б/п, осужден К ОГПУ 29.08.27 г. по ст. 58/10, 12 и 59 п. 9 на 10 лет.
44. Романов Николай Васильевич, 29 лет, русский, из рабочих, образование среднее, военнослужащий, холост, б/п, служил в армии Пепеляева с 1919 по 1923 год в должности командира взвода, содержащийся в Соловках с 1923 по 1926 год по постановлению комиссии по адмвысылке НКВД, ныне осужден К ОГПУ 22.10.28 г. во изменение прежнего постановления на 10 лет.

Все таковые состояли членами организации вооруженного восстания и массового побега заключенных за границу, то есть в преступлении, предусмотренном ст. 58 ч. II.
45. ...(обрыв в тексте 4 строки — **И. Ч.**).
46. Дегтярев Владимир Николаевич, 44 года, русский, из дворян, образование среднее, садовод-декоратор, вдов, б/п, осужден К ОГПУ 28.06.25 г. по ст. 61 (старой редакции) на 10 лет.
47. Калмыков Евдоким Михайлович, 38 лет, русский, казак, образование низшее, хлебопашец, женат, б/п, осужден К ОГПУ 25.11.27 г. по ст. 58/10, 13 на 10 лет.
48. Княжевич Сергей Александрович, 34 года, русский, из дворян, образование высшее, инженер-строитель, женат, б/п, осужден К ОГПУ 31.01.29 г. по ст. 17—193 п. 24 на 5 лет.
49. Шишкин Иннокентий Степанович, 33 года, русский, из мещан, образование среднее, учитель, женат, б/п, служивший в старой армии в чине прапорщика, в белой армии — в чине капитана, осужден К ОГПУ 1.10.28 г. по ст. 58/4, 6 на 10 лет.
50. Чашкин Андрей Иванович, 25 лет, русский, из крестьян, малограмотный, хлебопашец, женат, б/п, осужден К ОГПУ 2.07.28 г. по ст. 58/6 на 10 лет.
51. Богатырь Иван Ильич, 32 года, украинец, из крестьян, образование низшее, конторщик, женат, б/п, осужден К ОГПУ 21.05.28 г. по ст. 58/2 на 5 лет.

Будучи осведомлены о существовании в лагере организации вооруженного восстания и массового побега заключенных за границу, не донесли об указанной организации, то есть в преступлении, предусмотренном ст. 58 ч. 12.

На основании вышеизложенного:
ПОЛАГАЛ БЫ:
Настоящее следственное дело за № 747/I представить на рассмотрение Коллегии ОГПУ для вынесения приговора во внесудебном порядке.
Начальник Информационно-следственного Отдела УСЛОН ОГПУ.
Начальник Управления СЛОН ОГПУ.
Начальник III Отделения спецотдела при ОГПУ.
Начспецотдела ОГПУ.

24 октября 1929 года Коллегия ОГПУ вынесла решение: 36 обвиняемых приговорены к высшей мере наказания — расстрелу, 15 обвиняемых приговорены к высшей мере наказания с заменой заключением в концлагерь сроком на 10 лет.

29 октября 1929 года приговор в отношении 36 приговоренных к расстрелу приведен в исполнение (а не 300 человек, как ошибочно указывается в периодической печати — **И. Ч.**).

В 1989 году по протесту прокурора настоящее дело было пересмотрено судом и прекращено.

ЗАМОСКВОРЕЧЬЕ ОСТРОВСКОГО

Луч солнца соскользнул с краешка крыши, пересчитал дощечки на изгороди палисадника, чиркнул слегка по веткам тополей и наконец задержался на бронзовом бюсте.

У тополя — не
палисандра,
Перед штакетником, а
не у стены Пер ля Шез,
Островского Александра
Бюста погрудный срез.

Лоб вздымается
думой кипучею,
Взгляд внимательно
целит в мир,
Свой привет по случаю..
и без случая —
Посылает нам
«руский Шекспир».

Мы стоим в центре старого московского двора между памятником и двухэтажным домиком, где в апреле 1823 года родился Александр Николаевич Островский.

Отсюда мы совершим небольшую прогулку по памятным местам Замоскворечья, связанным с именем драматурга. Прежде всего обойдем домик вокруг. Бережно, с любовью восстановили реставраторы постройку начала XIX века. Нарядное крыльцо, переплеты окон, слуховое окошко — все какое-то не «нашенское», хотя и веет родным. Новенькие водостоки — простые, но такие аккуратненькие, милые...

Сейчас в доме разместился музей, вернее, филиал Бахрушинского театрального музея, посвященный основателю русского театра А. Н. Островскому. Две комнаты мемориальные — они обставлены в духе времени, причем многие вещи принадлежали семье драматурга, члены которой принесли их в дар музею. Однако посещение экспозиции не входит в наши планы.

Мы выходим на улочку, которая нынче носит имя Островского.

В десятках шагов от мемориального домика — шедевр зодчества XVII века — церковь Николы в Пыжах.

По картинкам и фотографиям прошлого века видно, как исказили церковь многочисленные ремонты. Только сегодня, пройдя научную реставрацию, памятник приобрел первоначальную красоту.

Прямо за оградой церковного дворика смотрит на нас домик с мезонином — трехоконной надстройкой над первым этажом. Жителям Замоскворечья особенно полюбились именно такие архитектурные приемы: о чем свидетельствуют мезонины, варьирующиеся на тысячи ладов. К счастью, многие домики сохранились. Пожалуй, из всех московских слобод Замоскворечью в этом плане повезло больше всех.

Вот только глухие заборы, которые тянулись из конца в конец улиц, пропали. И в Шетенинском переулке вдруг наш взор обнаруживает забор с типичными для произведений Островского крепкими воротами и узкой калиткой, ведущей во двор. Впечатление небольшой крепости дополняет яростный лай собаки из узкой щели под воротами.

На перекрестке ритм домиков с мезонинами нарушает ограда церкви Святой Екатерины. Храмов в Замоскворечье много и у каждого — свое лицо. От «Екатерины» веет женственностью. Так и кажется, что она дремлет, погрузившись в воспоминания о невозвратном прошлом.

В 1826 году семья преуспевающего стряпчего Николая Островского — отца великого писателя — приобретает на пустошах (трудно представить, что в центре Москвы пустовали земли) Монетчиковой слободы небольшой деревянный домик. Новое место жительства находилось не так уж далеко от места рождения — не более километра, но домик, сколько я ни искал, найти не смог. Атмосферу ремесленной слободы, которую начал впитывать трехлетний мальчик, можно представить: стучали молотки о наковальни, пыхтели самовары, бранились жены мастеровых, кричали играющие ребятишки И несомненно, традиции, суеверия этих людей оставили отпечаток в памяти юного драматурга.

Поступив в гимназию, юноша Островский каждый день пересекал почти все Замоскворечье, направляясь пешком от дома к Большому Каменному мосту, за которым находилось учебное заведение. Этот маршрут легко повторить. Сначала путь шел по Пятницкой улице. Она мало изменилась со времен XIX века. Разве только булыжную мостовую покрыл асфальт, да газовые фонари сменили электрические. Далее через Черниговский переулок юноша проходил мимо шедевра архитектуры — церкви Воскресения в Кадашах. Словно морская пена «всплеснулись» над четвериком храма белокаменные гребни, «подбросив» к самому небу пять луковиц-куполов.

Немало в Замоскворечье и богатых особняков. Один из таких принадлежал роду Демидовых. Особенно поражает ажурная решетка забора и ворот, которую везли в XVIII веке на лошадях и подводах с самого Урала, где ее отлили искусные мастера.

Рядом с дворцом Демидовых на Толмачевском переулке оригинальный мезонин — в виде лоджии, где удобно пить чай и наблюдать за происходящим на улице. Сегодня под окнами этого домика — Третьяковская галерея.

В 1834 году юный Островский переезжает с родителями на самый юг Замоскворечья — на Житную улицу — ныне почти рядом с Октябрьской площадью — в дом, который просто чудом сохранился. Надеемся, со временем здание перейдет в ведение музея Островского, а пока...

К дому примыкает старинный парк. Пройдемся по его тенистым аллеям, пересечем шумную Большую Полянку и углубимся в переулки Казачьей слободы. Эти тихие улочки, старые деревья могли слышать звуки шагов юного Островского, частенько ходившего на Пятницкую улицу, где жила одна из его теток, знавшая преданья старины глубокой. От нее, возможно, он впервые узнал о жарких боях, которые вели войска Минина и Пожарского с польским отрядом, ввавшимся в Кремль. И кто знает, не тогда ли, не от этих ли рассказов зародился у юноши интерес к прошлому России, вылившийся позднее в цикл исторических пьес?

И вот мы снова на Ордынке. В конце улицы открывается великолепная панорама Кремля. Наша прогулка подошла к концу, мы возвратились к исходной точке нашего маршрута. Солнце все ниже опускается на запад. Горят в его лучах маковки соборов Кремля, отражаясь в стеклах домика Островского.

Всего восемнадцать лет прожил основатель русского театра в Замоскворечье, но запаса впечатлений в избытке хватило ему на всю оставшуюся жизнь.

В. КРАСОВСКИЙ.

Фотографии на 3-й стр. обложки.

ЗАКОН: ДУХ И БУКВА

НОРМЫ, КОММЕНТАРИИ, МНЕНИЯ

- ЦЕЛЬ ПЕРЕГОВОРОВ — ЖИЗНЬ
- ДЕЛИКАТНЫЙ ВОПРОС АНКЕТЫ
- НЕРАЗРЕШЕННЫЙ ВЫХОД В ЭФИР

Владимир ИЛЛАРИОНОВ

ЗАЛОЖНИКИ И «ПЕРЕГОВОРЩИКИ»

Закон СССР
«О СОВЕТСКОЙ МИЛИЦИИ»
● Статья 14. ПРИМЕНЕНИЕ СПЕЦИАЛЬНЫХ СРЕДСТВ.
«...А ТАКЖЕ ДЛЯ ОСВОБОЖДЕНИЯ ЗАЛОЖНИКОВ».
● Статья 15. ПРИМЕНЕНИЕ И ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ОРУЖИЯ.
«...А РАВНО ДЛЯ ОСВОБОЖДЕНИЯ ЗАЛОЖНИКОВ».

МЮНХЕН, 19 ЛЕТ НАЗАД

Пятого сентября 1972 года произошло событие, потрясшее жителей многих стран мира. В праздничные дни Олимпийских игр боевики-террористы захватили девять членов одной спортивной делегации в качестве заложников и потребовали вылета на Ближний Восток. Полиция во время переговоров заверила, что условия террористов приняты. Но в аэропорту их ждали снайперы. Итог операции — гибель всех заложников, убито пять преступников, пилот вертолета, трое полицейских ранены, один убит.

Глубокая научная проработка показывает, что освобождение заложников силой — обоюдоострое оружие, которым надо пользоваться с предельной осторожностью. Названа и альтернатива таким акциям — переговоры. Учеными многих стран исследовались особенности переговоров с преступниками, их правовые, нравственные, организационные и тактические аспекты, разрабатывались критерии приемлемости условий, технология вынужденного диалога. Вполне понятно, почему во многих учебных заведениях для полиции ввели спецкурс «Переговоры с преступниками», сняли учебные фильмы, подготовили сценарии «ролевых игр», разработали соответствующие инструкции и другие нормативные документы, определили организационную сторону дела. Назвали тех, кто должен принимать решение, кому вести переговоры. Аббревиатура «HN — Hostage Negotiators» — «переговорщики» стала привычной. Людей для этой роли тщательно отбирают, ведь далеко не все наделены даром умелого дебатирования в экстремальных ситуациях. Кроме того, «переговорщики» должны быть добрыми, сострадательными людьми, использующими все шансы, чтобы склонить преступников к отказу от их намерений прежде чем дать сигнал к освобождению заложников силой. Зарубежная статистика свидетельствует, что при попытках «силового воздействия» на террористов гибнет и получает ранение 80 процентов заложников.

Переговоры имеют доказанное преимущество. Таков вывод опыта, накопленного по крупицам. Генеральная ассамблея ООН, принявшая Кодекс поведения должностных лиц по поддержанию правопорядка, подчеркнула, что применение силы «должно носить исключительный характер». Из этого международного стандарта нам и предстоит исходить, применяя положения Закона СССР «О советской милиции», в которых идет речь о возможности применения оружия и специальных средств при освобождении заложников.

ОПАСНОСТЬ, ВОЗВЕДЕННАЯ В КВАДРАТ

23 марта 1990 года в ИТК-1 УВД Архангельского облисполкома двое преступников, вооруженные ножами, в медсанчасти напали на медсестру. Закрывшись с ней в помещении, объявили ее заложницей, потребовав от администрации пистолет с патронами. При передаче преступникам пистолета в медсанчасть ворвалась группа захвата. Медсестра была убита. Преступники же остались живы. Так драматически закончилась операция по спасению жизни заложницы. Продолжалась она 20 минут.

Была ли альтернатива действиям администрации ИТК? Конечно, была. Она содержится в рекомендациях, данных Всесоюзным институтом повышения квалификации руководящих работников ИТУ. Эта альтернатива в установлении и продолжении диалога с преступниками, в переговорах. Почему она не была реализована?

Синдром «героизма», утвердившийся в нашей стране за многие годы во всех сферах общественной жизни, подменивший практику нормальной человеческой деятельности, основанной на здравом смысле, актами экзальтированного самопожертвования, внес серьезную деформацию в работу по предупреждению и пресечению преступлений. Сказывается неудовлетворительное обеспечение средствами индивидуальной защиты сотрудников, тактически

неподготовленная реализация мер применения силы; примат ее перед другими способами разрешения конфликтов, включая переговоры.

Довлеет нередко стремление поскорее использовать силу, в том числе оружие. Ворваться, «обезвредить», подчас невзирая на возможные потери с той и другой стороны. За этим стоит психология «административно-командного метода»: успешно отчитаться перед начальством. С точки зрения заложников, принятие решения об освобождении силой, включая оружие, резко ухудшает их положение: к угрозе лишения их жизни со стороны преступников прибавляется угроза погибнуть от «своих». Иными словами, опасность для заложников возрастает вдвойне. Тем более, что ныне закон прямо указывает на возможность применения силы при освобождении заложников.

Исчерпывающей статистикой мы не располагаем, но, по данным А. Г. Лоскутова, проводившего специальное исследование, только в системе ИТУ и следственных изоляторах в 1986—1990 гг. погибли два заложника, три сотрудника органов внутренних дел, ранено соответственно 18 и 6. Убито 50 участников захвата заложников, 34 ранено. В каждом третьем случае захвата заложников применялось оружие, практически во всех случаях велись переговоры. **В половине из них удалось склонить к отказу от преступных намерений, сдаться, освободить захваченных людей, сохранить им жизнь.** Таким образом, налицо очевидная эффективность переговоров с преступниками в целях предупреждения преступлений — спасения заложников.

Переговоры — не только наука. Это и искусство, творческая деятельность; неповторимое сочетание интуитивных и логических действий в достижении поставленной цели. Искусство заключается в мастерстве оценки ситуации, приведении неожиданных доводов и аргументов. Психологическая тонкость, гибкость в смене позиций — все это составные искусного ведения переговоров.

ВЕДИТЕ ПЕРЕГОВОРЫ!

Начало 80-х годов ознаменовалось событием, которое прошло незамеченным в нашей стране, переживавшей самые нелегкие годы застоя. В США, в издательстве «Пингвин Бикс» вышла небольшая книжечка гарвардских ученых Роджера Фишера и Уильяма Юри, открывавшая новую страницу в организации человеческого общения. Она за последующие годы выдержала более 15 изданий в США и опубликована в 30 странах. Книгу «Getting to Yes» («Достижение «Да») с карандашом в руках изучали политики и дипломаты, коммерсанты и предприниматели, профсоюзные деятели, военные и штатские, судьи и полицейские, в трудовых коллективах и семьях, короче, как говорят у нас, самые широкие слои общественности.

Только в 1990 г. эта книга под названием «Путь к согласию, или Переговоры без поражения» издана в СССР.

Авторы уловили самую сокровенную мечту каждого, кто живет в мире постоянных конфликтов, назвали средство ее практической реализации: «переговоры — это взаимное общение с целью достижения совместного решения». При всей очевидности этого, на первый взгляд, элементарного положения Фишер и Юри четыре напряженных года искали теоретические и прикладные механизмы, которые делают переговоры эффективными, снимают конфликты, приводят к общему знаменателю противоречащие друг другу интересы, ослабляют напряженность конфронтации. Так родилась новая технология переговоров, которая заменяет идею «война до победного конца» в большом и малом. Основная гуманистическая мысль книги: силой можно решить не все, находите согласованные решения, «изобретайте взаимоприемлемые варианты».

Идеология переговоров, как показал международный опыт, применима и в отношениях с преступниками. Правовой основой их является один из старейших институтов права — крайняя необходимость. «Крайняя нужда» — такой термин употребляется в законодательстве Петра I. Именно устранение опасности, связанной с захватом заложников, делает переговоры вынужденными, а диалог необходимым. Нравственная их допустимость основана на стремлении любыми средствами сохранить человеческую жизнь.

Научный анализ переговоров с преступниками показывает, что они имеют свои закономерности, свою «технологию», проходят обычно ряд этапов, отличающихся друг от друга.

Первый — диагностический, разведывательный. Необходимо разобраться, с кем ведутся переговоры, как они характеризуются, что это за люди, их положительные и отрицательные качества, преследуемые цели, сущность конфликта, кто захвачен в качестве заложников.

Второй, условно называемый «захватом позиций». Каждая сторона желает получить преимущество в переговорах. Здесь необходимо не спасовать перед угрозами осужденных, стремиться получить преимущество в дальнейшем диалоге, задействовать необходимые силы и средства.

Третий. Выдвижение условий и обсуждение их приемлемости, поиск компромиссов в целях решения главного вопроса — сохранения жизни заложников, обеспечения общественной безопасности, предупреждения преступлений; психологическая борьба.

Четвертый. Достижение полного или частичного соглашения, определение путей его реализации...

Преступники как участники переговоров, несомненно, являются «трудными» собеседниками, нередко показывают изощренное умение навязывать свои требования, беззастенчиво пользуются блефом, дезинформацией, отличаются стремлением идти «ва-банк» в достижении преступных

целей. Анализ успешно закончившихся переговоров позволяет выделить среди мер психологического воздействия на них три фактора:

— эмоциональное воздействие. Несмотря на то, что среди преступников, ведущих переговоры, немало циничных, нравственно запущенных и бесчестных людей, особенности конфликтной ситуации, страх перед возмездием позволяют раскрыть их эмоциональную сферу. Здесь обычно используются естественная привязанность к родителям, детям, ответственность перед женщиной, описание страданий заложников и т. д.

— страх, угрозы применения силы, включая средства поражения. Использование его должно содержать ссылку на законодательство. Преступники должны воспринимать всю реальность последствий возможного применения силы.

— «поощрение», подчеркивающее элементы позитивной оценки личности преступников (молодость, неопытность, возможность смягчения наказания и ответственности, вины организаторов и подстрекателей).

Центральным доводом во всех переговорах, закончившихся успешно, была неоднократно выделяемая в различной интерпретации мысль о том, что диалог имеет смысл, когда преступниками обеспечивается жизнь и здоровье заложников. В противном случае применение силы закона является правомерным и неотвратимым, вплоть до применения оружия.

Фраза «переговоры зашли в тупик» нередко встречается в сфере дипломатии. Это значит, что стороны не нашли взаимоприемлемых решений. Договоренность не достигнута. Тогда переговоры либо прекращаются, либо начинается новый тур поиска сближения точек зрения, связанного с изменением позиции сторон. Переговоры с преступниками, как показала практика, также зачастую заходят в тупик. Это в основном связано с выдвижением неприемлемых условий. Осознание тупика в переговорах влечет за собой постановку вопроса о применении силы. Однако такие меры можно осуществить лишь в наиболее удобный момент, в обстановке, максимально способствующей сохранению жизни и здоровья заложников. Кроме того, подобная акция должна непременно гарантировать безопасность сотрудников правоохранительных органов и других лиц. В этих целях используются переговоры «для прикрытия». Суть их — продолжение диалога с преступниками в целях создания ситуации, при которой можно наиболее эффективно и безопасно осуществить операцию пресечения преступных действий, освобождение заложников.

От переговоров в собственном смысле этого слова следует отличать «имитацию» переговоров. Речь идет о случаях, когда приходится иметь дело с душевнобольным человеком. По существу здесь отсутствует субъект переговоров, реагирующий на логическую сторону диалога и отдающий себе отчет в содеянном. Тогда имитация переговоров должна быть направлена прежде всего на снятие агрессивности. В подобных ситуациях диалог лишен своей содержательной части и по существу является психотерапевтическим средством воздействия.

ПРИЕМЛЕМОСТЬ УСЛОВИЙ

Наиболее сложный вопрос переговоров с преступниками — оценка предмета переговоров, т. е. тех условий, которые они выдвигают. Ситуация переговоров связана с тем, что нельзя, к сожалению, уклониться от их рассмотрения, поскольку речь идет о жизни, здоровье и свободе людей, захваченных в качестве заложников.

Определение критериев приемлемости выдвигаемых условий лежит в сфере их правовой и нравственной оценки. Нередко в переговорах фигурируют условия, не выходящие за рамки закона. Из изученных нами случаев более одной трети (34 процента) составляют условия, вполне приемлемые с правовой точки зрения.

На первом месте — многочисленные требования прислать комиссию, вызвать прокурора, сотрудников КГБ, представителей власти, провести расследование действительных или мнимых непорядков, нарушений законности, разобраться с жалобами и заявлениями, удовлетворить личные просьбы. Ставятся вопросы о пересмотре дел в порядке надзора, снижении мер наказания. Нередки претензии по вопросам режима и условий содержания в ИТУ, СИЗО, ЛТП, просьбы о переводе в другую колонию, несогласие с действиями отдельных должностных лиц. Указанные требования бывают обоснованными, но нередки факты искажения действительного положения дел, клевета, сознательное стремление создать конфликтную ситуацию. Независимо от степени обоснованности названных условий они в принципе приемлемы и диктуют необходимость положительного их рассмотрения в ходе переговоров.

Вторая группа условий — противоправные требования, которые, однако, исходя из моральных соображений, могут быть предметом переговоров с тем, чтобы сохранить жизнь людей. К ним относятся выкуп, выражающийся в деньгах, а также иных материальных ценностях, предоставление транспортных средств, связи, возможности выезда в другую страну. Особняком стоит вопрос о предоставлении спиртного и наркотиков. Отмечается два подхода. Первый — предоставление их только при условии освобождения заложников, поскольку наркотическое и алкогольное опьянение делает непредсказуемым поведение преступников, что затрудняет ведение переговоров и может привести к трагическим последствиям. С другой стороны, имели место факты передачи спиртного и наркотиков, что позволяло продлить течение переговоров, сгладить конфронтацию и, как результат, до-

биться освобождения заложников. На наш взгляд, этот вопрос требует рассмотрения в зависимости от конкретной ситуации, личности преступников и других факторов. Дать рецепт на все случаи нельзя, так же как и определить «порог», за которым следует применение силы для освобождения заложников.

Неприемлемыми с правовой и нравственной точек зрения являются требования передачи преступникам оружия, взрывчатых, отравляющих, бактериологических веществ, освобождения преступников вне правовых процедур (помилование, амнистия, снижение меры наказания, прекращение дел и т. д.). Эти требования противоречат условиям, составляющим суть института крайней необходимости: предотвращенный вред может оказаться менее значительным, чем тот, который могут причинить преступники, находящиеся на свободе и владеющие оружием, взрывчатыми и токсичными веществами.

Явная неприемлемость перечисленных выше условий, на наш взгляд, должна быть общепризнанной и не зависеть от остроты возникшей конкретной ситуации и усмотрения лиц, ведущих переговоры со стороны правоохранительных органов. Только это даст возможность последовательно и твердо проводить принципиальную линию по данному вопросу, о чем должна быть проинформирована общественность, чтобы с ее стороны была обеспечена должная поддержка и понимание. Такой подход должен быть известен и лицам, склонным выдвигать такие требования. «Нет — вооружению преступников и пополнению их рядов путем нарушения закона». Этот принцип надо возвести в ранг категорического императива переговоров с преступниками.

УЧИТЬ ВЕДЕНИЮ ПЕРЕГОВОРОВ

Слово — мощнейшее оружие. Переговоры — сложное и ответственное дело, требующее обширных знаний, умений и навыков. Как бы детально ни была разработана «технология» их ведения, успех в конечном счете определяют уровень теоретической и практической подготовки, личные качества тех, на кого ложится тяжкое бремя ведения диалога с преступниками. К тому же к ведению переговоров, кроме сотрудников органов внутренних дел, прокуратуры, госбезопасности, привлекаются представители органов государственной власти, общественных организаций, народные депутаты, журналисты, священнослужители, родственники осужденных и другие лица. Подготовка «переговорщиков» должна стать содержанием целевой межведомственной программы.

В рамках одной статьи, разумеется, невозможно осветить все аспекты этой актуальной и мало изученной проблемы, дать развернутые методические рекомендации. Однако обобщение отечественного и зарубежного опыта позволяет сформулировать некоторые советы и пожелания, конечно, не исчерпывающие, адресованные в первую очередь работникам органов внутренних дел.

КРАТКАЯ ПАМЯТКА ТОМУ, КТО ВЕДЕТ ПЕРЕГОВОРЫ

Помни, что вести переговоры с преступником, чтобы сохранить человеческую жизнь, — твоя правовая и служебная обязанность, нравственный долг. Прежде чем вступить в переговоры, постарайся побыстрее собрать сведения о том, что произошло, с кем ты имеешь дело, живы ли заложники, как их здоровье, продумай, как лучше вести диалог.

Главная цель — завязать разговор и продолжать его как можно дольше. Выигрывай время.

Преступник, как и ты, остро нуждается в информации. Прежде всего представься, расскажи в нескольких словах о себе (о службе, о семье и пр.). Он должен тебе поверить. «Давай подумаем вместе», — эту мысль следует проводить постоянно.

Выясни суть его требований. Вникни в смысл его слов: нередко говорят одно, а подразумевают (хотят) другое. Если требование выходит за пределы твоих полномочий, разъясни это. Сообщи, что должен согласовать вопрос с надлежащей инстанцией. Договорись о времени его решения. Можно удовлетворять мелкие просьбы (покурить, поесть и т. д.). Преступника страшит непредсказуемость ответных действий. Отвечай на его вопросы, раскрывай, насколько это возможно, смысл происходящего (наблюдаемую им передислокацию сил, подход техники и т. д.) как естественную гарантию безопасности окружения.

Не дезинформируй без крайней необходимости.

Не пугай, но преступник должен понять, что ты ведешь переговоры «с позиции силы», в твоем распоряжении вся сила закона, весь арсенал уголовного преследования и пресечения преступных действий, включая силу оружия. Избегай обсуждения невыполнимых требований, стремись найти приемлемый компромисс.

Будь терпелив.

Если переговоры ведутся через посредника (переводчика), позаботься, чтобы он правильно понял и передал твою мысль, чтобы точно сообщил слова того, с кем идут переговоры.

Склоняй преступника к раскаянию, к отказу от противоправного поведения, разъясняй правовые последствия добровольного отказа от совершения преступлений.

Попроси, чтобы тебе срочно предоставили всю информацию, относящуюся к данному случаю, дополнительные сведения о преступнике, его окружении, обо всем, что касается этого дела. С учетом новых данных и оперативных возможностей вноси коррективы в ход переговоров.

Не теряй надежды на их благоприятный исход. **В борьбе за спасение человеческой жизни ты должен победить!**

Виктор ДЕНИСОВ

ПАРАДОКСЫ «ПЯТОГО ПУНКТА»

Он числится под пятым номером в огромном множестве анкет, которые нам приходится заполнять в течение всей жизни по любому поводу. В паспорте он — шестой. Речь идет о национальной принадлежности...

Говорят, нигде в мире нет такого пункта. И гражданином США может быть китаец или японец, а подданный Франции не всегда француз. В царской России на этом пункте тоже не настаивали.

Не сосчитать, сколько словесных баталий выдержала эта проблема за последний десяток лет, а «пятый пункт», словно несокрушимый бастион, продолжает кочевать по автобиографиям и «объективкам». Зачем?

Лично я, с детства воспитанный в духе интернационализма, делил людей на умных и не очень, добрых и злых, веселых и грустных, честных и нечестных, порядочных и непорядочных, деловых и бездельников и т. д. и т. п. О национальной принадлежности своих друзей и знакомых как-то не задумывался. И лишь когда кто-нибудь из них доверительно говорил: «Слушай, я расскажу тебе древний грузинский тост...», или «есть у нас, казахов, такой обычай...», «а ты знаешь, почему наш танец называется «семь-сорок»?, я вспоминал, что мой визави грузин, казах или еврей.

Такое «всемирное братство», где на первом месте стоят общечеловеческие ценности и доброжелательные отношения, мне всегда было больше по сердцу.

Позднее я понял и то, что в истинно демократическом государстве национальность гражданина не имеет никакого значения при осуществлении его гражданских прав. Перед законом все равны.

Поэтому, не скрою, с некоторым удивлением воспринял обсуждение в Верховном Совете СССР проекта постановления о порядке изменений записей о национальной принадлежности граждан в паспортах и других официальных документах. Я-то полагал, что «пятый пункт» изжил себя, и звание «гражданин СССР» звучит выше, чем этническая категория. Но все оказалось сложнее.

По данным Комитета ВС СССР по законодательству сегодня около миллиона людей хотели бы изменить свою национальность. Около 200 тысяч таджиков, например, хотят стать узбеками. Около 300 тысяч человек, которые записаны как татары, хотели, чтобы у них была записана национальность «крымский татарин». Около 10 тысяч человек — «горские евреи» по паспорту, хотят, чтобы было записано: «тат». Около 100 тысяч человек, ныне азербайджанцев, хотят записи в паспорте: «месхетинский турок». А еще 70 тысяч настаивают на названии: «курд». 90 тысяч человек, считающихся башкирами, хотят стать татарами. И еще достаточно большое количество людей хотят, чтобы их переписали на «русинов», «телеутов», «вепсов», «немцев» и так далее.

Цифры достаточно серьезные, серьезное должно быть и отношение к этим людям.

Истоки проблемы восходят к прошлому, к тем временам, когда рождались национальные образования, и при переписи населения важно было «обеспечить процент» коренных жителей. И тогда узбеков на бумаге превращали в таджиков, татар в башкиров, немцев в казахов... А когда, например, Белоруссия была под польским владычеством, многие белорусы, кто по расчету, кто под давлением «записывались» в поляки. Словом, разными путями искусственно уменьшалась или увеличивалась численность той или иной нации.

Но память народная оказалась сильнее документа с печатью. И третье поколение потомков отлично помнят, откуда они «есть пошли»... Поэтому сегодня многие сотни тысяч людей хотят восстановить справедливость.

Проект нового постановления составлен достаточно гибко. Он предоставляет право самому гражданину, достигшему совершеннолетия, решить вопрос о том, нужна ли вообще запись в документе о его национальной принадлежности, и если нужна, то человек вправе назвать ту, которую считает более правильной. Отказ в изменении или принуждение к изменению записи о национальности в паспорте, ином официальном документе могут быть обжалованы в суде.

Казалось бы, проект предлагает простое, демократичное и разумное решение проблемы. И тем не менее, в развернувшейся в Верховном Совете СССР дискуссии обнажилось немало подводных камней.

Вот только несколько соображений «за» и «против». Скажем, Булат Окуджава, сын грузина и армянки, считается русским поэтом. Он всеми корнями врос в русский язык и русскую культуру. И, видимо, только он сам может решить, какой из трех наций он принадлежит.

Еще ситуация. Отец ребенка — сын казаха и рус-

ской, мать — дочь украинки и белоруса. А живет семья в Башкирии. Их ребенок освоил башкирский язык, башкирскую культуру, считает их родными. К какой национальности его отнести?

А с другой стороны, мы прекрасно понимаем, как учитывается демографический состав населения при формировании органов управления, при подборе национальных кадров, при приеме в вузы и т. д. И если, скажем, люди, записанные татарами, станут «крымскими татарами», то это, согласитесь, уже объединение совершенно другого типа, другого профиля. То же самое и с турками-месхетинцами, немцами и другими национальностями. Не приведет ли это к новому обострению национальных конфликтов, территориальным претензиям?

По мнению некоторых депутатов, постановление даст кое-кому возможность спекулировать, манипулировать правом изменения своей национальности.

Противники проекта ссылались и на научные данные о том, что национальные признаки закладываются генетически. Поэтому существует тип человека, тип культуры, масса других качеств, которые мы сами не можем выбрать, поскольку они заданы родителями.

А как быть со смешанными браками? В Приморском крае, например, проживает 138 национальностей. Все давно настолько смешалось, что мало кто помнит, какой он родни. Но от этого права́ человека не страдают. И не нужно создавать новое напряжение в многонациональных регионах.

Вот такая разгорелась дискуссия. И поскольку депутаты не решились взять на себя ответственность в решении столь сложного вопроса, решено разослать проект постановления в высшие органы власти республик для получения официального заключения.

СТАТИСТИКА ЗНАЕТ ВСЕ

В 1991 году в издательстве «Финансы и статистика» выйдет в свет очередной выпуск статистического сборника «Преступность и правонарушения в СССР», являющийся наиболее полным за всю историю существования советской уголовной статистики собранием данных о состоянии преступности и судимости в стране.

Сборник содержит информацию об общем числе зарегистрированных преступлений начиная с 1961 года, о преступлениях против личности и собственности, групповой, рецидивной преступности, преступности несовершеннолетних и т. д. Особый раздел посвящен отдельным видам наиболее опасных и распространенных преступлений. Вниманию читателей предлагаются данные о состоянии преступности в городах и сельской местности, о дорожной и пожарной безопасности. Приводятся также данные о лицах, совершивших преступления, их социально-демографическая характеристика.

Авторами комментариев к статистическим таблицам являются ученые-криминологи, ведущие специалисты Министерства внутренних дел СССР, Министерства юстиции СССР, Прокуратуры Союза ССР.

Периодичность издания — 1 раз в год, объем — до 10 условных печатных листов, цена одного экземпляра — 3 руб. 50 коп.

Сборник можно приобрести, направив заявку и гарантийное письмо об оплате требуемого количества экземпляров в издательство «Финансы и статистика» по адресу: 101000, Москва, ул. Чернышевского, 7.

Предыдущий выпуск сборника «Преступность и правонарушения в СССР. 1989», вышедший в издательстве «Юридическая литература», можно приобрести в киосках Союзпечати и магазинах «Юридическая книга».

ЗАДАЧНИК ПО МИЛИЦЕЙСКОЙ ПРАКТИКЕ

ДЕЛО БЫЛО ТАК...

Сикорский изготовил передающую приставку к радиоприемнику с целью подарить своему товарищу в день рождения, но в эфир не выходил. Об этом стало известно участковому инспектору милиции Сергееву, который оформил материалы о привлечении Сикорского к административной ответственности и передал их начальнику отделения милиции. Последний направил материалы для рассмотрения в народный суд. Народный судья своим постановлением подверг Сикорского штрафу в размере 50 руб. с конфискацией приставки и радиоприемника.

ВОПРОС

Правильными ли являются действия работников милиции и народного судьи?

РЕШЕНИЕ

Действия работников милиции и народного судьи правильны.

Изготовление и использование радиопередающих устройств должны осуществляться только Министерством связи СССР или под контролем его органов*. Незаконное изготовление и использование этих устройств причиняет вред интересам государства, создает условия, мешающие осуществлению связей. Следовательно, объектом правонарушения является нормальная деятельность государства в области связи, беспрепятственное ее осуществление.

Объективная сторона рассматриваемого правонарушения выражается в активных действиях по изготовлению и использованию радиопередающих устройств без надлежащего разрешения. Для наличия состава данного правонарушения достаточно одного из этих действий, т. е. оконченным правонарушением следует считать момент изготовления радиоаппаратуры, способной передавать информацию в эфир, или использование такой аппаратуры.

Под радиопередающим устройством понимается любая радиоаппаратура, пригодная для передачи информации в эфир. Это могут быть радиопередатчики, приемопередающие радиостанции, передающие приставки к радиоприемникам. Дальность их действия и качество диапазонов не имеют значения для квалификации содеянного по ст. 137 КоАП РСФСР.

Под использованием радиопередающих устройств понимается передача любой информации или сигналов в эфир. Незаконным использование радиопередающих устройств признается и тогда, когда постороннее лицо проникает в помещение, где имеется радиостанция, установленная с разрешения, и передает какую-либо информацию или сигналы. Незаконным признается и эксплуатация радиопередающего устройства после истечения срока действия разрешения или не тем лицом, которому выдано разрешение.

С субъективной стороны анализируемое правонарушение характеризуется прямым умыслом: виновный сознает, что не имеет разрешения на изготовление или использование радиопередающего устройства, но, тем не менее, желает совершить и совершает эти действия, предвидя их противоправность.

Субъектом данного правонарушения могут быть граждане СССР, иностранные граждане и лица без гражданства, достигшие шестнадцатилетнего возраста.

Согласно ст. 137 КоАП РСФСР изготовление и использование радиопередающих устройств без разрешения влечет наложение на правонарушителя штрафа в размере 50 руб. с конфискацией используемой радиоаппаратуры.

В соответствии со ст. ст. 202 и 257 КоАП РСФСР дела об изготовлении и использовании радиопередающих устройств без разрешения рассматриваются в течение трех суток народными судьями районных (городских) народных судов.

А. ЛОВИНЮКОВ,
кандидат юридических наук.

---

* Исключение составляет использование радиопередающих устройств и их изготовление органами Министерства обороны СССР, КГБ и МВД СССР.

- МАФИИ БОЯТСЯ БОЛЬШЕ, ЧЕМ ЗАКОНА
- США: ШКОЛЬНИКИ С ПИСТОЛЕТАМИ
- НАРКОТИКИ ИЗ ЭКВАДОРА

ЧЕТВЕРТЫЙ ЯЗЫК — «ЯЗЫК» ЗАКОНА

Швейцария... Восхитительные Альпы и Шильонский замок, наполовину стоящий в Женевском озере. Отменный сыр, знаменитые часы и шоколад, которому на Западе нет равного. Денежные банки-гиганты и здания международных организаций в Женеве. Места, где бывали Толстой, Чехов, Ленин, Карамзин, Достоевский, и места, где родился Руссо, жил Вольтер, творил Байрон.

Единственное, чего нет, так это упоминания этой Альпийской республики в международной криминальной хронике. Видимо, из-за того, что Швейцария очень мала — население ее чуть более 6 млн человек. А верней всего, потому, что испокон веку швейцарцы, как и немцы, живут по пословице: «Не давай себе воли, не будешь терпеть в неволе». «Брать чужое нельзя» — неписаное правило морали, которому следуют швейцарцы с появлением на свет. Потому в здешних городках у домов стоят «без привязи» велосипеды и мотоциклы, а забытую в магазине вещь можно найти и через несколько часов.

Тишина на улицах и в квартирах, разумеется, отнюдь не говорит о том, что здешним полицейским легко. Полная автономия кантонов (областей), сожительство четырех различных языковых групп (в Швейцарии, как известно, три государственных языка — немецкий, французский и итальянский) и «демократия референдумов» создают свои нелегкие проблемы и в правоохранительной деятельности. Как писал один журнал: «водоворот мирового капиталистического хозяйства неумолимо втягивает в себя и Швейцарию. Волны международной преступности не останавливают и альпийские перевалы, ведущие в эту страну».

В Советском Союзе впервые побывала группа полицейских из Швейцарии. Обозреватель журнала **Александр Шарапов** попросил ответить на ряд вопросов главу делегации — начальника полиции кантона Печино команданте **Мауро делла Амброджио.**

— Какова цель вашего приезда в Москву?

— Прежде я хотел бы сказать о его возможности. Она возникла, конечно же, в результате больших перемен в вашей стране, открытости, которые сегодня — реальность. Второй мотив — вступление СССР в Интерпол. Опыт работы полиции стран Западной Европы показывает, что каналы связей Интерпола недостаточны, если они не сопровождаются личными встречами и контактами. Поэтому мы приехали познакомиться с деятельностью московской милиции.

Это было не так уж легко, т. к. в Швейцарии нет федеральной полиции, то есть вышестоящего руководящего органа, на уровне которого обычно ведутся и организуются обмены делегациями. У нас полиция, и все другие общественные органы, находятся в ведении парламента кантона.

В ГУВД Москвы мы узнали о горячих дебатах по поводу децентрализации милиции. А с одним начальником районного управления был разговор о том, что он за создание муниципальной милиции. Думаю, рассказ о работе кантональной полиции был полезен.

— Из Москвы давайте переместимся... в Женеву, например. Интересно было бы знать, есть ли там специальные подразделения, которые обеспечивают порядок во время всевозможных международных форумов, встреч и т. п.?

— Специальных подразделений нет, обычно там работает полиция города. Но когда проходят очень важные события, как, к примеру, встреча Горбачева с Рейганом, местные органы просят помощи у кантонов. Однажды и я посылал 20 полицейских. В некоторых случаях для усиления охраны аэропортов власти Женевы привлекают военных.

— 20 командированных — что-то мало... А сколько всего у вас полицейских на кантон, где проживает, если верить справочникам, 300 тысяч человек?

— У меня в штате всего 500 полицейских. И они не делятся на «службы», как у вас. Они занимаются всем: работают как уголовная и дорожная полиция, охраняют границу, борются с экономическими преступлениями и наркобизнесом... В Женеву я посылаю профессионалов, которые более всего разбираются в вопросах личной охраны.

— Как говорит русская пословица, ваш сотрудник — «Фока — на все руки дока...»

— И не только на все руки. Одно из необходимых и обязательных условий при приеме на работу в швейцарскую полицию — это обязательное знание государственных языков. С одним языком (тут команданте улыбнулся и переглянулся с переводчиком: на итальянском буквальная фраза об «одном языке», без слова «владение», звучит как «болтун» — А. Ш.) у человека нет никаких шансов попасть в полицию.

Все без исключения полицейские владеют итальянским, официальным языком кантона, и французским. Большая часть говорит по-немецки. А несколько сотрудников знают 4—5 языков. (Кстати, сам Мауро делла Амброджио хорошо владеет четырьмя — А. Ш.)

— У нас в СССР в некоторых сферах деятельности человеку за знание иностранного доплачивают...

— Да?

— Сеньор Амброджио, коль зашла речь о финансах, можете ли вы сказать, сколько за такие-то познания и руки получает ваш полицейский!

— От трех до четырех тысяч долларов в месяц. Это весьма хорошая плата. Но, чтобы до нее «добраться», чтобы попасть на службу к нам, надо пройти конкурс. Надо год проучиться в школе полиции. А до нее обязательно получить какое-то профессиональное образование. И послужить в армии.

— Вы тоже прошли этот «альпийский перевал»!

— Нет. Сначала я был в частном секторе. Потом 5 лет работал судьей. А потом кантональное правительство назначило меня начальником полиции. Это типичная карьера человека в маленькой стране — перейти из частного менеджмента на общественную службу...

— Судя по тому, что Швейцария почти нигде не упоминается, по крайней мере в советских источниках, — в криминальном аспекте, уважение к закону, разговор на «языке права» можно назвать четвертым государственным «языком» вашей страны. И все-таки, что вас сегодня беспокоит как начальника полиции!

— Среди глобальных проблем это, конечно, борьба с экономическими преступлениями, их расширением, приобретением ими международного характера. В пределах кантона — в первую очередь проблема нелегальной эмиграции. Беспокоит нас и наркомафия, рост ее влияния на все стороны жизни и в нашем кантоне.

Вторая острая проблема — безопасность дорожного движения и все, что связано с преступлениями на транспорте. Тут надо много средств и сил, много сотрудников...

Но главное — мафия. У нас люди ее боятся больше, чем закона...

Защита людей — это, пожалуй, то, что объединяет полицию и общество Красного креста. У здания Международного Красного креста в Женеве стоит этот мемориал, созданный швейцарским дизайнером Андре Бушером. Название его — «Заложникам во всем мире» — говорит само за себя.

Немало хлопот швейцарским полицейским приносит вот этот экзотический вид транспорта — велорикши. Их скорости не регулируются светофором, а желания пассажиров таковы, что приходится нарушать правила уличного движения.

Фото ТАСС.

«РЕВОЛЬВЕР — ТВОЙ ЛУЧШИЙ ДРУГ»

ПО ДАННЫМ АМЕРИКАНСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ЦЕНТРА БЕЗОПАСНОСТИ, КАЖДОЕ УТРО СВЫШЕ 130 ТЫСЯЧ ПОДРОСТКОВ ОТПРАВЛЯЮТСЯ В ШКОЛУ С ОРУЖИЕМ В КАРМАНЕ.

...ВСЕ НАЧАЛОСЬ, как в самой обычной мальчишеской ссоре,— двое техасских ребят принялись выяснять, кто же все-таки побил стекла в машине. «И тут я вытащил револьвер, — сказал Виктор (речь шла о стеклах его автомобиля). — А он мне говорит: «Нет, ты не убьешь меня», а я взял и начал стрелять, потому как он думал, что я этого не сделаю. И верно, было бы просто глупо, если бы я выхватил пушку и не выстрелил. Я выглядел бы тогда последним идиотом».

А этого 15-летний Виктор хотел меньше всего. Он вступил в банду в 13 лет, «потому что думал, что с ними будет хорошо, они жили как одна семья».

Банды и наркотики подбрасывают солидные охапки хвороста в костер нарастающей молодежной преступности. Куда меньше подростков владели бы оружием, не будь у них денег на «толкание» наркотиков. Да и на улицах не было бы такого разгула преступности, если бы там не процветала торговля этим зельем. Хотя в сражении против систематического пристрастия к наркотикам и наблюдается известный прогресс, тем не менее по сей день от 1,7 до 2,4 миллиона американцев еженедельно употребляют кокаин. Некоторые специалисты даже полагают, что этот промысел стал значительно опаснее именно потому, что драка идет за уменьшающийся кусок пирога.

Банды разрастаются, словно раковая опухоль. «Крипс» и «Бладз» сформировались в Южной Калифорнии лет 20 назад, теперь их филиалы — в 32 штатах и 113 городах. Они не только всасывают наиболее злостное местное хулиганье, но и являют собой некую, хотя и извращенную, благодать в глазах сбитых с толку и с пути городских ребятишек, ибо банда дает им чувство безопасности, уверенности, чего они зачастую лишены в своих ущербных семьях. Цена такого рода безопасности ужасающая. В районе Лос-Анджелеса число банд удвоилось с 400 при численности в 45 тысяч в 1985 году до 800 — в 1990-м году с численностью в 900 тысяч. В прошлом году ими совершено 690 убийств — 35 процентов всех убийств в этом районе.

В подобной атмосфере всегда держать при себе оружие — значит просто поступать так, как поступают «джонсы» (то есть как все.— **Ред.**) «Револьвер — твой лучший друг»,— говорит 15-летний член банды с юга центральной части Лос-Анджелеса; популярная здесь поговорка гласит: «Пусть лучше меня судят 12 (присяжных заседателей.— **Ред.**), чем нападут шестеро».

Пустить в ход оружие — зачастую ритуал, совершенно необходимый, чтобы войти в шайку или укрепить свою репутацию. Недавно 14-летний мальчишка проехал на велосипеде мимо школьного двора в восточном Лос-Анджелесе, паля наугад из полуавтоматического пистолета по почти 2 тысячам детей, бывших в это время на игровых площадках. «Ему просто хотелось доказать своим, что он кое-чего стоит»,— говорит капитан Рей Готт из шерифского управления округа Лос-Анджелес.

Специалисты по проблемам бандитизма в Лос-Анджелесе различают три ступени обращения с оружием у подростков, связанных с организованной преступностью. «Желающие войти в банду начинают практиковаться в стрельбе, привыкают к револьверу. В большинстве случаев они стреляют не целясь,— объясняет Стив Волдивна, руководитель программы «Общественная служба по делам молодежных банд».— Следующая ступень — связанный с бандой парень хочет отличиться, он хочет кого-то убить. Но шефы в банде еще не принимают его всерьез, не считают, что он готов на все. А вот тому, кто достиг этого высшего уровня, уже все нипочем, наплевать и на себя, и на жертву. Насилие исходит из него с той же естественностью, с какой растет трава. Эти парни способны приподнять крышку гроба и палить в труп из своего полуавтомата до тех пор, пока тело не превратится в кетчуп. Мне известны такие случаи».

Разрастание банд в своей основе шло параллельно строительству сети шоссе, связывающих штаты. В Миннеаполис они переместились лет десять назад из Чикаго и с тех пор растут, как грибы. «Прошел слух, что в Миннеаполисе можно поживиться», — говорит один парень из банды. Этот город даже прозвали «Маниаполис» (от английского «мани» — деньги. — **Ред.**). У полиции в картотеках более 3 тысяч членов

банд, хотя сколько их на самом деле, с уверенностью сказать не может никто. А с бандами пришло оружие. Сотни стволов. «Оружие поступает из Чикаго каждый день,— говорит Рамон, представляющий «Бладз».— Моя банда держит его в заначке, пока не возникнет нужда. Стоит кому сказать: у меня неприятности — и тут же будет ствол».

Страх перед уголовной системой наказаний у этих подростков отсутствует, ибо понимают — система задыхается от бесконечных дел, к тому же наказания несовершеннолетним лишены подлинной суровости. В Остине старшие члены банд кличут своих юных соратников «минутками»— имея в виду назначаемые тем сроки. Частично по той же причине разветвленный, приносящий большие доходы наркобизнес тоже приобщает к обзаведению оружием. Взрослые нанимают юнцов «толкать» наркотики именно потому, что, если тех и схватят, наказание будет куда меньше, чем для взрослых. Кларенс, 25-летний парень, зарабатывал в большом городе Техасе до 1200 долларов в неделю на продаже наркотиков, и оружие ему было необходимо: «На улице, где я сбываю товар, случалось, людей и грабили, а откуда мне знать, что и меня не держат на мушке». В феврале 1989 года у него на глазах убили лучшего друга — тот продавал некачественный наркотик.

От 20 до 25 процентов детей, которые убивают людей, сами в достаточной степени всегда на взводе — либо от алкоголя, либо от наркотиков, таких, как «крэк» или «ПСП» — и тот и другой стимулируют агрессивное поведение. «Однажды я вломился в дом к одному чудаку и убил его,— говорит 17-летний «стрелок» из Лос-Анджелеса.— Поглядели бы вы, как он поначалу изумился! Но я ни о чем не думал, потому что принял «ПСП» и был возбужден. Мне показалось, что он может убить меня, но и это мне было нипочем».

КРИМИНАЛЬНАЯ ХРОНИКА ПЛАНЕТЫ

АНГЛИЯ. Здесь ратифицирована Европейская конвенция о выдаче преступников, по которой Англия, как и любая из 20 стран-участниц конвенции, может выдать преступника всего лишь при предъявлении постановления об аресте, протокола с обвинениями и удостоверяющих личность документов.

БОЛГАРИЯ. Как сообщает агентство ДПА, в Болгарии растет число предприятий и фирм, которые, стремясь к экономии, отказываются от ведомственной милицейской и противопожарной охраны. Причина в том, что у хозяйственных руководителей укоренилось мнение: охрана их предприятий — обязанность государства.

КАНАДА. Розничная торговля страны ежедневно теряет около 6 млн долларов из-за воровства и плохого учета. Примерно половина «утечки» приходится на кражи товаров через двери, несмотря на все ухищрения охраны. Полтора-два миллиона — на совести служащих магазинов.

СВАЗИЛЕНД. В этом африканском королевстве на грани разорения находятся многие компании, занимающиеся страхованием автомашин. По заявлению представителя местной полиции, дело в том, что очень многие владельцы машин, особенно старых, переправляют их в соседний Мозамбик, где продают или даже бросают, а затем сообщают страховому агенту о «пропаже».

США. Более чем вдвое увеличились в Америке масштабы телефонного прослушивания по разрешениям федеральных и окружных судов. 60 процентов всех записанных магнитофонных пленок приходится на переговоры между торговцами наркотиками, 13 процентов — на людей, занимающихся незаконным игорным бизнесом.

ТАИЛАНД. По сообщению агентства Франс Пресс из Бангкока, здесь сотрудники полиции чинят самосуд, убивая лиц, заподозренных в совершении уголовных преступлений. Местная газета «Нейшн» объявила, что у таиландской полиции имеется секретный «черный список». Кроме того, она придерживается принципа «сначала стрелять — потом спрашивать».

УРУГВАЙ. По соглашению между правителями США и Уругвая о сотрудничестве в борьбе с преступностью, обе стороны будут оказывать помощь в расследованиях и судебных процессах, касающихся различного рода уголовных преступлений. Соглашение предполагает, например, вызов свидетеля из одной страны в другую для получения нужных показаний.

ЧИЛИ. Социологи и криминалисты, изучившие уголовный мир этой страны, пришли к выводу, что в Чили нет организованной уголовной преступности. В раскрытых группах налетчиков, как правило, здесь нет главарей; банды организуются спонтанно и после проведенной «операции» распадаются. Исследования показали, что преступный мир в Чили составляют молодые люди.

СОВЕТ ЕВРОПЫ И СОВЕТСКИЙ СОЮЗ

КОРР. — Валерий Васильевич! Вам, начальнику Управления правового обеспечения деятельности органов внутренних дел МВД СССР предоставилась возможность участвовать в работе Европейского Комитета по проблемам преступности Совета Европы. Что это за организация, где находится и, простите за бестактность, как Вы туда попали!

В. СЕРГЕЕВ. — Приглашение поступило от самого Комитета в адрес правительства страны. Учитывая тематику заседания, именно МВД СССР было предложено принять участие в работе. А руководство министерства поручило мне и сотруднице нашей Высшей юридической школы Н. Хуторской представлять интересы страны в Комитете.

Но это внешняя сторона вопроса, чисто формальная причина. Приглашение участвовать в работе Комитета — проявление общего процесса поиска страной и ведомствами, в том числе МВД СССР и органов внутренних дел в целом, путей, форм включения в систему общемировых ценностей, общечеловеческих приоритетов, т. е. участие в процессах, которые стоят перед страной и осуществляются на самом высоком политическом уровне.

Сам по себе Комитет является одной из организаций Совета Европы, расположенного в Страсбурге, во Франции. Совет Европы — известная в мире надправительственная организация. Она имеет свой Комитет Министров, создает Комитеты по различным вопросам. Таких Комитетов — более двадцати. Спектр их интересов чрезвычайно богат: экология, культура, здравоохранение, образование и так далее. В состав Комитета по проблемам преступности на правах членов входят страны — участницы Совета Европы, а это абсолютное большинство европейских государств. В последнее время статус членов Комитета получили представители Венгрии, Чехо-Словакии. Некоторые страны, преимущественно из Восточной Европы, присутствуют в качестве наблюдателей. Например, совсем недавно такой статус получила Польша. Как наблюдатели присутствуют Соединенные Штаты Америки, Канада, Ватикан, а также ООН, Интерпол и другие неправительственные организации соответствующего профиля. Представители Советского Союза в работе Комитета участвовали впервые. Но основная наша задача заключалась в том, чтобы проработать возможность получить нашей стране статус наблюдателя. Сразу скажу: такой статус мы получили.

КОРР. — Как организована работа Комитета!

В. СЕРГЕЕВ. — Члены Комитета собираются на пленарные заседания, создают подкомитеты, комиссии, рабочие группы, привлекая специалистов, которые разрабатывают в соответствии с повесткой дня или инициативно различные рекомендации, проекты законодательных актов, в том числе предложения по изменению, дополнению конвенций. Например, на заседании, в котором мы участвовали, были обсуждены и одобрены проекты поправок к двум Европейским конвенциям.

А вообще повестка заседаний была чрезвычайно насыщенной — за пять дней работы рассмотрели около 20 вопросов. И все результативно! Большое место заняли вопросы борьбы с терроризмом, отмыванием денег, полученных преступным путем, исполнения приговоров и другие. Все они представляют для нас огромный интерес.

Судя по всему, Комитет уже наработал определенные организационные формы. По каждому вопросу рабочая группа готовит исходные материалы. Проработанные соответствующим образом проекты документов заблаговременно рассылаются членам Комитета, наблюдателям, а также по запросам заинтересованных государств и организаций. Затем собираются отзывы, предложения. Документы дорабатываются и выносятся на Комитет. Докладывает, как правило, руководитель группы. Затем идет обсуждение. Рабочие языки — английский и французский. И так каждый день, с девяти до 18 часов, правда, с перерывами на обед и кофе. Но эти перерывы для нас были тоже очень нелегкими с точки зрения неформальных контактов.

КОРР. — Имеют ли решения Комитета какое-то правовое значение!

В. СЕРГЕЕВ. — Решения Комитета непосредственного правового значения не имеют. Но... Поскольку они адресованы либо непосредственно Совету Европы, либо его Комитету Министров, либо правительствам и другим органам власти стран-участниц, можно сказать, что Комитет в очень существенной степени определяет правовую политику в Европе. А через различные механизмы во многом влияет и на правовую политику всех цивилизованных стран мира. Документы, которые обсуждаются и затем принимаются, имеют большое значение, особенно конвенции, ибо они обязательны для тех, кто их подписал. Складывается такая ситуация: до тех пор, пока наша страна не участвует в работе этого и других комитетов, мы следуем в хвосте событий, никак не влияя на правовую и другую политику в Европе, к сближению с которой мы сейчас так стремимся. Рано или поздно, но мы будем вынуждены присоединяться к различным конвенциям, ина-

че вперед жизнь пойдет без нас. Но подписывать столь важные документы, связывать себя обязательствами, не участвуя в их разработке, это, по меньшей мере, недальновидно...

Несколько штрихов к характеру работы Комитета. В его состав входят специалисты очень высокого уровня и по профессиональной подготовке и по должностному рангу...

КОРР. — Валерий Васильевич! А как ведут себя оппоненты при обсуждении проблемы! Неужели так же, как наши, не стесняются в выражениях, «забрасывают друг друга шапками»!

В. СЕРГЕЕВ. — Что Вы?! Все происходит примерно так: кто-то докладывает вопрос. Его очень внимательно слушают. Потом начинаются комплименты: «Я восхищен работой коллег!», или «Ничего подобного я не слышал», «документ великолепен» и тому подобное. Сначала я, грешным делом, подумал: ну, мужики, хорошо устроились. Собрались себе в Страсбурге, прекрасном городе, в чудесных условиях. Ни за что не отвечают, так как рекомендации не носят обязательного характера. То ли трудности перевода сказались, то ли непривычная для нас манера обсуждения, но создавалось впечатление, что все идет как-то очень легко. На первый взгляд, рассуждения были такими элементарными, что подумалось: о чем тут вообще говорить? А потом смотрю: при всей внешней простоте рождаются очень серьезные по своим последствиям документы. Кстати, когда нужно, участники обсуждения проявляют железную принципиальность, и тоже в исключительно вежливой форме. Например, представители нескольких стран не были согласны с проектом методических рекомендаций по вынесению приговоров. Они сумели убедить большинство и Комитет направил документы на доработку. Но культура работы — исключительно высока. Во всем — доброжелательность, внимание. Этому надо учиться.

КОРР. — Нам не до этого, мы все суверенитетом озабочены: от собственного дома до государства.

В. СЕРГЕЕВ. — Кстати, о суверенитете. Думаю, ни у кого не вызывает сомнения, что европейские государства озабочены своим суверенитетом не меньше, чем любая наша республика. Англия, Франция, Швейцария — никто не намерен поступаться даже крохой своей самостоятельности. Но это разумные люди и они четко понимают выгодность решения некоторых вопросов либо сообща, либо на единых принципах. И в таких случаях все страны готовы к отступлению от некоторых своих правовых норм в пользу положений общеевропейского, общемирового права.

КОРР. — Валерий Васильевич! А зачем объединяющейся Европе нужны мы, с нашими совсем другими проблемами!

В. СЕРГЕЕВ. — Делегации СССР был предоставлен, я бы сказал, режим наибольшего благоприятствования. Мне сразу предложили выступить, что я и сделал в последний день. Чем это объясняется? С одной стороны, главную свою задачу Комитет видит в создании необходимых условий для охраны прав и законных интересов личности в едином правовом Европейском пространстве. И считает, в общем вполне резонно, что без участия нашей страны она решена не будет. С другой стороны, многие выступления отражали беспокойство предстоящим ухудшением криминогенной обстановки в Европе вследствие проникновения нашей преступности на Европейский «рынок».

В итоге у нас завязались многочисленные контакты с представителями ряда стран: Англии, Австрии, Норвегии, Финляндии. В общем, легче сказать, с кем не завязались такие контакты. Единственно, о чем я сожалею, на этом заседании не было представителей Соединенных Штатов.

Что еще следует отметить. Как я уже говорил, один из стержневых вопросов, который пронизывал почти все выступления — права человека, права личности в криминальной сфере. Взгляды были разные. Скажем, обсуждался вопрос о вынесении приговоров. Некоторые ораторы, когда речь шла о преступниках, впадали в крайность, дескать, их надо всячески оберегать. А представители Швейцарии и особенно англичане, которые работали как-то очень поделовому, весьма квалифицированно, соглашаясь, что права человека — это вопрос вопросов, стратегическая линия, на первый план выдвигали права прежде всего потерпевшего и вообще законопослушных граждан, а уж потом права преступников.

КОРР. — Как часто члены Комитета собираются на пленарные заседания!

В. СЕРГЕЕВ. — Раз в год. Но в перерыве работают комитеты, комиссии, конференции, проводятся другие, самые разные мероприятия.

КОРР. — Сможем ли мы теперь хоть как-то влиять на выработку решений!

В. СЕРГЕЕВ. — Несомненно. Мы имеем право направлять в Страсбург свое мнение по тем материалам, которые нам будут присылаться, предлагать что-то, критиковать. Будут они учтены или нет, это уже другой вопрос. Затем, в процессе обсуждения, свои замечания можно будет отстаивать, можно делать новые. Что немаловажно. Но права голоса наблюдатели не имеют. Зато они не связаны принятыми решениями. Если оценить некоторые из них с позиции сегодняшних реальных возможностей нашей страны, подпиши мы конвенцию, в которой речь идет чуть ли не об отдельной камере и персональном телевизоре для отбывающих наказание преступников, мы поставили бы себя в заведомо ложное положение.

КОРР. — Примет ли МВД СССР участие в следующем пленарном заседании Комитета!

В СЕРГЕЕВ. — Регламент Комитета предусматривает приглашение для участия в его работе страны, а не какого-нибудь ведомства или конкретного лица. Поэтому многое будет зависеть от тематики заседания.

Беседу вела Т. КОНСТАНТИНОВА.

«ГИПНОЗ В УГОЛОВНОМ РАССЛЕДОВАНИИ»

...Этот случай имел место в Калифорнии в 1958 г. Мужчина по имени Конрей обвинялся в убийстве Марии Мартин, с которой у него было свидание. Конрей помнил некоторые события того вечера, однако абсолютно не мог восстановить детали самого убийства, т. к. находился в сильной степени опьянения. Специалист по гипнозу Р. Н. Майксел был приглашен адвокатом со стороны защиты. Серия гипнотических сеансов позволила обвиняемому воссоздать события вечера, после чего было доказано, что смерть Мартин наступила не в результате умышленного убийства, а ст несчастного случая, что спасло Конрея от газовой камеры.

Двое подозревались в убийстве в течение 11 лет. Одним подозреваемым была жена убитого, другим — друг семьи. За эти годы они неоднократно подвергались испытанию на полиграфе, допрашивались под воздействием наркотиков. На основании полученных данных предполагалась их причастность к убийству, однако достаточных оснований для осуждения не имелось. И только после проведения серии гипнотических сеансов с обоими подозреваемыми, когда они в состоянии глубокого гипноза отвергли свою причастность к преступлению, подозрения с них были сняты...

Харри Аронс, автор книги «Гипноз в уголовном расследовании», не первый, кто стал обучать технике гипноза. Начиная с 1959 г., когда гипноз в США официально был признан и разрешен для использования в медицине и психологии, Аронс ищет новые сферы его приложения, одной из которых стала криминалистика. Он начал преподавать первый официальный курс гипноза для полицейских служащих. Это было в отделе полиции Риджефилда, Нью-Джерси. До недавнего времени Аронс был известным специалистом в применении гипноза в уголовных расследованиях, сам принимал участие в проведении расследований значительного числа уголовных дел.

КРИМИНАЛЬНАЯ ХРОНИКА ПЛАНЕТЫ

ЭКВАДОР. Местные власти обратились к правительству Канады с просьбой предоставить информацию о задержании самой крупной партии наркотиков в истории Канады. При проверке груза, доставленного из Эквадора, канадские таможенники выявили более 550 кг кокаина на сумму, превышающую 350 млн. долларов.

ЮАР. Вследствие применения незаконного оружия за девять месяцев в республике погибло более тысячи человек. Это заставило полицию создать специальные подразделения по борьбе с контрабандой оружия. Силы безопасности в ходе операции против «смертоносного бизнеса» изъяли около 2 тысяч единиц огнестрельного оружия и значительное количество взрывчатки.

ВЕЛИКОБРИТАНИЯ. По мнению полицейских властей страны, рост преступности — почти на 25 процентов — объясняется экономическим спадом и как следствие, ростом безработицы. Этими причинами вызван «бум» имущественных преступлений — краж и грабежей.

ГЕРМАНИЯ. Институт изучения общественного мнения провел опрос, в ходе которого выяснялось отношение населения к действиям полиции после объединения двух государств. Данные опроса свидетельствуют, что стражи порядка в восточных землях «стали значительно вежливее». Это расценивается как успех, принимая во внимание «историческое наследство» бывшей Народной полиции.

ИНДИЯ. Глава частного сыскного бюро «Голиаф детективс» Рамеш Мадан был удостоен титула «Наилучший детектив года», который учрежден Международной ассоциацией частных детективов. Бюро было основано в 1962 году и тогда у Мадана работали только четыре помощника — его братья. Сегодня «Голиаф» насчитывает 500 сотрудников, в том числе 130 женщин, а его филиалы есть в 11 городах Индии. За что же последовала Рамешу награда? В прошлом году он вместе со своими агентами спас от смертной казни 26 невинных!

МОНГОЛИЯ. В полтора раза возросла преступность в столице республики по сравнению с прошлым годом. Правительство обеспокоено увеличением числа умышленных убийств, краж, изнасилований. Каждое четвертое преступление в Улан-Баторе совершается в нетрезвом состоянии.

Выпуск «Интерпанорамы» подготовлен корреспондентами «Советской милиции», ТАСС, ИАН, по материалам советской и зарубежной печати.

Рис. Е. СПИРИДОНОВА.

Тень смерти

Ласло ДЮРКО

ПОВЕСТЬ

Перевод с венгерского Галины ГЕРАСИМОВОЙ.

Девушка в белом смеется.

Лодка проскальзывает под мостом Маргит. Справа — освещенная Цитадель. Слева на куполе Парламента — пятиугольная красная звезда. Сверкают гирлянды Цепного моста.

Девушка держится за плечо Киша. Стоит позади него.

— Ты волшебник, правда?

Киш бросает взгляд на освещенную панель с приборами.

— Да.

Он целует девушке руку.

А седая женщина дергалась под его рукой.

Он не хочет отгонять воспоминания. Надо с ними жить.

— Я — волшебник, — подтверждает Йован Киш.

Майор Сабадош опирается на спинку кресла директора музея.

Невероятная жара.

Рубашка на спине майора мокрая.

Врач и эксперты свое дело закончили. Трупы увезли.

(Окончание. Начало в № 8—91 г.)

Майор Сабадош не надеялся, что ему помогут отпечатки пальцев. Собаки след не взяли. Жертвы были связаны умело. С обоими покончили одним точным ударом. Сигнализацию отключили.

Здесь работали профессионалы. А они отпечатков не оставляют.

— Хотел бы я узнать, за что их убили?

Старший лейтенант Гали не отвечает. Он тоже не знает.

Майор Сабадош всегда ищет необъяснимое. Что необъяснимо — то ошибка.

Ограбили музей. Связали смотрителя и его жену. Заклеили им губы. Это понятно.

Но почему же их убили?

Это непонятно.

Сабадош может рассчитывать лишь на ошибки преступников.

— Может, они что-то увидели? — предполагает старший лейтенант Гали.

Ему тридцать один год. Он такой черный, что его часто называют цыганом. Но он не цыган. Его отец философ.

Майор Сабадош качает головой.

Не так они работают, чтобы двое стариков могли что-то увидеть.

Сабадошу пятьдесят четыре года. Он и сам не мог бы сказать, сколько за свою жизнь он раскрыл убийств с целью грабежа.

На этот раз он чувствует свое бессилие. Он не имеет понятия, кого и где искать.

Безусловно, преступник работал не в одиночку. Это более чем очевидно.

«Начинайте снова обычную работу, — говорил начальник отдела. — Если нужно— и пять раз, и десять». Сабадош был тогда начинающим.

Майор Сабадош весит шестьдесят один килограмм. Его тонкие светлые волосы еще не седеют. За день он выкуривает пятьдесят сигарет. А сейчас — и больше.

Время. Пока не проверят все заново. А пока вдруг что-нибудь да случится.

На этот раз майор Сабадош не рассчитывал на время. Сам не знал, почему.

— Кто у нас тут есть?

— Директор музея и пештский специалист, которого вы вызвали, товарищ майор. И дежурный по залу. Он говорит, что-то заметил.

— Сколько ему лет?

— Около семидесяти.

Майор вытирает потный лоб.

Если на улице кто-нибудь попадает под машину, десять свидетелей расскажут об этом каждый по-своему.

А тут старик, который что-то заметил.

— Пригласите работников музея.

Директор музея — худощавый молодой человек. Очки — четыре диоптрии. Он передвигается неуверенно.

Он закончил университет шесть лет назад.

Просит прощения за свой срывающийся голос. Это он нашел трупы.

Столичный специалист, невзирая на жару, был в пиджаке и при галстуке. Он не видел трупов.

Майор Сабадош интересуется стоимостью украденных статуэток.

Директор в отчаянии разводит руками. Он археолог, а не искусствовед. Не имеет понятия.

Специалист поправляет галстук. Осознает тяжесть ответственности. Откашливается.

— Я участвовал в отборе экспонатов выставки. Поэтому я кое-что знаю. Безусловно, надо посоветоваться с коллегами. Я специалист по египетской терракоте.

— Тогда расскажите что-нибудь о ней.

— Думаю, что не будет ошибкой, если я обобщу. Естественно, мои выводы нуждаются в проверке.

Снова откашливается.

— Эта выставка характерна тем, что ни один из ее экспонатов не обладает индивидуальной ценностью. Например, известно много тысяч терракотовых статуэток. Один экземпляр нелегко отличить от другого. Это не Мона Лиза и не Рембрандт. Выражаясь современно, это скорее продукция художественных промыслов. Хотя, собственно, это и не ремесленные изделия. Это относится и к индийским, бирманским и мексиканским статуэткам. Это мое некомпетентное мнение.

— То есть установить стоимость этих экспонатов намного проще, чем всемирно признанных картин?

— Безусловно.

Вахмистр подает майору напечатанное на машинке сообщение: «Утром из Венгрии выехало свыше шестисот иностранцев». Потом шел список.

Майору Сабадошу известно, что украденные экспонаты весят около сорока килограммов. Маловероятно, что их попытаются вывезти из страны самолетом или поездом. Да и машиной тоже рискованно.

— По вашему мнению, сколько стоят похищенные экспонаты?

Сабадош специально интересуется общей суммой. Он знает, что директор об этом понятия не имеет и пожалел его. Он еще помнит, как сам впервые увидел убитого.

Столичный специалист поправляет галстук.

— Любая оценка с моей стороны безответственна. Я же сказал, что моя специальность — это египетская терракота.

— А какова ее стоимость?

Специалист прочищает горло. Он вел в университете факультатив.

— Ну, видите ли... Стоимость этих изделий скорее духовная. Они редко попадают на рынок. Они принадлежат в основном музеям либо известным частным коллекционерам.

Рубашка на майоре Сабадоше насквозь мокрая. Дело становится все более безнадежным.

Ему хотелось, чтобы перед ним сидел не один специалист. Хотя и этот — специалист. И даже нужный.

— Назовите сумму.

— Вообще-то мы получаем каталоги аукционов. Двадцать одна египетская статуэтка. Что вам сказать? Мое некомпетентное мнение...

— Хотя бы приблизительно.

— Миллиона четыре. Но я ведь предупреждал...

— А остальные?

— Тут необходимо мнение специалистов. Я не имею права высказываться от имени коллег.

— Восемь музеев предоставили нам свои экспонаты, — вмешивается в отчаянии директор. — Этого мне не простят.

Майор Сабадош не спрашивает, кто ему не простит.

Директор проклинает тот миг, когда ему пришла в голову эта идея. Никто не знает, что это он прочитал в одном английском журнале: «Маленькие статуэтки большого мира».

Жара невыносимая.

— Прошу вас, — настаивает Сабадош. — Это не аукцион и не художественная экспертиза. Это убийство с ограблением. Я хотел бы знать хотя бы приблизительно стоимость похищенного.

Специалист почувствовал себя здесь самой важной персоной.

— Ну, что ж... Но без ответственности... Я подчеркиваю.

И замолчал.

Майор Сабадош ожидает.

Профессионал не спешит.

— Может, тридцать миллионов...

Майор Сабадош вздыхает.

— Я подчеркиваю, это теоретическая цена. Что касается черного рынка, то я не имею понятия.

— Убиты два человека, — переживает директор. Заламывает пальцы. — Два человека. Понимаете, товарищ майор?

Директор весь в поту, как и Сабадош.

— Дежурный по залу, — докладывает старший лейтенант Гали.

Музеологи уже ушли.

— Пусть заходит.

Это коренастый невысокий человек лет семидесяти. Редкие, седеющие волосы зачесаны набок. Пышные усы.

Он кажется спокойным.

— Что вы хотите рассказать? — спрашивает майор Сабадош.

— Вы не будете протоколировать?

— Пока что нет. Побеседуем.

— Это неправильно, — замечает дежурный. — Все, что я скажу, нужно занести в протокол.

— Пусть так.

Майор Сабадош утомлен. Слишком жарко.

— Накануне убийства в музее побывали два подозрительно одетых типа. По моему мнению, есть серьезные основания подозревать их в совершении преступления.

Майор Сабадош откидывается в неудобном директорском кресле. В своей жизни он встречал немало свидетелей, которые якобы владели ключом к тайне.

Встречались и такие.

Но очень редко.

— Я работаю с десяти утра до двух. Как пенсионер. С двух до шести дежурит мой коллега Геце. Тоже пенсионер.

— Можно закурить? — спрашивает дежурный по залу.

Сабадош рассеянно кивает. Что-то привлекло его внимание.

— Двое подозрительных вошли ровно в одиннадцать.

Майор следит за словами, которые употребляет дежурный.

— Один вызывал подозрение тем, что не смотрел на экспонаты. Он обследовал стены, двери, окна.

Майор Сабадош выжидает.

— Видите ли, суть изобразительного искусства — это форма и цвет. Второй подозрительный тип был в солнцезащитных очках. Они закрывали половину лица. Стекла ведь темные.

Похоже, эти очки возмущают дежурного.

— Вы не смогли бы описать их подробнее?

— Естественно. Один из них коренастый, лысеющий, ему за пятьдесят. В коричневых сандалетах, бежевых камвольных брюках, белой нейлоновой рубашке. Слева вверху золотой зуб.

Майор Сабадош уже не ощущает усталости.

— Тот, что в очках, — высокий, сантиметров 190, спортивный, в джинсах, волосы чуть тронуты сединой, кеды, ярко-голубая рубашка, характерный орлиный нос.

Майор Сабадош набирает номер. Вызывает главное управление.

— Пришлите сюда художника. Оперативной машиной.

— Вы за всеми так следите? — спрашивает он дежурного.

— С вашего позволения, это моя обязанность.

Майор Сабадош кивает. Да, это его обязанность.

— За это мне платят, — говорит дежурный.

— «За это ему платят», — повторяет мысленно Сабадош.

— И к тому же, чем-то ведь нужно человеку занять время.

— Кем вы работали перед выходом на пенсию?

— Сторожем на газовом заводе.

— А раньше?

— Водителем, там же. До сорок шестого года был инспектором Главного управления полиции.

Дежурный с пышными усами спокоен.

— Я занимался только уголовниками. Политическими — никогда. Меня уволили по сокращению штатов.

Жара невыносимая.

Майор Сабадош полагает, что сейчас лучше не углубляться в подробности прошлого.

— Вы давно работаете в музее?

— Восемь лет. Как пенсионер. Но здесь никогда ничего подобного не случалось.

Майора Сабадоша дважды забирали в главное управление. Тогда он еще был учеником в типографии. Его там так избили, что он несколько дней заикался.

Теперь он не имеет ничего против встречи с бывшим следователем.

■ Йован Киш велел Милану Давчеку ежедневно ожидать его с четырех до пяти на

пляже «Палатинус». При плохой погоде — в то же время в «Гранд-отеле».

В первый день Йован Киш не поехал на остров Маргит.

Он знает, что Давчек может уехать в любой момент. Заграничный паспорт у него в кармане.

Знает он и то, что Давчек его боится.

Ожидание хуже всего. Киш пытается держать себя в руках. Но нервничает.

Утром он полчаса бегает, принимает душ, выезжает на «Пустельге» за город, забрасывает удочки, много плавает, часами лежит неподвижно на солнце.

На лодочную станцию он возвращается еще более взвинченным.

Покупает газеты. Об ограблении и убийстве в Сентэндре — никаких сообщений.

Внезапно ему представляется, что оба трупа с тех пор так и лежат на коричневой двухспальной кровати.

На следующий день он выставляет на солнце матрасы, постельное белье. Старательно протирает моторы. Смазывает инструменты. Полтора часа изучает карту Дуная.

Вечереет. Киш наливает двойную порцию рома. Размешивает. Откидывается на сиденье из темно-зеленой искусственной кожи.

Рядом с причалом проносится кильбот. Двое парней на веслах. Девушка за рулем. На носу лодки в нейлоновом мешке сложены их вещи.

На середине Дуная громыхает советский буксир. Он толкает перед собой четыре баржи. Волны раскачивают «Пустельгу».

После семи на сходни ступает девушка в белом.

Киш обещал ей позвонить.

Не позвонил.

Киш выпил напиток. Его взвинченность спадает. Он знает, что только благодаря алкоголю.

— Привет, — здоровается девушка.

— Привет, — отвечает Киш.

Вдоль берега выстроились тополя.

— Я не помешаю?

Девушка стояла на сходнях, Киш не поднялся с сиденья.

— Впору бы напиться.

— В одиночку?

Перед отплытием Киш готовит еще одну порцию.

Он так резко дает газ, что «Пустельга» высоко задирает нос.

Девушка смеется, держит в руке его бокал.

Киш дергает руль. Врезается в собственные волны.

«Пустельга» почти взлетает над водой и снова падает.

Снова взлетает и снова падает.

Коктейль выплескивается девушке на костюм.

Она и сейчас в белом.

— Божественно, — смеется она.

Йован Киш с детства мечтал о лодке. Потом вспыхнула война.

Киш снова готовит коктейль.

Ночь звездная. Белый костюм девушки выделяется в темноте. Потом появляется месяц.

— Я так и не узнал, кто убил моего отца.

Девушка в белом вздрагивает.

Вечер теплый.

— Я просил, чтобы дело передали мне. Я тогда был старшим лейтенантом. В уголовном отделе, не в политическом. Не дали.

Киш чувствует, что пьянеет. Зачем он заговорил об этом?

Дунай темен.

— Выпьешь еще?

Девушка смеется.

— Опьянею.

Йован Киш усмехается.

— В такой вечер только и напиться.

— Тогда наливай.

Кубики льда позвякивают в бокалах.

— Мне запретили разыскивать убийц отца.

Йован Киш швыряет свой бокал в воду.

Эта девушка наверняка никогда не видела убитых.

— Немцы схватили Стояна в декабре. Я ничего не мог сделать. Они стреляли из двух пулеметов.

Свист пуль. Влажная листва, в которую он зарылся лицом.

— Мы были вдвоем против их взвода. Мы попали в западню.

Откуда ей знать, что такое взвод?

— Его нашел старый крестьянин. На груди была вырезана пятиугольная звезда. Зубы выбиты. Мошонка раздавлена.

— Замолчи, — просит девушка.

— Через три дня мы захватили двух фрицев. Один из них кричал, что он социал-демократ.

Знает ли эта девушка, что такое социал-демократ?

— Я выколол ему глаза. Ножом.

— Замолчи!

Девушка в белом нагибается над поручнем. Ее тошнит.

Йован Киш выключает моторы. Мочит полотенце.

Вытирает девушке лицо.

Готовит коктейль.

Он уже трезв.

Девушка с отвращением отталкивает бокал.

Киш бьет ее по щеке. Слегка, открытой ладонью, чтобы не было больно.

— Выпей. Это помогает.

Девушка пьет. У нее стеклянные глаза.

Йован Киш легко поднимает девушку на руки. Несет в каюту. Растегивает на спине молнию. Срывает измятый белый костюм.

Девушка спит. Киш укрывает ее.

Он тоже раздевается. Ночь тепла. Становится на якорь вдоль берега. Прыгает в Дунай вниз головой. Сильное течение. Едва смог вернуться на «Пустельгу».

Он вытирается. Принимает снотворное. Ложится рядом с девушкой в спальной каюте.

Тела у девушки нет.

Киш мгновенно засыпает.

— Один из них — Милан Давчек,— докладывает старший лейтенант Гали.— Пять-

десят два года, гражданин Югославии, житель Белграда. Проживает в гостинице «Мир».

— Ты уверен, что это он?

— Да. Швейцар узнал его на условном портрете. Показали его и дежурному. Клянется, что это он.

— Звонил в Белград?

— Я продиктовал им данные. Обещали ответить в пределах часа.

Комнатный вентилятор перелопачивает воздух. Жара. Письменный стол, стулья из гарнитура, сейф. На стене — вид Балатона, написанный маслом. Сабадош любит картины.

— Чем занимается этот Давчек?

— Тем же, что и остальные туристы. Бродит по городу, фотографирует, загорает.

— Сколько человек следит за ним?

— Трое, на машине.

— Удвоить.

Через двадцать минут раздается звонок из Белграда.

— Я говорю от имени подполковника Вукетича, — сообщает кто-то по-венгерски. — Милан Давчек был трижды судим за грабеж со взломом. На протяжении нескольких лет не вызывает никаких подозрений.

— Профессионал?

— Он всегда проходил по крупным делам. Даже тогда, когда нам не удалось доказать его вину. Специалист по решению особо сложных технических задач.

Бандитам из Сентэндре не требовались особые технические познания.

— Давчек никогда не участвовал в делах с применением насилия.

В музее убиты два человека. Преступник, которому за пятьдесят, не меняет своих привычек. Еще меньше, чем другие люди.

Это профессия.

Майора Сабадоша уже не смущает, что все это не складывается в картину. Пусть соберутся факты. Если бы не дежурный служитель, они бы до сих пор блуждали в потемках.

— А второй?

— По описанию установить не можем. Еще исследуем.

Это не совсем правда.

Подполковник Вукетич знает кое-кого, кому это описание соответствует. Хорошо знает. Йован Киш был его подчиненным.

Он знает, что Киш пересек венгерскую границу. Это он отдал приказ осмотреть его лодку.

Подполковник Вукетич четыре года выслеживает Йована Киша. Безрезультатно.

Он решает пока об этом венгров не информировать.

— Приставьте к нему не две машины, а три, — обращается майор Сабадош к старшему лейтенанту Гали. — Включить в группы наблюдения и женщин.

Йован Киш отправляется на «Палатинус» только на третий день.

Жара не спадает. Пляж переполнен. Между деревьями воздух застыл.

Он здоровается с Давчеком, как со старым знакомым. Расстилает рядом с ним свой голубой купальный халат. Лицо Давчека блестит от крема. Он очень взволнован.

— С меня хватит! Смотаемся, пока не поздно.

— Тихо! — приказывает Киш.

Давчек не решается сказать, что за ним, кажется, следят.

Минут двадцать они лежат рядом. Давчек обливается потом.

Киш приглашает Давчека пропустить стаканчик в «Гранд-отеле».

Он замечает, что по бетонной пешеходной дорожке, окаймленной кустами, за ними идет какой-то парень. В джинсах, голубой рубашке, в руках свернутая газета.

Отойдя от пляжа метров на двести, Йован Киш неожиданно останавливается.

— Посмотри, какие платаны!

Давчек не понимает, почему Киша интересуют платаны.

— В Уйвидеке платановая аллея вела к Дунаю. Во время войны ее вырубили. Не было топлива.

Киш видит, что парень тоже остановился. Обмахивает бедра газетой. Осматривается.

«Не очень-то он находчив», — думает Киш.

— Вы всегда думаете о войне, — говорит Давчек.

Йован Киш кивает.

В самом деле. Всегда.

У следующего перекрестка парень сворачивает. Из-за кустов выходит женщина средних лет, в темных очках.

Через двести метров Киш снова останавливается. Он ищет сигарету в нагрудном кармане. Ищет довольно долго.

Женщина в темных очках тоже останавливается. Что-то ищет в своей сумочке.

«Эта более сообразительна», — думает Киш.

Теперь он уверен в том, что за ними следят.

Все его мускулы напрягаются. У «Гранд-отеля» женщина в очках исчезает. Появляется приземистый мужчина с брюшком. На шее у него фотоаппарат.

Киш выбирает такой столик, чтобы толстяк не оказался поблизости.

Он никак не может сообразить, где они допустили ошибку.

Он уверен в том, что следят не за ним.

Значит — за Давчеком.

Кто-то описал их внешность. Весьма точно. Поэтому разыскали живущего в отеле Давчека.

Кто же мог их видеть? И когда?

Этого Киш не знает.

Обычного наблюдения быть не могло. Ошибка — в судимостях Давчека. Тут слишком большая толчея. И как раз теперь?

Он ведь и убил двоих для того, чтобы некому было их описать. Йован Киш неистовствует. Лицо у него неподвижное. Фарфорово-голубые глаза холодные. Он отлично знает, что убийцу двух человек разыскивают иначе, чем грабителя.

Если сказать об этом Давчеку, лысый перепугается. А не сказать — он сотворит еще какую-нибудь глупость.

Пусть лучше струхнет.

— За нами хвост, — сообщает Киш как бы между прочим.

Они рассуждают о том, в какую пору года лучше клюют карпы.

Давчек вытаращил глаза.

— Следят за вами.

— Я это почувствовал, — подтверждает Давчек, сильно потея.

Охотнее всего Йован Киш придушил бы его. Почему он, скотина, не предупредил об этом?

— Я выхожу из игры, — решается Давчек. — Я больше не выдерживаю.

— Пожалуйста, — позволяет Йован Киш. — Выходите. Отправляйтесь в Вену. Увидите, как далеко сможете добраться.

Давчек задыхается.

— Что же делать?

Голос у него покорный.

— Допивайте кофе. А я подумаю.

Толстяк с фотоаппаратом сидит в десяти метрах от них. Он не может слышать, о чем они говорят.

— Сейчас возвращайтесь в отель, упакуйте вещи, оплатите счет, берите такси и отправляйтесь на Восточный вокзал. Не пытайтесь избавиться от хвоста. Чемоданы сдайте в камеру хранения. Купите билет на венский экспресс, он отходит завтра утром. После этого — ко мне на «Пустельгу».

— Мои данные сообщат пограничникам.

— Но вы же поедете не в Вену. И не поездом.

Киш закуривает.

— Ночью мы на «Пустельге» спокойно очутимся в Югославии. Там раздобудем документы.

Милан Давчек таращит на него глаза. Он преклоняется перед Йованом Кишем.

Лицо у Киша жесткое. Он курит сигарету.

— Установлен и второй, — сообщает майор Сабадош переводчику.

Он вызывает подполковника Вукетича из белградского главного управления.

Йован Киш, пятидесяти одного года, гражданин Югославии, житель Белграда. Прибыл в Будапешт моторной лодкой. На ней и проживает.

Вукетич долго молчит. Не может решить, правильно ли он сделал, не сообщив венграм о Кише.

— Передайте товарищу майору, что мы немедленно выезжаем машиной. Прошу подождать нас на границе.

Переводчик сообщает.

— Чем они сейчас занимаются? — спрашивает Вукетич.

— Давчек рассчитался в гостинице, сдал чемоданы в камеру хранения, купил билет на венский экспресс. Потом появился на лодочной станции. Полчаса назад они с Кишем отплыли.

Вукетич чуть не взвыл. Теперь он уже знает, что допустил ошибку.

— Задержите их! Как угодно.

— Это невозможно. Его катер быстроходнее. Они исчезли.

— Киш его убьет, — предупреждает подполковник Вукетич.

Сабадош не отзывается. Он знает, что такое бессилие.

Вукетич открывает сейф. Достает две пачки патронов. Побыстрее! — приказывает он капитану Штоцу.

Капитан изумляется. Он еще никогда не видел подполковника таким расстроенным.

Не в лучшем состоянии и майор Сабадош.

— Неужели нельзя их догнать? — спрашивает он у старшего лейтенанта, сидящего в углу.

Его откомандировали в главное управление из речной полиции.

— Только на гоночном судне. Днем — вертолетом. Ночью можно только вести наблюдение.

— Каким образом?

— Нужно расставить посты на обоих берегах, через пять километров. Они услышат шум мотора. На расстоянии определят, где он бросит якорь. Затем по рации на ультракоротких волнах вызовут речную службу.

— А если они не остановятся?

Старший лейтенант пожимает плечами.

— Организуйте, — приказывает майор Сабадош старшему лейтенанту Гали.

— Не хватает людей.

— Утром я поговорю с шефом.

— Используете радар? — спрашивает Сабадош у офицера речной полиции.

— Если останутся под прикрытием берега, он ничего не даст.

«Утром здесь будут югославы», — думает майор Сабадош.

Киш его убьет, предупредил подполковник Вукетич.

Единственного свидетеля.

Сабадош сознает, что может рассчитывать только на свою удачу.

Но он не верит в удачу.

Ночью он ничего не может предпринять.

Он это знает.

До совершения преступления за ними не следили. Йован Киш в уме анализирует факты, будто ведет протокол допроса.

Он был ведь офицером уголовного розыска. Очень долго.

На них обратили внимание или во время осмотра местности, или в ту ночь.

Кадр за кадром Киш мысленно прокручивает с ускорением события того дня.

Ночью они не встретили никого. Их могли увидеть из какого-нибудь окна.

Маловероятно. Если бы заметили ночью, не смогли бы дать настолько точное описание, что Давчека нашли в течение дня.

Осмотр местности. На улицах было много людей.

Не может быть. За ними не следили.

В музее было лишь несколько человек.

Йован Киш напряженно размышляет.

Хорошо было бы выпить стаканчик.

Но он не наливает.

Американцы, супружеская пара. Худощавый молодой мужчина, который искал в каталоге каждый экспонат. Женщина с двумя детьми. Очень надоедливыми. Супруги среднего возраста. Муж старательно что-то разъяснял жене. Из того сорта людей, которые все и обо всем знают.

Кто еще?

Киш раздумывает.

Нет. Билеты им давала жена смотрителя. Ее уже нет в живых.

Дежурный в зале. Невзрачный старикашка. Он вроде бы дремал.

Собственно говоря, все равно.

Но Йован Киш хочет знать.

Не знает.

Вероятнее всего, это дежурный смотритель зала.

Но это лишь предположение.

В свое время он убивал из-за менее значительных подозрений.

Сто процентов.

Что могут о них знать?

Скорее всего, ничего. Иначе их бы уже взяли.

Два трупа. В таких случаях ни одна полиция в мире не колеблется.

У них есть описания внешности. Теперь уже и его, Киша.

Но никаких доказательств.

Коробки не найдут. А если и найдут — отпечатков пальцев там нет. Следов обуви тоже.

Подозрение — это еще не доказательство.

Даже самое обоснованное.

Есть только одна улика.

Давчек.

Милан Давчек появился, когда уже стемнело. На берегу Йован Киш не замечает никого.

Он знает: это еще ничего не значит. За ними могут следить из дома на любом берегу.

— За вами следили?

— А как же. Трижды сменяли друг друга.

«Большая суматоха», — прикидывает Киш.

Он не удивляется.

Теперь его интересует не полиция.

Он запускает моторы. Отшвартовывается.

Их преследуют две моторки. Без бортовых огней.

Йован Киш ухмыляется.

Он тоже не включает огни.

Через двадцать минут лодки отстают. Не слышен даже шум их моторов.

С Давчека градом льется пот.

Йован Киш этого не видит. Он чувствует. Он не отходит от руля. Гонит катер.

Кругом тишина. Только вода шипит.

— Выпьете чего-нибудь?

Во рту у Милана Давчека пересохло. Слюны нет.

Сотни раз он проклинал тот день, когда Йован Киш сел рядом с ним в белградской кофейне.

— Только не спиртного.

— Подержите руль.

Йован Киш встает с сиденья.

— Держите на мигающий зеленый сигнал. И не наложите в штаны. Утром будем дома.

Давчек радуется.

Пробирается к рулю, берется за него.

Йован Киш сзади охватывает его за шею. Пальцы сжимают Давчеку горло. Давят на гортань.

Удар. Тело Давчека дергается.

Потом затихает.

Голова падает на руль.

Йован Киш выключает моторы.

Нож из сердца Давчека не вынимает...

Достает из шкафа тампон.

Осторожно вытаскивает лезвие из груди Давчека. Прижимает рану тампоном. Зубами отрывает лейкопластырь.

Не хочет, чтобы в лодке остались следы крови.

Раздевает лысого. Лодку несет течением. Раздевается сам.

Завязывает новый нейлоновый мешок. Продырявливает его, утяжеляет шестикилограммовой свинцовой трубой.

Из моторного отсека вытаскивается большой якорь.

Двадцать пять килограммов.

Привязывает его шестимиллиметровым синтетическим шнуром к голому телу Давчека.

Запускает моторы.

На середине Дуная бросает мешок с одеждой в воду. Тут сильное течение.

Поднимает тело Давчека с якорем. Надо поднатужиться.

Раньше он легко поднимал центнер.

Время идет...

Он перебрасывает Давчека через поручни. Тело с шумным всплеском исчезает в воде.

Его тянет двадцатипятикилограммовый якорь.

Йован Киш следит за ним взглядом.

Не так он планировал.

Еще затемно он возвращается на лодочную станцию. Включает бортовые огни.

Он не осматривается. И так знает, что за ним следят.

Теперь он готовит себе коктейль. Запить снотворное.

Голым укладывается в постель.

Ночь тепла. Предстоит жаркий день.

Майор Сабадош сам едет на границу навстречу подполковнику Вукетичу.

На этом экономит три часа.

Вукетич похож на двухметровую мясную башню. Однако очень подвижен. Череп у него гладкий, как бильярдный шар.

— Тайна Йована Киша.

Вукетич зажигает сигару. Толстую кубинскую сигару.

— Он был партизаном. Специально подготовленным разведчиком. Высочайшей квалификации, согласно характеристике. С примечанием: отважен до дерзости. Опасность для него не существует. В ближнем бою он обезвредил более сотни фашистов. Всю его семью уничтожили в Уйвидеке.

— После победы его направили в полицию. Он был точно таким, как написано в характеристике. Только уголовная полиция

это не разведывательный отряд. А карманные воришки — не эсэсовцы.

— Захватить вооруженного убийцу — это он любил. Но работал он не в группе по расследованию убийств.

— Все свободное время он проводил в спортивных залах. Он плавал, занимался дзю-до, поднимал тяжести, стрелял в цель. На пари мог выстоять против четверых. Он был непобедим.

— Первый сердечный приступ случился с ним в моем кабинете. Во время утренней пятиминутки.

— Я думал, он не выживет. Лицо посерело. Пот лил градом. От боли он до крови покусал себе губы.

— Через год снова инфаркт. Пришлось идти в отставку.

Вукетич заново разжигает сигару.

— Целый год я ничего не слышал о нем. Потом иногда мы встречались в спортзалах.

— В связи с ограблением загребского банка выплыла кличка «Инспектор». Об этом сообщил один из наших информаторов. Описание напоминало Йована Киша.

— Мы следили за ним. Безрезультатно.

— Он выиграл главный приз в лотерею. Купил катер.

— Затем ограбление банка в Уйвидеке, ювелирного магазина в Загребе.

— Никаких улик против Киша. Никогда. Всегда лишь одни подозрения.

— Потом в Задаре выкрали человека.

Вукетич тушит сигару. Табачные листья хрустят в пепельнице.

— Выкрали итальянского промышленника. Он с семьей отдыхал в Задаре.

— Ночью позвонили в отель его жене. Сумма выкупа — пятьсот тысяч долларов. Больше ничего не сказали.

— На следующий день женщина получила письмо. В нем — прядь волос ее мужа.

— Вне всякого сомнения, это были его волосы. Черные, вьющиеся, жесткие, как пружина.

— Затем по телефону ей приказали поехать с деньгами в Муртер. Остановиться в отеле «Звезда».

— Разговор был таким коротким, что мы не смогли их засечь.

— Ночью ей позвонили в отель. Приказали немедленно отправиться на гостиничном катере на один из безлюдных Корнатских островов. Если будет слежка — мужа убьют.

Подполковник Вукетич вздохнул.

— Вы знаете Корнатские острова? Это даже и не острова, а рифы большей или меньшей высоты. Настоящий лабиринт.

— Мы плыли за катером на расстоянии двадцати километров. И четыре вертолета.

— На одном из рифов подавали сигналы фонариком.

— Рулевого они убили, как только он сошел на берег. У женщины отобрали деньги, ткнули ей в лицо вату с хлороформом.

— Когда мы туда прибыли, она спала. И муж тоже, от инъекции. Он был еще и связан.

— Он ничего не помнил. Знал только, что его кормили. Припоминал еще шум мотора, плеск моря, шелест волн.

— Глаза у него были заклеены лейкопластырем.

Вукетич снова зажег сигару.

— А вы знаете, что общего между Загребом, Новисадом и Задаром?

Майор Сабадош молчит.

— Все они расположены на берегу — Савы, Дуная, Адриатики.

— В двух случаях нам удалось установить, что во время совершения преступлений Йован Киш был со своим катером на воде. И в случае с итальянцем тоже. Он отправил свою лодку в Дубровник поездом.

— Сентэндре тоже на берегу Дуная, — замечает майор Сабадош.

Вукетич кивает головой. Смотрит на карту.

В главном управлении их ожидает старший лейтенант Гали.

— Йован Киш вернулся на лодочную станцию в три часа утра. Сам. С тех пор из каюты не выходил.

— А Давчек?

— Исчез. В отель он не возвращался. Вещи не забирал. Венский экспресс под наблюдением.

— Это уже излишне, — комментирует подполковник Вукетич.

Майор Сабадош замечает, как побледнел подполковник. Но он не видит, как бледен он сам.

Он не спрашивает, почему теперь излишне наблюдать за венским экспрессом.

— Что вы собираетесь делать? — спрашивает подполковник Вукетич.

— А что бы вы предприняли?

Сабадош не хочет перекладывать на него ответственность. Он просто доверяет этому спокойному, мощному человеку.

— Милан Давчек исчез. Последний раз его видели в обществе Йована Киша. Нужно задержать Киша и допросить.

Он вытирает лоб. Жара.

— Он вам тут же расскажет, где, когда и почему высадил Давчека на берег. Свидетеля у него не будет. Но и у вас не будет свидетеля против Киша.

Молчание.

— Можно взглянуть на карту Дуная? — попросил подполковник.

Старший лейтенант Гали тут же подает карту. Со времени убийства она находится в кабинете Сабадоша.

Подполковник Вукетич долго ее изучает. Потом сворачивает.

— Если вы хотите найти статуэтки, придется обследовать по меньшей мере двести километров береговой линии. Метр за метром. В том случае, если они еще на территории Венгрии. У вас хватит на это людей?

Излишний вопрос.

— Даже если вы их обнаружите, это будет только ваш трофей. Не будет ни одной улики, которая свидетельствовала бы против Киша, это я вам твердо обещаю.

— Нет надежды, что на лодке найдутся какие-то следы?

Вукетич кладет в пепельницу погасшую сигару.

— Десятки раз я осматривал катер Киша. Осмотрите и вы, пока тут его будут допрашивать. Когда-нибудь и он допустит ошибку.

Это говорит офицер полиции, не Вукетич, Вукетич не верит, что Йован Киш ошибется.

— Вы останетесь здесь на допрос?

Вукетич отрицательно качает головой.

— Я возвращаюсь в Белград. Посоветуюсь с шефом.

— Зачем?

Подполковник Вукетич пожимает плечами:

— Там будет видно.

Йован Киш просыпается в ту самую минуту, когда двое сыщиков подходят к причалу.

Он выглядывает из-за оконной занавески.

Снова ложится.

Он уже ждал их.

Знал, что за ним придут.

Старший лейтенант Гали в замешательстве. Он не знает, нужно ли на лодке стучать в дверь. Он ступает на палубу и стучит.

— Кто там? — слышится через некоторое время сонный голос Киша.

Старший лейтенант открывает дверь. Она не заперта.

Киш приподнимается в постели:

— Что вам здесь нужно?

Старший лейтенант Гали протягивает свое удостоверение.

— Полиция. Вы Йован Киш?

— Подождите минутку.

Киш сбрасывает с себя пушистое одеяло. Голым идет в жилую каюту. Как будто и не стоят здесь двое посторонних.

Открывает шкаф. Достает купальный халат. Одевается.

Только теперь он заглядывает в удостоверение старшего лейтенанта Гали.

— Я Йован Киш. Что вам нужно?

— Прошу пройти с нами в главное управление.

— По какому делу?

— Об этом лучше поговорим там.

Йован Киш ухмыляется. Старший лейтенант Гали поражен голубизной его глаз.

— Вам, очевидно, известно, что я гражданин Югославии. Я имею право обратиться в наше посольство.

— Естественно. Но, по моему мнению, из-за какого-то разговора нет смысла создавать официальные затруднения.

Голос Йована Киша звучит резко:

— Это буду решать я. И если я не знаю, по какому делу вы хотите меня допросить, я не в состоянии решить, следует ли мне обращаться в посольство.

Старший лейтенант Гали задумывается.

— В посольство ведь можно позвонить и из управления.

Йован Киш не раздумывает. Он уже мысленно проиграл до конца весь этот разговор.

— При условии, что я пойду с вами.

Старший лейтенант Гали молчит.

— Подождите, пока я оденусь, — говорит Йован Киш.

Он считает излишним дальнейшие проволочки.

Необходимые он уже использовал.

— Вас допрашивают по делу об исчезновении Милана Давчека, — поясняет майор Сабадош.

Комната на третьем этаже. На окне толстая решетка. Внизу на улице грохочут машины.

Фарфорово-голубые глаза Йована Киша встречаются с карими глазами майора Сабадоша.

— Расскажите, пожалуйста, когда и где вы впервые встретились с Миланом Давчеком.

— Дней пять тому назад. На пляже «Палатинус».

— Попрошу поточнее.

Йован Киш морщит лоб. Как будто вспоминает.

Он внимательно осмотрел комнату. Тут бить не будут.

Он точно не знает, боится ли он побоев. Он столько лет сражался и служил, но никто никогда его не бил.

— Сегодня вторник, не так ли? Значит, в четверг. В прошлый четверг, после полудня.

— Прежде вы его не знали?

— Нет.

— Вы уверены?

— Абсолютно.

Это первая ложь Йована Киша.

Он допрашивал сотни людей. Нелегко было установить, когда они обманывают. Если только не было улик.

Йован Киш ухмыляется.

У этого сыщика улик нет.

— Как вы с ним познакомились?

— Я спросил, свободно ли место рядом с ним. Естественно, по-венгерски. Давчек ответил мне по-сербски. Оказалось, что мы оба из Белграда. Я пригласил его выпить в «Гранд-отеле». Оказалось, что он страстный рыболов. Я предложил ему запасные удилища. Мы договорились на следующий вечер вместе порыбачить.

— Почему только на следующий?

— Потому что на тот вечер у Давчека был билет на какой-то бит-концерт.

— Давчек любил бит-музыку?

Йован Киш и внимания не обращает на прошедшее время.

— Не имею понятия. Я не настолько знаю его.

Он говорит о Давчеке в настоящем времени.

— До следующего вечера вы с ним не встречались?

— Нет.

— Вы уверены?

— Абсолютно.

Это вторая ложь Йована Киша. Он отмечает, что майор в обоих случаях переспрашивал его.

— А потом?

— Ничего не поймали.

— Где вы рыбачили?

— В разных местах. Возле острова Сентэндре. У противоположного берега тоже.

— В каком рукаве?

— В сентэндрейском рукаве Дуная.

— И возле Сентэндре тоже?

Йован Киш выжидает. Будто раздумывает.

— Да, и там тоже.

— На берег выходили?

— Нет.

— Вы знаете Сентэндре?

— Я бывал там несколько раз.

— В последние дни тоже?

— Нет.

Йовану Кишу было любопытно: переспросит ли майор и на этот раз, уверен ли он.

Майор Сабадош не спросил.

Ход допроса у него в голове.

Он знает, что иногда нужна импровизация.

— Когда вы встретились после этого?

— Вчера.

— В какое время?

— После обеда.

— Договаривались?

Йован Киш вроде бы припоминает. Он тоже знает сценарий допроса.

— Нет. Но Давчек упомянул, что ежедневно после обеда бывает на пляже «Палатинус». Я подумал, может, он хочет порыбачить.

— Вы всегда рыбачите ночью?

— Нет.

Йован Киш словно усмехается.

— Но по ночам иногда неплохо клюет.

— Вчера вы тоже были в Сентэндрейском рукаве?

— Нет. У Надьтетеня.

— Почему вы не включали бортовые огни?

Йован Киш знает, что за ним следили. Он не хочет показаться наивным.

— Значит, вы следили за Давчеком.

Майор Сабадош пожимает плечами. Закуривает новую сигарету.

— Можно и так сказать. Но вы не ответили на мой вопрос.

— Перегорел предохранитель. Только потом я заметил, что лампы не горят. Тогда я заменил предохранитель.

— Впрочем, — продолжает Йован Киш, — перегоревший предохранитель где-то в лодке. Кажется, на столе.

Майор Сабадош чувствует, что в этой игре ему не победить. Во всяком случае, такими методами.

Майор Сабадош еще никогда не бил подозреваемых.

Может, и бил бы, если бы верил в успех.

Но он не верит, что из этого человека он сможет выбить признание.

— И на этот раз ничего не поймали?

Йован Киш достает сигарету из кармана рубашки. Он не спрашивает, можно ли закурить. Он не обвиняемый.

Он глубоко затягивается. Откидывается на спинку.

— Может, наконец, вы скажете, в чем дело?

Они смотрят друг на друга. Йован Киш и майор Сабадош.

— Я уверен, вас интересуют вовсе не мои рыбацкие успехи.

Майор Сабадош уже убедился, что этого человека смутить невозможно.

Теперь он играет открытыми картами. Относительно открытыми.

— Милан Давчек исчез.

Фарфорово-голубые глаза Йована Киша неподвижны.

— Почему вы так решили? На рассвете он был еще со мной.

— У нас есть основания для такого предположения. Нам известно, что вы его видели последним.

Сабадош закуривает сигарету.

— Именно поэтому я хотел бы знать, где и когда вы его видели в последний раз.

— Я высадил его на берег у шлюза Квашшаи. Около трех утра.

— Почему вы не привезли его назад на лодочную станцию?

Йован Киш молчит. Потом ухмыляется.

— Он сказал, что не любит женщин. Потом взял меня за руку. Мне стало противно. Я высадил его у первого же причала. Пусть пройдется пешком, педераст вонючий.

Майор Сабадош смотрит на Йована Киша. Смотрит ему прямо в глаза. Наконец, решает рискнуть.

— Что бы вы сказали, если бы я представил свидетелей, которые видели вас вместе с Давчеком в Сентэндрейском музее в пятницу перед обедом?

Фарфорово-голубые глаза Йована Киша неподвижны.

— Я сказал бы, что они ошибаются.

Майор Сабадош еще не сдается.

— Вас трудно с кем-нибудь перепутать.

— Оказывается, все-таки можно.

Майор Сабадош знает, что победить не сможет.

— И, конечно же, вы не имеете понятия об ограблении музея в Сентэндре?

Он ожидает. Всегда может случиться чудо.

— И об убийстве двух человек?

— О, господи, — говорит Йован Киш.

Он никогда не верил в бога.

Майор уже твердо уверен, что на чудо рассчитывать нечего.

— В ту ночь, когда вы с Давчеком рыбачили у Сентэндре.

Йован Киш облегченно вздыхает.

—В таком случае это был не Давчек. Он всю ночь пробыл со мной.

«Само совершенство», — думает майор Сабадош. Он ощущает, как кровь бросается ему в голову.

— Возможно, что убийца и не Давчек. На всякий случай я прошу вас не выезжать из Будапешта. Естественно, на лодке тоже.

Майор уже не владеет собой.

— И если хотите, можете заявить протест в вашем посольстве.

■ Подполковник Букетич сидит в огромном кабинете своего шефа. Пригубливает конь-

як. Он говорил минут сорок. Рассказал все, что о Кише знал или предполагал.

Он очень устал.

И не только потому, что две ночи не спал.

Ему нравится коньяк.

Шеф раскрывает серебряную коробку, стоящую на столе. Старательно выбирает сигару.

Коробку оставляет открытой.

В этой комнате все большое.

Может, именно поэтому Вукетич чувствовал себя здесь совсем по-домашнему.

Его мощное тело располагается в огромном кресле.

Он теперь не курит.

— Твои предложения?

— Никаких.

Достает из коробки сигару.

— Я знаю одно: Йован Киш будет снова убивать.

Шеф раскуривает сигару. Вукетичу огонь не подает.

Каждую сигару нужно зажигать отдельной спичкой.

— А что у венгров?

— Ничего не могут сделать. Несмотря на обоснованные подозрения. Никаких улик.

Подполковник Вукетич тоже закуривает сигару.

— Против Йована Киша есть одна-единственная улика. Это он сам.

Затягивается сигарой. Наслаждается ее ароматом.

— Йована Киша никогда не заставят признаться.

— Точно?

Шеф тоже кое-что пережил на своем веку.

— Точно.

— Что мы можем предпринять?

Вукетич наливает себе еще одну рюмку коньяка.

— Вернуться к его старым делам. Последнее закрыто уже полтора года. Мы ничего не смогли доказать.

Отпивает из рюмки.

— Можем установить за ним слежку. На это нужно хотя бы десять человек. И менять их.

Вукетич выпивает остаток коньяка.

— Если Кишу захочется, он все равно сбежит.

Шеф курит сигару. В кабинете полумрак. Лишь на письменном столе горит лампа.

— Ты не переоцениваешь его способности?

— Нет, — отвечает подполковник Вукетич. — Я не преувеличиваю. — Шеф не шевелится. Он сидит в кресле и курит сигару.

— Мы можем подождать, пока не разыщут статуэтки. Но их не найдут. А если даже и обнаружат, они все равно не приведут к Кишу.

— Ты уверен, что это его рук дело?

— Полностью.

— Как ты думаешь, почему он это делает?

Вукетич уже выпил четыре рюмочки коньяка. Сотни раз он задумывался над этим вопросом.

— Не знаю.

— Что ты предлагаешь?

— Нашими методами мы ничего не добьемся. А Киш не остановится. И будет убивать дальше. Сколько понадобится.

Шеф встает. Подходит к огромному окну.

Ярко освещенная улица пустынна. Ни души.

Шеф отворачивается от окна.

— Ты помнишь, что я тебе сказал во время октябрьского отступления?

Во время войны Вукетич был командиром батальона.

Подполковник молчит.

— Бывает, что любой приказ не имеет смысла.

Вукетич выбирается из кресла. Оставляет сигару в пепельнице.

Он очень утомлен.

Во время октябрьского наступления Вукетич получил приказ действовать на свое усмотрение.

Он проспал в машине весь путь от Белграда до Будапешта.

— Я прошу вот о чем, — говорит он майору Сабадошу. — Когда я появлюсь на причале, отзовите своих наблюдателей.

Он закуривает сигару. Майор — сигарету.

— Сообщите пограничникам, что мы с моим коллегой пересечем границу на катере Йована Киша. Еще этой ночью.

— А Йован Киш?

Подполковник Вукетич молчит.

Затем отвечает:

— С ним у вас больше не будет хлопот.

Глаза у майора Сабадоша воспалены от бессонницы.

— Я обязан доложить об этом своему начальству.

— Разумеется.

В это время идет обыск на «Пустельге».

Никаких следов.

Ножи отправляют в лабораторию. Следов крови нет. Лезвия похожи, но не совпадают с колотыми отверстиями на теле жертв.

Майор Сабадош знает, что может задержать Йована Киша когда угодно.

Но его не осудят.

Нет улик.

Возвратившись из главного управления, Йован Киш раздевается в каюте. Натягивает плавки. Двадцать минут плавает в Дунае.

Знает, что здесь купаться запрещено. Это его не интересует.

Вода приятно прохладная.

Он не вытирается. Мокрым ложится на крышу каюты.

Жарко.

На берегу стоят белые «Жигули» с открытыми дверцами. В машине — трое.

Киш не обращает на них внимания.

Он еще раз продумывает все до конца. Извлекает из памяти самые незначительные подробности.

Пеларгонии на окне.

Смеющаяся девушка перед собором.

Продавец мороженого.

Олеандр в зеленой кадке.

Только смотритель зала.

Следователь сказал, что их видели несколько человек.

Это блеф.

При наличии даже двух свидетелей устроили бы очную ставку.

Если его сведут с дежурным смотрителем, он будет отрицать все.

Что еще известно полиции? Что он в эту ночь был вместе с Давчеком. Как и тогда, когда Давчек исчез.

Это уже больше, чем подозрение.

Но и не улика.

Алиби у него нет.

Единственный человек, который мог бы подтвердить или опровергнуть алиби Йована Киша, уже не скажет ничего.

Он убежден, что в музее они отпечатков не оставили. А коробки не найдут.

А если и найдут?

Нож, одежда, паяльник лежат на дне Дуная.

Коробки не сознаются. Как и статуэтки.

Солнце печет. Плавки высыхают прямо на теле.

Он спускается по лесенке в воду. Долго плавает. Потом снова забирается на крышу каюты.

Белые «Жигули» стоят на берегу.

Если его арестуют, он не сознается. Не запутается. Не допустит противоречий.

Йован Киш уверен в себе.

Улик нет.

Дома за него возьмутся.

До сих пор самый большой срок, в течение которого за ним следили, составил две недели. На этот раз, может, два месяца.

Полгода.

Нелепость.

Йован Киш знает, сколько для этого нужно людей.

Да пусть хоть и целый год не спускают с него глаз, он спокойно проживет на свою пенсию. Сберкнижка на его имя.

Он будет много плавать. Заниматься дзюдо. Ходить на матчи.

Встретится с девушкой.

Потом найдется какой-то человек. Поедет в Австрию. В Вене кое с кем поговорит. Кто-то организует, чтобы коробки вывезли из Венгрии. Кто-то возьмется за сбыт статуэток.

Это небезопасно.

Если контрабандист или скупщик краденого попадется, он и понятия не будет иметь о том, что в Белграде живет отставной офицер полиции по имени Йован Киш.

Все это, конечно же, только теория. Йован Киш знает, что в любую минуту можно свернуть себе шею из-за какой-нибудь мелочи.

Кто подумал о смотрителе зала?

Он свирепеет.

Обо всем нужно думать.

Риск существует всегда. Иначе не стоит и начинать. Но ошибок ему допускать нельзя.

А смотритель зала — это ошибка.

Киш плохо спит. Ему что-то снится. Когда он просыпается, уже не помнит, что именно.

Он нервничает.

Открывает моторный отсек. Старательно протирает двигатели. Проверяет сцепления. Чистит свечи. Заливает в аккумуляторы дистиллированную воду.

Все это было не нужно.

Лишь бы убить время.

Он не любит ждать. Слишком много он ждал в своей жизни.

Белые «Жигули» стоят на том же месте. Не скрывают, что следят за ним.

Йован Киш ухмыляется, в который уже раз запуская моторы.

Пусть парни понервничают.

Он не знает, что на противоположном берегу между заякоренными баржами прячутся две полицейские моторки. Что из-за полуопущенных жалюзи дома за ним следят в бинокль. Что на острове Сентэндре дежурит вертолет. Что на обоих берегах Дуная стояло по машине с вооруженными преследователями. И у каждого — ультракоротковолновая рация.

Всего этого Йован Киш не знает. А если бы и знал, его бы это не заинтересовало.

Ему надо было ждать.

Это его единственное дело.

После полудня на причале появляется девушка в белом.

Йован Киш лежит на крыше каюты. Он читает книгу Чичестера. Как он в одиночку обогнул земной шар на «Джипси Мот».

Он читает эту книгу уже в третий раз. Чичестер дурак. На корыте отправиться вокруг света.

Однако симпатичный дурак.

Девушка машет ему с причала. Она и сейчас в белом.

Йован Киш машет ей в ответ.

В белых «Жигулях» один из наблюдателей подносит к губам микрофон рации.

Кишу не жаль девушки. К ней привяжутся. Но ничего плохого не произойдет.

— Если б я не пришла, ты бы меня и не искал?

— Кто знает, — отвечает Йован Киш.

— Ты всегда такой вредный?

— Всегда.

— Обманываешь.

— Может быть.

Киш готовит коктейль. Подает девушке бокал. Она отрицательно качает головой.

— Не хочу снова напиться.

— Не напьешься.

Девушка чувствует что-то странное в его голосе. Начинает беспокоиться.

— И в воду не пойдем.

— У тебя другая программа?

Киш качает головой.

— Тогда почему?

— Эти господа запретили.

Он кивает головой в сторону белых «Жигулей». Девушка следит взглядом за его движением.

— Кто они?

— Полиция.

Девушка в белом молчит. Чувствует, какая жара.

— Что им от тебя нужно?

— Мелочь.

Глаза Йована Киша фарфорово-голубые.

— Они считают, что я ограбил музей.

Он закуривает сигарету. Угощает и девушку.

— И убил трех человек.

Девушка в белом таращит на него глаза.

— Ты с ума сошел?

Йован Киш качает головой.

— Ты их на самом деле убил?

— За свою жизнь я убил многих.

— Перестань! — кричит девушка.

Йован Киш пожимает плечами.

— Лучше тебе уйти.

Девушка молчит.

— Тебя и так будут допрашивать.

— Все равно.

— Откуда меня знаешь, с какого времени знаешь, каким ты меня знаешь, почему знаешь.

— Я не знаю тебя.

Шумит Дунай.

— Жаль, что я тебя не знаю, — произносит девушка в белом.

— Никто не знает, — отвечает Йован Киш.— Те, кто знали, уже мертвы.

— Опять смерть.

Лицо девушки кривится.

— Она всегда с тобой.

Йован Киш ухмыляется.

— Возможно, я и есть смерть.

— Ты ненормальный.

— Вряд ли, — возражает Йован Киш.

Ветер вздувает пену на верхушках волн. Гнутся деревья на берегу.

С утра барометр упал на четыре миллибара.

Йован Киш заходит в каюту. Выносит купальный халат.

Девушка сидит неподвижно на заднем сиденье.

Йован Киш смотрит на нее.

— Я думала о том, смогла бы я с тобой жить, — говорит девушка.

— Лучше тебе отсюда уйти.

— Что с тобой будет?

— Ничего.

— Тебя арестуют?

Йован Киш пожимает плечами.

Он действительно этого не знает.

— Ты мне позвонишь?

— Возможно.

— До сих пор ты не звонил.

Йован Киш смотрит на воду. Она подергивается зыбью.

— Обещай, что позвонишь.

Девушка соображает, что говорит глупости.

— Не обещай. Лучше поцелуй.

— За нами следят.

— Идем в каюту.

Девушка решается.

— Я хочу тебе отдаться.

— Я не люблю, когда за мной следят, — говорит Йован Киш.

— Плевать мне на них.

— Мне тоже. Но я не люблю, когда за мной следят.

Девушка плачет.

— Я в тебя влюбилась.

— Глупости.

Йован Киш нарочно грубит.

— Тебя будут допрашивать.

— Мне все равно.

— Заберут в полицию.

— Мне все равно, — кричит девушка.

— А теперь иди, — приказывает Йован Киш.

— Что им говорить? — спрашивает девушка.

— Правду.

Йован Киш не провожает девушку в белом. Он следит за ней взглядом.

Многие ушли из его жизни.

Девушка машет ему с берега рукой.

Йован Киш поднимает руку.

Подул ветер.

Один из наблюдателей выходит из белых «Жигулей». Направляется к девушке.

«Я никогда больше ее не увижу», — думает Йован Киш.

Он просыпается от звука шагов. Смотрит на часы. Половина второго.

Отворачивает штору.

По причалу идут двое. Видны лишь их очертания.

Он мог бы сбежать. Вплавь. Но что он будет делать потом, — мокрый до нитки, в пижаме, без денег и документов?

Да и зачем ему бежать?

Он снова ложится в кровать.

Рядом на полке лежит нож.

Дверь каюты с грохотом распахивается.

Йован Киш ругается.

Эти даже не стучат.

Резкий свет бьет ему в глаза.

Он вынужден их закрыть...

— Выходи, — говорит кто-то по-сербски.

Йовану Кишу знаком этот голос.

— Руки за голову. С открытыми ладонями.

Киш уже знает, что голос принадлежит подполковнику Вукетичу.

Знает он и то, что игра пойдет по-другому.

Он вылезает из-под одеяла.

Поднимает руки.

Выходит в жилую комнату.

Все мускулы напряжены.

В тесной каюте Вукетичу трудно воспользоваться оружием.

И лодка качается.

Подполковник пятится из каюты. Йован Киш видит у него в руке пистолет.

Похоже на «беретту».

Точно он не знает. Слепит яркий свет.

— Выходи, — повторяет Вукетич.

Киш выходит из каюты. Резиновая дубинка бьет его по затылку.

Едва заметив ее тень, он прикрыл голову рукой.

Этим он смягчает удар наполовину. Но голова у него кружится.

Наручники щелкают у него на запястьях. Кто-то сильно дергает его за руку. Больно. Наручники крепят к стальному поручню возле сиденья рулевого.

— Обыщи его, — слышит он голос Вукетича.

Голова еще шумит от удара.

Он приподнимается с сиденья.

Кто-то толкает его обратно. Старательно ощупывает.

— Ничего.

Судя по голосу, это молодой человек.

— Скажи водителю, что он может ехать.

Это Вукетич.

Мозги Йована Киша проясняются. Только затылок ноет. И рука, которой он перехватил удар.

— Руки на руль, — командует Вукетич. — Смотри сюда, на фонарь.

Йован Киш медленно поворачивается к свету. Веки у него полуприкрыты. Как будто он еще одурманен.

Того, кто так медленно реагирует, нечего бояться.

Подполковник садится рядом. В левой руке у него фонарик, в правой — пистолет. Очевидно, все-таки это «беретта».

— Игра окончена, — сообщает Вукетич.

Киш думает иначе.

Карманный фонарик освещает его лицо, а не руки.

Лицо у него обалдевшее. Он насмотрелся на людей, которых били по затылку резиновой дубинкой.

В кожаном чехле штурвала спрятан маленький ножик, шириной в палец.

Голова Киша падает на штурвал. Медленно, с усилием он приподнимает его. Его фарфорово-голубые глаза потемнели.

Мизинцем и безымянным пальцем он вытаскивает ножик. Сантиметр за сантиметром.

Шагов на причале уже не слышно.

Голова Киша падает вперед.

В этот момент он полоснул Вукетича по руке.

Подполковник не вскрикнул. Пистолет выпал из его руки.

Йован Киш наносит ему удар в сердце. Вукетич падает вниз лицом.

Киш обшаривает его карманы. В левом находит ключ от наручников.

На берегу раздается шум автомобильного двигателя.

Йован Киш достает нож из штурвального чехла. Опирает мощное тело Вукетича о спинку сиденья. Направляет луч фонарика на причал.

Левую руку он снова втыкает в открытый наручник. Правую кладет на штурвал. Тремя пальцами удерживает нож.

Сотрудник Вукетича спокойно идет по причалу. Не торопится. Свое задание он выполнил.

Так он полагает.

Когда он попадает в полосу света, Киш замечает у него в руке пистолет.

Йован Киш отводит назад правую руку.

Тысячи раз он отрабатывал это движение.

Лезвие попадает оперативнику прямо в желудок. Туда, где не может скользнуть по ребрам.

Оперативник хватается за живот. Падает на колени.

Йован Киш уже рядом с ним. Бьет его ногой по голове. Наступает на горло.

Он видит, как оперативник нащупывает торчащий нож.

Весом своего тела он надавливает на горло. Слышит хруст гортани.

Вытаскивает нож из живота. Всаживает его в сердце.

Для полной гарантии.

Сто процентов.

Он осматривается. На берегу поблескивают бледные огни. «Жигулей» нет. Вечер теплый.

Он обыскивает карманы мертвого. Труп сталкивает в Дунай.

Запускает двигатели.

Вынимает из внутреннего кармана кителя Вукетича портмоне. Из наружного правого — запасные патроны.

Бросает взгляд на панель с приборами. Стрелка показывает: моторы прогрелись.

Отвязывает «Пустельгу» от причала. Бортовые огни не включает.

На середине Дуная глушит моторы.

Долго наблюдает, прислушивается.

Вокруг тишина.

Никаких признаков преследования.

Он обхватывает стокилограммовое тело подполковника. С трудом приподнимает его на поручень.

Голова Вукетича склоняется к его плечу. Он заглядывает ему в лицо. Оно совсем не изменилось.

Перебрасывает тело за борт.

Включает бортовые огни. Дает газ. «Пустельга» мчится по черной воде.

Луны нет. Небо усеяно звездами.

«Пустельга» мчится вперед. Рассекает темную воду.

Вукетич получил то, что заслужил.

Иначе сказали бы, что это была попытка к бегству.

А может, и этого бы не сказали.

Где-то вода вынесла бы раздутый труп. С пулей в затылке или в переносице.

Через некоторое время следствие зашло бы в тупик.

Все так просто.

Йована Киша никто не станет искать. У него нет близких.

Может, с ним хотели покончить в Венгрии. А может, дома.

А теперь черная вода несет их трупы.

Врач советовал ему беречь себя. Вести спокойный, осторожный образ жизни.

Йован Киш ухмыляется.

Он не сказал врачу, что смерть его не волнует. Врачи полагают, что все ее боятся.

Йован Киш не мог выносить жизнь.

Со смертью он встречался достаточно. Вот и сейчас она пробралась в грудь и зажала сердце в кулак.

Он перестал ощущать левую руку.

Он видел смерть. Она была белой. Не такой, как черные дула.

Он равнодушно смотрел ей в глаза. Он не поприветствовал ее.

Он не знал, что его лицо стало белым. Он обливался потом.

Это случилось во время утренней пятиминутки в понедельник. Они сидели вшестером вокруг стола.

— Что с тобой? — спросил Вукетич.

Йован Киш хотел ответить, что ничего.

Но у него хватило сил только застонать.

— Выживет, — сказал доктор, вытаскивая из него иголку шприца. Он думал, Киш не слышит.

Йована Киша не интересовало мнение врача. Он мог в лучшем случае спасти его жизнь.

Но не решить ее проблемы.

Мелочной, мерзкой, скучной жизни.

«Пустельга» мчится фарватером между бакенами с красным и зеленым огоньком.

За десять километров от границы он потушит бортовые огни.

Но шум моторов будет слышен.

Они пустят ракеты.

Киш ухмыляется. Сколько раз видел он их сторукие белые брызги. Они всегда что-то предвещали.

Пока за ним вдогонку пошлют катер, его и след простынет.

Предупредят югославских коллег.

Йован Киш знает, что у капитана Трокана две моторки. Ночью командой обеспечена лишь одна. И скорость у них не та, что у «Пустельги».

Они могут перекрыть ему путь. Но никто не сможет из мчащейся лодки на ходу попасть в другую.

Обстреляют из автоматов Дунай.

Йован Киш глянул на приборную панель. Аккумуляторы заряжены. Температура двигателей в норме. Глубина пять метров. Количество оборотов — четыре тысячи.

Но вот бензина хватит только до границы.

Йован Киш ругается. Об этом он не подумал.

Он достает карту. Расстилает ее на выдвижном столике у приборной панели. Включает лампу.

На берегу Дуная нигде нет бензоколонок.

Бензин крайне нужен. Без него он не попадет домой.

Домой?

Он должен бросить квартиру, Дунай, Саву и Адриатику. И «Пустельгу». Больше всего ему жаль расставаться с «Пустельгой». Он не может простить Вукетичу разбитую дверь.

Сейчас не время думать о том, что будет дома. Нужно думать лишь о том, как пересечь границу.

Он не сожалел, когда после второго инфаркта его отправили на пенсию. Он был по горло сыт ничтожными грабителями, аферистами, карманными воришками.

Тогда он еще не знал, что такое быть пенсионером.

Он долго изучает карту. Все бензоколонки — вдалеке от Дуная.

Он всегда считался с неизбежностью своего поражения. Но на самом деле никогда в это не верил.

Его никогда не интересовало, каким будет его конец. Он гонялся за опасностью. Ставкой была его жизнь.

Йован Киш знает, что живым его не возьмут. Это он знал уже в горах. Когда у него на фуражке горела красная звездочка.

Живите, как здоровый человек, сказал ему врач-полковник. Только помедленней, поосторожней.

Два инфаркта — это не игра.

Каждое утро он стал приходить в парк. Садился на скамью. Как и другие пенсионеры. Ему позволили не сдавать служебный пистолет. По крайней мере будет чем покончить с собой.

Невыносимая жизнь.

Около года он разрабатывал план ограбления Загребского банка. Снова было для чего жить. Коллеги, встречая его в спортзале, видели, что он снова усмехается. Они радовались этому.

Старый волк.

Против течения пыхтел буксир. Йован Киш осветил его лучом прожектора.

Йован Киш знает, что в пятьдесят лет начинать жизнь сначала тяжело.

Все равно. Есть банковский счет в Милане. Несколько человек, на которых он может рассчитывать. Две запаянные коробки на острове Комкето.

Вот только денег до конца жизни не хватит.

А если б они и были? Он не хочет еще раз стать пенсионером.

Что угодно, только не это.

И тут он вспомнил о мертвом рукаве под Байей. Он ведет в деревню. Там есть бензоколонка.

Теперь он больше ничем не интересуется. Не включает прожектор. В темноте он ориентируется лучше, чем при ярком свете.

Он легко находит устье.

На берегу — рыбацкие хижины.

В воде отражается узкий серп луны.

Возле хижин сушится развешанная рыба.

Глубина — два метра.

Ширина русла — пять метров. Слева, на крутом берегу, ивы. Справа — заросли камыша.

Тут не глубоко.

Через десять минут он доплыл до моста, взорванного во время войны.

Продвигается очень медленно.

Глубиномер показывает полтора метра.

Нажимаем на кнопку. Двигатели поднимаются.

Мотор хрипит.

В бинокль видны лодки на берегу.

Йован Киш направляет к ним «Пустельгу».

Глубина — один метр.

Йован Киш резко крутит штурвал влево. Выключает моторы. Под килем «Пустельги» скрежещет галька.

Киш уже на носу. Прыгает в воду. Ему до колен. Спотыкаясь о камни, выбирается на сушу. Привязывает к иве швартов.

Пистолет Вукетича он засовывает в задний карман. Нож прячет в кожаном кармане джинсов. Из ящика для инструментов достает молоток и ломик.

С собой берет две канистры. Сорока литров ему хватит. Столько он донесет.

На Йована Киша лают собаки. Улочки не освещены.

Бензоколонка на центральной площади. Грязные неоновые трубки. Полутьма.

Он ставит канистры у колонки. Подсовывает ломик под крышку. Налегает всем телом.

Вставляет в замок стальное лезвие. Через двадцать секунд замок клацает.

Йован Киш открывает одну канистру. Вставляет наконечник резинового шланга. Нажимает пускатель.

Одна канистра уже полна. Киш переставляет шланг в другую. Льется бензин.

Киш улавливает какой-то шорох. Кто-то осторожно крадется по бетону.

Киш не распрямляется. Выглядывает из-за колонки.

У здания заправочной станции стоит полицейский в мундире. С пистолетом в руке.

Йован Киш медленно наполняет канистру, но не до верха. Не хочет нести слишком большую тяжесть.

Полицейский появляется из-за дома.

Киш ожидает.

— Руки вверх! — кричит полицейский.

Он шагах в пяти.

Йован Киш ухмыляется.

Этот мальчишка еще изучает азбуку. А он уже закончил университет.

Имре Вереша произвели в младшие сержанты в марте.

— Руки вверх! Не двигаться! Буду стрелять!

Йован Киш медленно выпрямляется.

Поднимает левую руку над головой. Правой он держится за канистру.

Полицейский в трех метрах от него. Держит пистолет перед собой.

Киш видит, что дуло пистолета дрожит.

— Я очень вас прошу, — произносит Йован Киш.

Он никогда ни о чем не просил. Никого.

Киш бросает канистру в полицейского. И десятую долю секунды ожидает, пока тот отскочит.

У него при себе нож и пистолет. Ни то, ни другое не пригодится.

Младший сержант Имре Вереш настолько испугался канистры, летевшей ему в голову, что не отпрыгнул в сторону. От перепуга он нажал на курок.

Канистра попадает ему в грудь.

Вереш падает навзничь. Он поднимает руку, защищая лицо.

Вор лежит на животе. Раскинув руки.

Младший сержант ужаснулся. Пистолет танцует в его руке. Он переворачивает тело на спину. С усилием.

Во лбу Йована Киша темнеет маленькая дырочка. Точно на переносице. Будто выстрел в десятку на мишени. Из нее течет кровь.

Младшего сержанта поташнивает. Он не целился ему в лоб. Он вообще никуда не целился. Он шлепает по щекам лежащего на бетоне человека.

Голова Йована Киша падает набок, стукается о бетон.

Младший сержант Вереш помертвел. За сорок литров бензина он убил человека.

Йован Киш смотрит в никуда.

Смерть приветствует его.

КНИЖНАЯ ПОЛКА

КОМПЬЮТЕРНАЯ ПРЕСТУПНОСТЬ И КОМПЬЮТЕРНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ

Ни один из республиканских уголовных кодексов не имеет в своем составе главы под названием «Компьютерная преступность». Иначе говоря, компьютерных преступлений, как преступлений специфических в юридическом смысле, не существует. Однако это вовсе не означает, что можно закрыть глаза на новое социально - правовое явление, ибо многие традиционные преступления модифицировались из-за привлечения вычислительной техники. А для отдельных видов преступлений вообще не удастся найти аналогов в «докомпьютерном мире».

Поэтому — несмотря на то, что рассматриваемая категория не является пока понятием уголовного права, — авторы книги «Компьютерная преступность и компьютерная безопасность» Ю. М. Батурин и А. М. Жодзишский делают ее предметом пристального изучения.

Опираясь на зарубежный опыт (уровень компьютеризации западного общества говорит сам за себя), авторы показывают, насколько многолик мир компьютерных преступлений, предпринимают попытку их криминализации и квалификации, останавливаются на основных проблемах, с которыми придется столкнуться следователю или эксперту при раскрытии компьютерных преступлений.

Не замыкаясь на перечисленном, Ю. Батурин и А. Жодзишский поднимают новые, глобальные для права вопросы, связанные с «вкладом» компьютеров в аварии и катастрофы, обсуждают роль человеческого фактора в компьютерных системах, предлагают модель международного договора по контролю за компьютеризацией крупнейших систем.

Книга рекомендуется широкому кругу читателей, но в первую очередь юристам, международникам, дипломатам, военным. Она далека от наукообразия, изобилует примерами из повседневной жизни. И, думается, с интересом будет прочитана теми, кто обратит на нее свое внимание.

Рис. Е. СПИРИДОНОВА

Инотарий ШАРЫГИН

ПОВЕСТЬ

НЕ ДАТЬ УЙТИ

1.

Евдокия медленно прошла в кухню. Нашарила спички, зажгла лампу. Устало развязала платок, сбросила его на плечи, тяжело опустилась на лавку. Легонько провела ладонями по гладко выскобленным доскам стола, чувствуя пальцами их холодную чистоту. Тусклый огонек освещал кровать, где, тесно прижавшись один к другому, спали ребятишки. Она долго смотрела на них, слушая их равномерное дыхание, и вдруг, вздрогнув всем телом,

уронила голову на бессильно вытянутые руки, зашлась в безысходном плаче. Судорожно кусая губы, она боялась, как бы не закричать и не спугнуть сладкого сна детей. Горе и отчаяние захлестнули ее всю до отказа, и она билась в беззвучном плаче, пока не выплакала все до последней слезинки.

— Тетка Дуня, ты что это дверь настежь распахнула? — весело спросил вошедший с улицы Василий. — На дворе, смотри, еще не весна.

Он подошел к печке, неторопливо снял старенькие сапоги, размотал портянки. Аккуратно приткнул сапоги к еще теплым кирпичам, зашлепал босыми ногами по полу.

— Вот видишь, и дотянули до получки, а ты все боялась, — продолжал он, подходя к столу. — Завтра с Мишкой чуть свет в лавку тронемся, башмаки покупать. Он их давно присмотрел, сорванец. Все уши прожужжал: «Вот мамка деньги получит, обувку купит, и я в школу побегу. Самый первый. А то учительница спрашивала, почему не хожу. Так разве босиком по такому холоду...».

Василий осекся. Его испугала матовая бледность, разлитая по лицу Евдокии.

— Что с тобой, тетя Дуня? — почему-то переходя на шепот, спросил Василий, увидев ее сухие, горячечно блестящие глаза и багровую ссадину, которая наискось перечеркивала лоб.

— Не будет Мишке башмаков, Вася, не будет, — чуть слышно проговорила Евдокия. — Все отняли, не пожалели бабу...

Зашлось, захолонуло сердце у парня. Понял, что отняли у Евдокии лихие люди последние гроши, отняли надежду, радость, счастье, саму жизнь. Представив, как проснется утром десятилетний Мишка, узнает, что вновь отодвигается на неопределенное время его мечта о новых башмаках, вздохнет глубоко, не по-детски, и забьется в самый дальний угол на печи, чтоб никто не видел его слез. А пятилетний Вовка да ползунки-двойняшки Анютка с Машей, ничего не понимая, будут теребить мать за подол и просить есть. Хоть бы картошки было вдоволь, тогда протянули бы как-нибудь до аванса. Но картошка кончилась на прошлой неделе. Впереди отчетливо проглядывала нужда. А ее, этой проклятой и горькой нужды, Василий хлебнул на своем коротком веку предостаточно. Это она вытолкнула его, семилетнего пацаненка, на широкую деревенскую улицу, вложила вместо букваря в его неокрепшие руки тяжелый плетеный кнут, сделала пастухом. Долгих пять лет ходил он за стадом, вставая раньше сверстников и сваливаясь от усталости поздно вечером, позабыв о детских играх и забавах.

— Кто тебя, тетя Дуня? — тихо спросил Василий.

— А кто их знает, Васенька, — держась рукой за сердце, чуть слышно прошептала Евдокия.

Она поднялась, опираясь о стол руками, подошла к кровати, где вповалку спали ребятишки, поправила одеяло.

— Трое их было. Одного век не забуду: высокий, черный, глаза навыкате — холодные и беспощадные.

2.

Евгений Петрович сидел, накинув шинель на худые и острые плечи.

Скрипнула дверь. Вошел дежурный, пропустив вперед себя коренастого, ладно скроенного крепыша лет двадцати. На его крутых плечах чудом держалось готовое вот-вот расползтись по швам старенькое демисезонное пальто. Сильные руки торчали из коротких рукавов.

Дежурный передал Горбунову несколько листов бумаги. Глухо звякнул положенный на край стола металлический предмет. Не сказав ни слова, дежурный вышел, плотно прикрыв за собой дверь.

Горбунов аккуратно разложил бумаги на столе, достал из кармана изрядно потертый портсигар, закурил. Положив обгорелую спичку в пепельницу, подошел к печке, открыл дверку, присел на корточки.

Шли минуты. Горбунов молча грел руки и слушал, как за его спиной все громче сопит задержанный.

«Где, где я его видел?» — мучительно вспоминал Горбунов.

— Который час? — не поворачиваясь от печки, неожиданно спросил он.

Васька оторопело глянул на старенькие ходики, что торопливо помахивали на стене коротеньким маятником, ответил:

— Шестой доходит.

— Та-ак. Что теперь матери скажешь?

— Ничего.

— Самостоятельный, значит. Никого и ничего не боишься. Отец не взгреет, что дома не ночевал?

— Видишь ли...

— Вижу, как ты среди ночи у незнакомых людей стекла в окнах вышибаешь.

— Нечаянно же.

Неторопливый, будто бы ничего не значащий, разговор продолжался долго. Незаметно для себя Василий рассказал все. Он говорил и говорил, словно боялся, что этот суровый и неприветливый на вид человек сейчас оборвет его и не даст высказаться до конца.

...Ремонт печи закончили поздно. Василий сорвал с гвоздя пальтишко, выскочил на улицу. Бежал, не разбирая дороги. Иногда на секунду останавливался, переводил дыхание и вновь бежал. Мелькнул огонек папироски. Впереди, тесно прижавшись друг к другу, стояли трое. Василий подался чуть в сторону и, запнувшись за подставленную ногу, упал в грязь. Медленно поднялся, до хруста в пальцах сжал кулаки, шагнул навстречу.

— Врежь ему, — сквозь зубы процедил высокий, в фуражке с лакированным козырьком.

Тяжелый удар в лицо бросил Василия на землю. Оранжевые круги поплыли перед глазами. Опираясь руками о жидкую грязь, он медленно стал подниматься. Встав на колени, увидел перед собой широко расставленные ноги в хромовых сапогах.

— Кланяйся трижды в ноги, — донеслось до Василия. — Ну...

Кровь ударила в голову. Василий напружинился, молниеносно вскочил, ударил головой в квадратный подбородок наклонившегося над ним парня. Тот, охнув, отлетел назад. Ударом ноги Василий отбросил второго, и тот покатился по земле, зажимая руками низ живота.

— Ах ты, сука! — зло прохрипел высокий, выплюнул цигарку и шагнул к Василию. В руке тускло блеснул нож.

Похолодела спина, напряглись мускулы. Василий отпрыгнул к изгороди, увидел, как метнулся за ним высокий. Тупой удар пришелся в грудь. Хрустнуло дерево, и в руках у Василия оказался вырванный из плетня кол. Отступил к стене небольшого бревенчатого дома. Услышал, как со звоном посыпались выбитые стекла: размахивая колом, он случайно ударил в оконный переплет. Громко залаяла собака, послышались возбужденные, перепуганные голоса. Хлопнула дверь. Трое вмиг исчезли, словно растаяли в темноте...

Василий закончил рассказ, помолчал немного, затем вдруг, казалось бы не к месту, произнес:

— Позавчера у квартирной хозяйки получку отняли. Чем теперь ребятишек кормить будет? Их у нее четверо...

Звякнул телефон. Горбунов неторопливо снял трубку. Слушал молча.

— Ясно. Иду. — Он положил трубку, запер ящик стола. Думая о другом, кинул взгляд на Василия и спросил:

— Как же ты жив остался?

Паренек пощупал продолговатый разрез на пальто, как раз на уровне сердца, невесело улыбнулся и показал на лежащий на столе портсигар.

— Батин подарок. В гражданскую он получил... Отчаянный был.

Евгений Петрович взял в руки тяжелый серебряный предмет. Там, где затейливо вилась надпись, зияло продолговатое узкое отверстие. Удар был настолько силен, что нож пробил массивную верхнюю крышку, и если бы не застрял в нижней, пришлось бы начальнику уголовного розыска расследовать дело об убийстве. Горбунов прочитал дарственную надпись:

«Конармейцу Юдину С. И. Военсовет... за храбрость и отвагу... 1920 год...». Так вот почему показалось знакомым лицо этого парня! Как он мог забыть, как?! Ведь отец его, Сергей Юдин, на которого так похож сын, спас ему, краскому Горбунову, жизнь в страшном бою, когда пробивались они через линию фронта. Как он мог забыть!

— Жив отец? — хрипло спросил он.

— Умер. В двадцать третьем.

С минуту Горбунов машинально гладил рукой портсигар, ощущая под пальцами ровную, словно на теле друга, рану. Хотел было рассказать Василию, что не раз закуривал из этого портсигара, но раздумал.

— Храни память об отце, Василий, береги. А сейчас домой иди. Да не попадай больше в такие передряги, а то...

Он грустно улыбнулся, махнул рукой, давая понять, что разговор окончен. Когда за парнем закрылась дверь, Горбунов досадливо нахмурил брови: мысли вернулись к только что состоявшемуся телефонному разговору. Председатель райисполкома Королев приказал: «Приезжайте немедленно, исчез сейф!»

3.

В курилку исподволь набилась почти вся бригада. Молча крутили цигарки, дымили. Разговор не клеился, все были недовольны, что опять отключили электроэнергию, что снова простой, вновь неполный заработок. Василий сидел в сторонке, сосредоточенно ковырял щепкой пол и не сразу заметил, как к нему подошел Никита Мякишев.

— О чем думаешь, милый? — озорно подмигивая рабочим и хлопая Василия рукой по широкой спине, спросил Мякишев. — Иль по деревне заскучал? Сказывают, что ты в своей Шпаге ни одному быку прохода не давал, каждого за рога крутил, силой мерялся.

Он шутя ткнул Василия кулаком в бок, предложил:

— Поборемся?

— Не трожь младенца, Никита, — смеясь крикнул Катылев. — Кабы стоящий парень был, а то так, дитя.

Грохнул смех. Василий вспыхнул. Вскочил на ноги, двинулся на Мякишева. А тот уже наступал, широко раскинув руки, стараясь половчее обхватить и бросить на пол. Василий сразу почувствовал, что соперник силен, опытен и ловок в борьбе.

— Васятка, не робь, не подкачай наших! — крикнул Андрей Сухов.

— Покажи им кузькину мать!

— Куда ему, кишка тонка! — хохотал Катылев.

Смех подстегнул Василия, удвоил его силы. Он, напрягая мускулы, попытался вывернуться из захвата, которым, словно стальным обручем, сжимал его Никита. Занемели от неимоверного напряжения руки. И тогда Василий решился на свой излюбленный прием, который не раз выручал его в подобных схватках. Он скользнул всем телом вниз и, почувствовав, что грудь освободилась, схватил Мякишева чуть ниже спины, бросил через себя.

— Ты что, сдурел! — на высокой ноте, испуганно прозвенел крик Катылева, выводя людей из оцепенения. Все скопом бросились к Мякишеву.

Через полчаса, когда Мякишева увезли в больницу, в курилку вошел милиционер. Он, оглядывая, прищурился, солидно произнес:

— Юдин Василий который будет?

Все мгновенно повернулись к Василию, а он, побледнев, молча встал со своего места, и, не сказав ни слова, шагнул за дверь. Вслед за ним вышел милиционер.

Минуту спустя Катылев, возбужденно размахивая руками, вдохновенно врал:

— Я этого Юдина давно знаю. Хулиган — страсть какой. Ему в деревне и драться, и бороться запретили. Сельсовет специ-

альную бумагу ему выдал. Он одного как хватил... и все — насмерть. Под суд отдали, вот ей-Богу. Потом выпустили, когда разобрались, что они на любачка боролись. С ним лучше не связываться.

4.

— Ума не приложу, как его вынесли? — нервно расхаживая по кабинету, рассуждал Королев. — В нем же не менее десяти пудов! Пятерым тащить надо, и то ночи не хватит. А ты куда смотрел? — вдруг накинулся он на тщедушного, угрюмо переминающегося с ноги на ногу сторожа Филимонова. — Опять проспал? Ну, я тебе покажу, я тебе...

Он не договорил, закашлялся, схватил со стола графин, торопливо стал наливать в стакан воду.

Евгений Петрович в разговор не вмешивался. Он молча посасывал папироску, соображая, каким образом, минуя единственный вход, около которого неотлучно находился сторож, был вынесен громоздкий сейф. Сам сейф преступнику не нужен. Документы, которые там хранятся, особой ценности не представляют. Но откуда преступнику стало известно, что именно сегодня в сейфе оставлена крупная сумма денег? Об этом знало всего несколько человек. И почему сейф не вскрыли, а унесли?

— Николай Васильевич, — обращаясь к Королеву, спросил Горбунов, — что раньше было в этом здании?

— Я этот дом вдоль и поперек знаю, — вдруг вместо Королева заговорил сторож. — Воробьеву Михаилу Никандровичу, царство ему небесное, лесопромышленнику здешнему, принадлежал он. Я у него немало годков поработал. Потом сынок ихний тут проживал — Степан Михайлович. Серьезный человек, образованный. С нами, простым людом, не больно разговаривал. Не любил он нас, не уважал. Бывало, глазами зыркнет — все равно, что сквозь прострелит. Исчез куда-то, давно уж...

— Черный ход есть? — перебил Горбунов.

— Имеется, прямо на двор. Только заложили его с осени, а зачем — не знаю.

— Пойдем, посмотрим.

Внимательно осмотрев запасной выход, Евгений Петрович обнаружил, что он забит изнутри досками крест-накрест. Взявшись рукой за одну из досок, почувствовал, что она свободно вынимается. Не привлекая внимания сторожа, вставил доску на место. Проверил петли. Они были обильно смазаны.

— Прекрасно, все прекрасно, — удовлетворенно произнес Горбунов, поворачиваясь к сторожу лицом. — Покурить бы надо, а?

— Это можно, — ответил Филимонов.— Махорочка у меня славная.

Они вышли во двор, уселись на ступеньках, закурили. Сладко затягиваясь дымом крепчайшего самосада, Евгений Петрович внимательно изучал двор исполкома. Двор как двор. Конюшня для лошадей. Повозки. Распахнутые настежь ворота. Лошадиный помет и роющиеся в нем куры.

— На ночь закрываете? — кивнув на ворота, спросил Горбунов.

— Каждую ночь мучаюсь. Тяжелы, проклятущие. Утром конюхи открывают. Я уж не подхожу.

Входя во двор, Евгений Петрович обратил внимание, что петли ворот тоже обильно смазаны.

— В такой одежонке спать ловко, — дотрагиваясь рукой до воротника тулупа, сказал Горбунов. — Да и не услышишь ничего.

— Нет, мы на посту не спим, — обиженно ответил сторож. — Службу свою твердо знаем. А на ухо я вострый. Мышь пробежит — чую. Ты вот за свое дело отвечаешь, а я за свое. Понимаю, куда клонишь. Только я тебе как на духу скажу, в эту ночь не спал и никуда не уходил. Ящик этот — не свят дух, улететь не мог. Ясно дело — унесли. А как — ума не приложу. Черный ход, сам видел, забит досками. Да и ворота у нас так скрипят, что за версту слышно. Петли смазать хотел, да все недосуг. Сижу я всю ночь в парадной, мимо меня надо нести, если что. В эту ночь ни единой души не было около дома, это уж точно. Эдак в полночь, уж петухи пропели, вздремнул я чуток, слышу, Петька Миронов идет, песни горланит. Он напротив живет. Ве-селый па-рень! Каждую ночь домой на рассвете заявляется. Девки его любят. Он мимо меня никогда не пройдет, всякий раз заговорит. Вот и вчера подошел и говорит: «Пойдем, дядя Федор, я тебя папиросами угощу». Имеется, мол, дома, пачка для лучших друзей. На лавочке у их дома сели, курим. Он и говорит: «Ты бы, дядя Федор, рассказал чего-нибудь». Так я ему один случай, что со мной произошел, обсказал...

Евгений Петрович не перебивал. Он вслушивался в певуче-тягучие слова разговорчивого сторожа и представлял, сколько он может вот так проболтать, когда нападет на «стезю». Час, два, а может, и больше. И зачем Петька еженощно заводил с ним разговоры, угощал папиросами? Что это: случайность или тонкий расчет? Может быть, отвлекал старика?..

Думай, анализируй, сопоставляй факты! Деньги, выделенные государством для кредитования только что организованных колхозов, необходимо найти во что бы то ни стало.

— ...Девки в сарафанах цветастых, аж сердце заходится. И в это время я им в подол — семечек, раз... Они...

Да, сторож говорить любит. Но из него, пожалуй, ничего больше полезного не вытянешь.

5.

Горбунов медленно поднялся из-за стола, устало потянулся. Второй день он бился над раскрытием кражи сейфа, но дело продвигалось туго. Правда, сам сейф нашли в реке Тёше, недалеко от берега. Изуродованная, срубленная зубилом дверца валялась рядом. На песчаном берегу

виднелись следы обуви, лошадиных подков, колес повозки и остатки большого, подернутого пеплом, костра. В песке Быстров нашел чеку. Выглядела она необычно — плоская, с крестовой насечкой, служила одновременно подножкой при посадке в повозку.

В кабинет тихо постучали. Горбунов подошел к двери, распахнул ее. На пороге стоял Юдин.

— А, Василий, наконец-то. Давай, заходи. Разговор серьезный будет.

Юдин прошел в глубь кабинета, сел сбоку широкого письменного стола. Он был растерян, не поднимал глаз.

— Ты что квелый такой? Или случилось что?

— Зачем спрашивать, Евгений Петрович. Известно же все.

— Пожалуйста, не обижайся. Нужда в тебе большая, поэтому и послал. Ты, говорят, большой мастер печи класть?

Пожав плечами, Василий не ответил.

— Ну, об этом после. У меня к тебе предложение: хочешь в уголовном розыске работать?

Василий оторопело глянул на Горбунова. В глазах его плеснулись радость, недоумение и растерянность.

— Немедленного ответа я не требую, — доставая папиросу и закуривая, продолжал Горбунов. — Подумай, взвесь все за и против. Веселой жизни не обещаю. Работа — как и всякая другая. Правда, требует трезвого ума, холодного расчета, немного отваги и большой любви к людям.

— Зачем душу бередите, Евгений Петрович. А если он умер?

— Умер? Кто умер?

— Ну, этот, как его, Мякишев. В больницу же его увезли, — и Василий рассказал о происшедшем в курилке.

Горбунов досадливо поморщился, позвонил в больницу. Разговаривая с врачом, он то и дело поглядывал на Василия, насмешливо щурился. Положил трубку на рычаг, подошел к Василию, обнял за плечи.

— Не переживай. Обморок у твоего приятеля. Ничего серьезного. Даже перевязку не делали.

Василий облегченно вздохнул, улыбка заиграла на лице.

— Все, больше препятствий нет? — удобно усаживаясь на свое место, спросил Горбунов. — Или еще чего натворил? Кайся сразу, чтоб больше к этому не возвращаться. Нет? Вот и хорошо. Сам понимаешь, на оформление твое время уйдет, а мне нужна твоя помощь уже теперь.

Начмил рассказал о краже сейфа. Как бы невзначай спросил Василия:

— Случайно не знаешь Миронова Петра?

— Петьку? Как облупленного.

— Вот и прекрасно. Расскажи о нем.

— Парень как парень. Не дурак выпить. Слово держать умеет, не трепло. Вроде и все.

— Чем интересуется, с кем дружит, откуда родом?

— Кто его знает, чем он интересуется. Пожалуй, больше всего девками. На это дело он мастак. А друзей у него, считай, полгорода. Родители кто? Этого не знаю. Родом он, кажется, из-за Теши. Живет на квартире, как раз напротив исполкома. А что, разве он?..

— Пока не знаю. Но зачем он вечерами со сторожем разговоры разговаривал и частенько в исполкоме бывал, а?

— У него там зазноба работает. Наталья Зубарева. К ней и ходил.

— Понятно. Ну, а как насчет печного ремесла? Не возьмешься меня обучать?

— К чему это вам, Евгений Петрович?

— Мысль одна возникла, Василий. Интересная мысль. Давай-ка мы ее обмозгуем вместе.

6.

В избе Фадея Исидоровича завтракали. Сам хозяин небольшого роста, с лицом, остро оттянутым книзу, сидел во главе большого стола. Он шумно втягивал чай из блюдца, поставленного на все пять пальцев тонкой, но жилистой руки. Допив чай, Фадей перевернул вверх дном чашку, положил на донышко оставшийся кусочек сахара, отер полотенцем лицо. Не проронив ни слова, встал из-за стола, толкнул рукой дверь, вышел в сени. Торопливо, словно бы испуганно, поднялись оба зятя и сын, вышли вслед за ним. За столом остались одни женщины.

— Любанька, чей это такой пригожий!— воскликнула Вера, старшая дочь, склонившись к окну. — Не знаешь?

— Нашла на кого смотреть. С города пришел. Второй день как у Фоминых печи перекладывает. Глиной пропахли, — капризно надув губы, с деланным равнодушием ответила ее младшая сестра Любаша. Ей страшно хотелось глянуть в окно, чтоб вновь увидеть этого парня, который помимо воли запал в душу. Но гордость не позволяла. Они случайно встретились вчера в переулке. Он молча шагнул с тропинки в грязь, уступая дорогу, широко улыбнулся, одарив взглядом ласковых глаз. Он не произнес ни слова, но что-то тугое и сладкое ударило Любашку в самое сердце, и она, опустив голову, заспешила прочь.

— Доченька, — певуче протянула мать, ласково глядя на свою любимицу, — отец в город собирается. Ты хотела...

Не дослушав, Любавшка выскочила из-за стола, громко хлопнула дверью. Пулей вылетела из полутемных сеней на широкое, залитое весенним солнцем крыльцо.

И вдруг увидела Степана. Солнце вмиг померкло, улыбка слетела с ее лица.

С первой встречи глухое чувство тревоги поселилось в ее душе, и она старалась не встречаться с этим неразговорчивым и угрюмым человеком, который появился в их доме на рождественские праздники: приехал из Нижнего Новгорода вместе с братом. Отец представил его как дальнего родственника, о котором Любашка никогда не слышала. При случайных встречах он прожигал ее сталью холодных и беспощадных глаз, в которых плескалась глубоко запрятанная и еле сдерживаемая похоть. В эти мгновения Любашкино серд-

це тоскливо и трепетно сжималось.

Держа под уздцы вороного, Степан осаживал его, пытаясь загнать в оглобли тарантаса. Жеребец задирал голову, прядал ушами, норовил повернуться боком и никак не хотел пятиться. С трудом поставив жеребца на место, Степан запряг его в тарантас. Жеребец красиво изгибал шею, нетерпеливо бил копытом. Степан бросил вожжи на передок тарантаса, ушел в конюшню. Как только он скрылся за дверями, Любашка, озорно дернув плечами, сбежала по ступенькам крыльца, прыгнула на подножку тарантаса. Взвизгнули рессоры, тарантас накренился. Тяжелый предмет, завернутый в мешковину, упал с сиденья, тяжело ударился о днище. Жеребец всхрапнул, присел на задние ноги, рванул вперед и бешеным наметом вылетел со двора. Испуганный Любашкин крик разорвал тишину утра.

7.

Допросить Миронова Горбунов решил сам. Василия он оставил в кабинете — пусть привыкает, но посадил так, чтобы его не было видно. Василий сидел, ничем не выдавая своего присутствия. Он думал, что сейчас Евгений Петрович грозно хватит кулаком по столу, прикрикнет на Петьку, и тот, испугавшись, выложит все. Однако этого не произошло. Более получаса Горбунов расспрашивал Петьку о житье-бытье, интересовался даже тем, где и у кого он чинит обувь. Петька, ничуть не смущаясь, толково и обстоятельно отвечал на все вопросы.

— Каким ветром тебя на той неделе к Мухину на заезжий двор занесло? — неожиданно спросил Горбунов.

— Обыкновенным. Выпить захотелось. Вот и заскочил.

— С кем?

— Разве мало у меня приятелей. С кем хочу, с тем и пью.

— Точнее.

— Впятером заходили. Мишка Мокров пригласил. В Курмыше живет. С ним еще трое были. Этих не знаю. Выпили и разошлись. Ребята обыкновенные, работу ищут. Сам знаешь, как сейчас устроиться трудно. Я вот хочу спросить, товарищ начальник, и когда эта волынка с работой кончится?

Горбунов чувствовал, что Петьке не хочется говорить о троих неизвестных, поэтому умышленно уводит разговор в сторону. Петька долго распространялся про устройство на работу. Горбунов не перебивал, однако незаметно подбрасывал Миронову вопросы, которые поворачивали его многословную болтовню в нужное русло. Часа через два, когда Петька окончательно выдохся, Горбунов тихо спросил:

— Где сейф?

Петька поперхнулся, широко открыл глаза, на секунду сник, но тут же справился. Ответил глухо и твердо:

— Не знаю.

— Сторожа специально заговаривал?

— Упаси Бог! Уж больно люблю его байки слушать. Веселый человек он.

— Веселья здесь мало. Сам знаешь, что за такие дела бывает.

— Пугать меня не надо, я пуганый. Ящика твоего не трогал. Он мне, что мертвому припарка. Тех троих ищи. Может, они вытащили.

Миронов замкнулся, отвечал на вопросы односложно, сидел, низко опустив голову. Горбунов прекратил допрос.

В этот же день допросили Мокрова и хозяина постоялого двора Мухина. Анализируя свидетельские показания, Горбунов пришел к твердому убеждению: те, кто пил с Мироновым на постоялом дворе, и те, что ограбили Евдокию и напали на Василия, одни и те же лица. След их вел за Тёшу.

— Собирай, Василий, инструмент, — весело потирая руки, проговорил Горбунов. — Завтра поутру отправимся с тобой на отхожий промысел. Печи за Тёшей ремонтировать будем.

8.

К вечеру, насквозь промокнув, шагая по скользкой дороге, вошли в деревню. Долго ходили по избам, предлагая услуги, пока не попали к низкорослому, заросшему бородой чуть ли не до самых бровей, мужику. Ему нужно было ставить в летней половине избы печь — отделял сына. Ожесточенно торгуясь, ударили по рукам, распили магарыч. Василий полез на полати, где им отвели ночлег. Евгений Петрович завел длинный разговор с хозяином. Говорил, правда, один Горбунов. Хозяин, на редкость молчаливый и хмурый, время от времени неопределенно крякал и скреб пятерней подбородок. Избу незаметно заполняли мужики. Входя, каждый неторопливо здоровался со всеми за руку, молча доставал кисет, закуривал. Табачный дым, словно густой утренний туман, клубами плавал по избе. Тихие голоса обволакивали, завораживали, и он то проваливался в сладкую полудрему, то вновь пробуждался. Нить разговора временами обрывалась, выскальзывала из сознания, и он не до конца понимал суть спора, который, видимо, не первый вечер ведут мужики.

— Опять на дядю горб гнуть? Нет, шалишь, отошли такие времена. Поверьте мне, развалятся колхозы.

— На какого дядю? На себя, и только на себя. Но не врозь — сообща, — врывался молодой крепкий басок.— В армии— вон сколько людей, а порядок отменный. А тут одна деревня...

— Во-во, армия! Ать-два, ать-два! Встать, разойтись! Это нельзя, это можно. Здесь спроси, там не трогай. На двор по команде ходить будем, так, что ли? А ежели я кашу пшенную с молоком уважаю, а Михайле пареный горох с постным маслом по душе? А ты нас каждое утро из общественного котла картошкой вприглядку потчевать будешь, это нам понравится?

— Да нет, так не будет...

— Откуда тебе знать, как будет? Или бывал в этих самых колхозах? И слово-то какое придумали: колхозы.... В век такого не было.

— Много чего у нас не было. А теперь есть. Поймите же вы, чудаки, жизнь-то какая наступит.

— Обещания эти мы знаем. Чем сеять будешь? Денежки обещали, а где они? Тютю, исчезли.

— Погодь, Митрич, не напирай, деньги выделили, точно знаю. От верного человека слышал. Унесли их. Вместе с ящиком.

— Унесли? Кто унес-то? Видел я этот ящик. В нем верных десять пудов. Попробуй-ка уложи в карман.

— А что, мужики, может, и впрямь были деньги, — долетел до Василия голос Евгения Петровича. — Да украли денежки-то ваши.

— Эх, за такое дело к стенке приставлять надо! — вновь ворвался молодой бас. — Знаем мы, кто взял...

— Петряй у нас все знает. Ему сорока на хвосте все новости доставляет.

— Сам ты сорока! Аль забыл, кто чужими руками жар грести может. За такие дела... Да что тут разговор вести!

— Ну-ну, пошли-поехали.

Голоса становились все глуше и глуше и вскоре совсем затихли — Василий провалился в сладкий и темный сон. Разбудил его Евгений Петрович. Серый рассвет тихо вливался в избу сквозь подслеповатые окна. Хозяйка, позвякивая подойником, ушла доить корову. Наскоро умывшись, Василий вышел во двор. Евгений Петрович, хмурясь, месил ногами глину. Василий начал подтаскивать кирпичи. Молчали. Сделав замес, Евгений Петрович присел на корточки, закурил. Глубоко затянувшись папиросным дымом, обернулся к Василию.

— Надо нам с тобой вон в тот дом попасть, — тихо сказал он, указывая глазами на добротную усадьбу Фадея Мочалова. — Эту задачу беру на себя. Очень любопытную деталь зчера выяснил — месяца полтора-два назад здесь был Петька Миронов. Ночевал у Фадея. Вот так-то...

— Думаешь, Петька...

— Что хочешь думай. Председатель сельсовета утверждает, что сын и два зятя Мочалова неделю пропадали. Будто в извозе, в Муроме. Но говорит, что лошади у них в это время дома были.

— Как же Петька...

— И я не пойму, почему он о встрече на постоялом дворе подробно говорил. Или за дураков нас считает.

На двор вышел хозяин. Евгений Петрович оборвал разговор, заговорщически подмигнул Василию, заспешил к хозяину.

После завтрака приступили к кладке. Ловко подхватывая подаваемые Горбуновым кирпичи, Василий неторопливо выводил стенку. Кирпичи плотно ложились один к другому. Пахло глиной, сырым песком, крепко обожженным кирпичом. Работали молча. Горбунов часто отлучался, приносил то кирпич, то глину. Иногда пропадал надолго. Кончился кирпич. Василий отложил мастерок, снял фартук, вышел на улицу. В голубом небе играло солнце, звенел жаворонок. Набрав кирпичей, Василий шагнул к двери, и вдруг испуганный душераздирающий крик ударил в уши. Вздрогнув, Василий обернулся и выронил кирпичи. Из переулка, закусив удила, вылетел жеребец. Растянув в крике рот, к сиденью прижалась девчонка. Не раздумывая, бросился наперерез, успел схватиться за борт. Его резко рвануло, бросило вниз под колеса, но он, собрав всю силу, подтянулся и перевалился через край. Чудом дотянулся до волочащихся по земле вожжей, подобрал их. Встав на ноги, увидел, как торопливо разматывается ухабистая лента дороги, летит навстречу неровная стена леса. Ветер свистел в ушах, рвал одежду. Твердые суглинистые комья земли, вылетая из-под копыт, крупной дробью били в передок тарантаса. Ошметками летела пена с губ разгоряченного скачкой коня. Откидываясь всем телом назад, изо всех сил натягивая поводья, Василий пытался сбить жеребца с бешеного намета. Жеребец, задирая голову, дико косил кровянистым глазом, напористо шел вперед.

«Сейчас река... Мост разобран...» — пронеслось в сознании, и он вмиг представил, как они летят с обрыва в бурлящую воду. Под ногами все время каталось что-то тяжелое, завернутое в мешковину и мешало твердо упереться в днище. Попытался отбросить ногой — не смог. Глянул под ноги — не поверил своим глазам: из мешка высовывался ствол пулемета. Не раздумывая, рванул правую вожжу. Жеребец, не разбирая дороги, махнул через канаву. Сильный удар выбросил Василия из тарантаса.

Любаша продолжала сидеть, не в силах оторвать от поручней занемевшие руки. Жеребец стоял спокойно, опустив голову. Бока его тяжело вздымались, по крупу волнами пробегала дрожь. Рядом на земле, неловко подвернув ногу, лежал Василий. В руках намертво зажаты ременные вожжи. Любашка поправила юбку, осторожно ступила на подножку. Внимательно осмотрелась. Взяла в руки тяжелый ствол, подошла к берегу, швырнула его в воду. Зачем-то вытерла руки о юбку, ухом прильнула к широкой груди Василия. Услышав, как бьется сердце, чуть улыбнулась. Вынув из-под сиденья тарантаса попону, расстелила на земле. Взяла лежащего под мышки, с трудом перетащила на попону. Уложив поудобнее, расстегнула ворот рубашки. Не обнаружив ран, с облегчением вздохнула.

Через несколько минут Василий очнулся, удивленно осмотрелся. Опираясь рукой о землю, сел, поджав ноги.

— Вот это прокатились! С ветерком, аж память отшибло, — открывая в улыбке ровные и белые, как сахар, зубы, проговорил он. — Разве же на этом черте можно одной выезжать. Ввалить бы тебе по первое число за такую скачку. Смотри, полдеревни взбаламутила, — беззлобно закончил он, кивая головой на дорогу. Там во весь опор мчались повозки, бежали люди. Впереди всех, стоя во весь рост на телеге, летел Фадей Мочалов.

Любашка молчала. Волна радости и не испытанного доселе волнения нахлынули на нее, заполнили всю без остатка. Она уже не помнила о той смертельной опас-

ности, которой только что подвергалась. Она была счастлива. Он был рядом, он улыбался ей. Остальное ее не касалось.

9.

Поздно вечером прибыли вызванные на подмогу оперативники Быстров и Захаров. Вместе с ними приехал уполномоченный ОГПУ Скопцов. Завесив окна, чтобы не привлекать внимания, совещались на квартире председателя сельсовета Ивлева.

— Введу вас в курс дела, — негромко начал Скопцов. — Горбунов с Юдиным вышли на кулацкую банду, которой руководит Фадей Мочалов. Работает кулачье хитро и смело. Некоторые данные о них имеем, но прямых улик не было. Сейчас есть, они добыли, — и Скопцов головой кивнул на Горбунова и Юдина. — Брать нужно немедленно. Дело нешуточное. По оперативным данным, где-то здесь скрывается один из руководителей готовящегося восстания, уроженец здешних мест — Степан Михайлович Воробьев. Враг матерый. Хладнокровен, смел, умен, находчив. С оружием не расстается. Стреляет отменно. На себе испытал. — Скопцов провел рукой по небольшому шраму чуть пониже уха. — Его приметы: высокий, смуглый, глаза навыкате, смотрит не мигая, брови вразлет, густые. Говорит мало. Брать надо живым. Не исключена возможность, что он живет у Мочалова. Детали операции доложит Горбунов.

— Твердо уверен, ребята, что кража сейфа — дело рук банды Мочалова. И Воробьев находится здесь. Почему я так уверен? Объясняю. Во-первых, сейф вынесен из дома без шума и очень быстро. Действовали безошибочно, точно зная расположение комнат. Воспользовались черным ходом, которым давным-давно не пользовались, причем предварительно его подготовили, не вызывая подозрений. Это дом, в котором Воробьев вырос и знает, как свои пять пальцев. Во-вторых, человек, напавший на Юдина и ограбивший Евдокию Жилякову, по приметам похож на Воробьева. В-третьих, чеки, как эта, — он положил на стол чеку, найденную Быстровым, — есть только у Мочалова. В этом нас заверил товарищ Ивлев.

Брать будем днем, во время обеда, когда меньше всего ждут непрошенных гостей. Ночью опасно. К дому подойдем с той стороны, где нет окон. Постучит Юдин. Учтите, что последнее время Мочаловы никого постороннего в дом не пускают. Двери держат на запоре. Юдину, думаю, откроют — как-никак спаситель дочери.

...Дверь открыла Любашка. Узнав Василия, застеснялась, вся вспыхнула, опустила глаза да так и застыла, загородив проход. Из-за спины Юдина шагнул Горбунов, отодвинул плечом Любашку, стремительно зашагал по ступенькам. За ним, не задерживаясь, прошли все. Тяжело хлопнула дверь на кухню. Любашка, поняв, испуганно прижала ладони ко рту, боясь закричать. Напряженно текли минуты.

Привыкнув к полумраку сеней, Василий шагнул к замершей около стены Любашке, взял за руку. Скрипнула половица. Василий вскинул глаза, увидел Степана. В руке он держал обрез. В лицо ярко плеснуло пламя — ударил выстрел. Пуля на сантиметр выше головы Василия, отбив щепку, вошла в косяк. Остервенело дергая затвор, Степан старался перезарядить обрез. Жалобно зазвенела, запрыгала по ступенькам порожняя гильза, и Василий понял, что на этот раз Степан не промахнется. Страх сдавил горло. Горячий язычок пламени лизнул дульный обрез. Но за мгновение до этого Любашка бросилась к Василию, сбила его с ног. Падая, он почувствовал, как тяжелеет, наливается свинцом Любашкино тело.

Степан пригнулся, высадил плечом раму, прыгнул во двор. Петляя, побежал вдоль конюшни, завернул за угол. Вслед ему били запоздалые выстрелы.

10.

— Немедленно за фельдшером! — распорядился Горбунов, внимательно осмотрев Любашкину рану. — Запрягай лучшего коня и скачи во весь дух в Натальино. Без фельдшера не возвращайся! — кричал он вслед Захарову, который стремглав бросился в конюшню.

Василий с Быстровым осторожно подняли Любашку, медленно внесли в избу, положили на кровать. Около нее захлопотали сестры.

Фадей Исидорович сидел в кухне на лавке, бессильно положив руки на колени. Когда принесли дочь, он не поднял головы. Рядом с ним постанывал, медленно раскачиваясь всем телом и держась руками за голову, Михаил, муж старшей дочери. Когда в сенях загремели выстрелы, он бросился к двери, но Скопцов свалил его, ударив рукояткой нагана по голове. Младший зять Федор и сын Фадея, Володька, молча стояли у печи.

— Видишь, Фадей, как дело повертывается, — сказал Скопцов. — И в молчанку играть нечего. Говорить все равно придется.

Фадей только ниже опустил голову, словно неимоверная тяжесть гнула его к полу.

Хлопнув дверью, вошел Горбунов. Бросил тяжелый сверток на стол перед Фадеем. Тот, медленно подняв голову, обвел всех затуманенным взглядом. На руках, сжатых в кулаки, набухли вены.

— Брось злиться, Фадей Исидорович, — твердо сказал Горбунов. — Рассказывай все по порядку.

Глаза Фадея сузились, брызнули ненавистью. Дрогнули жесткие губы. Поперхнувшись, выдавил:

— Не-на-ви-жу!

— Зачем так грубо, Фадей Исидорович, — не повышая голоса, продолжал Горбунов. — Мы, по-моему, тебя не обижали. Знаешь, что в этом сверточке, а?

Горбунов развязал сверток. На стол высыпались упакованные в пачки тридцатирублевые купюры. Фадей вскочил, вцепился в край стола руками и закричал:

— Сволочи! Бейте, стреляйте! Все равно убивать вас буду!.. Не-на-ви-жу!

Из передней медленно вышла Вера. Обведя всех отчужденным взглядом, попросила:

— Не кричите, ради Бога. Умирает Любашка.

Медленно повернулась и вышла.

Федор оттолкнулся от печи, шагнул к столу. Фадей свирепо глянул на него, прошипел:

— Пше-е-л на мес-то!

— Хватит, намолчался! — упрямо нагнув голову, свистящим шепотом заговорил Федор. — Третий год в рабах у тебя хожу. Пиявкой к сердцу присосался, живьем кровь тянешь. Позарился на богатство твое, думал, в люди выйду. Как же, вышел! У тебя выйдешь! Хуже, чем на каторге. Все тебе мало, в три горла жрать готов. Дочь родную не пожалел, под пулю сунул. Эх, ты...

Федор повернулся к Горбунову.

— Все, все расскажу! Пусть судят, пусть расстреляют! Хоть перед смертью людям в глаза честно взглянуть смогу. Надоело! Ящик этот проклятый мы взяли. Степан все подготовил. Он отцу родному, если надо, нож в горло ни за что ни про что всадит и не моргнет. Битюг этот, — он ткнул пальцем в старшего зятя, Михаила, — на своем горбу тот ящик вынес. Ему для этого лямку бурлацкую приспособили. Вчетвером этот ящик на спину навалили, а он и не крякнул. Из города двое с нами были: Федька Храмов да Ванька Пчеляк. Они и ствол у винтовки срезали. Как же, мастеровые люди. Половина денег у них. Наелся я этой жизни досыта. Надоело!

11.

Днем, приехав в отдел, разработали план взятия Храмова и Пчеляка. Удалось установить, что они засветло прошли в квартиру Гаракина, промышляющего скупкой краденого.

Поздно вечером, взяв с собой Федора, зятя Мочалова, подошли к двухэтажному дому, где жил Гаракин. На второй этаж поднимались медленно — лестница под ногами невыносимо скрипела. Горбунов шел первым. За ним Федор. Замыкал группу Василий. Быстров с молодым милиционером Алешиным остались внизу под окнами. У двери, обитой старым одеялом, остановились. Василий держал оружие в руке и чувствовал, как жжет ладонь рубчатая рукоятка.

Федор тихо, с интервалами, постучал в стену. Через несколько минут из-за двери хриплый женский голос спросил:

— Кого надо?

— Картошки вам из деревни прислали.

— Сколько?

— Три мешка.

— Сейчас открою.

Загремел засов. Горбунов вошел первым, за ним остальные. Хозяйка заперла дверь. Недовольно пробурчала:

— Спать пора, а вы шляетесь. Проходите в комнату.

— Кого черти принесли, Анфис? — донесся из комнаты скрипучий голос.

— Мочалов Фадей прислал нас, — входя в комнату, сказал Горбунов. — Просил принять.

Горбунов оглядел сидящих за столом. Их было трое. Воробьева среди них не было. Гаракин не спеша тасовал колоду карт. Был он тощ, невысок ростом. На маленьком птичьем носу сидели роговые очки с выпуклыми стеклами. Через них Горбунова сверлили подозрительные, с прищуром глаза. Двое других, мельком глянув на вошедших, с нетерпением ждали, когда Гаракин сдаст карты, на столе высилась горка кредиток. Играли по крупной.

— Садись, гостем будешь. Водки поставишь, хозяином будешь, — заскрипел Гаракин.

— Принес бы, да Фадей денег не дал,— ответил Горбунов.

— Старый скряга. Зачем ему такая пропасть грошей? Солить, что ли, будет? — чуть заикаясь, подал голос один из игравших, и Горбунов сразу понял, что Храмов. По рассказам он знал, что Храмов заикается.

— Он приказал, чтобы вы мне и вторую половину передали.

— Ну, ты, заткнись.

— Не шуми, Пчеляк, не стоит. Я начальник уголовного розыска Горбунов. Дом оцеплен, деваться вам некуда. Руки прошу на стол, и не вздумайте ерунду пороть. Василий, заходи.

Юдин быстро и ловко обыскал всех троих. Оружия при них не было.

— Ближе к делу. Предлагаю добровольно выдать деньги из похищенного сейфа.

— Какие деньги, начальник? Какой сейф? — изумленно протянул Храмов. — Век чужого не брали.

— Пригласи понятых, Быстров. Искать будем. А вы, гражданин Гаракин, ознакомьтесь с ордером на обыск.

Гаракин не спеша снял очки, протер их фланелькой, вновь надел. Взял со стола бумажку, долго и внимательно читал ее.

— Воля ваша, ищите. Только вряд ли чего найдете. Я ни к каким деньгам, а тем паче оружию, касательства не имею.

Он недовольно пожал плечами, сел в кресло, закинул ногу на ногу. Лицо его приняло брезгливую маску.

Храмов и Пчеляк равнодушно наблюдали за обыском, курили. Закуривая очередную папиросу, вежливо просили разрешения у Горбунова. Прошло более двух часов. Василий с Быстровым и Алешиным перетряхнули все до мелочей, но ни денег, ни оружия не нашли. Гаракин сидел в той же позе, невозмутимо спокойный. Но Горбунов верил Федору и нутром чуял, что отыскиваемое где-то здесь, рядом.

Василию обыск надоел. Осмотрели все, что можно было, и он не понимал, зачем нужно во второй и третий раз осматривать одно и то же. Видя, как откровенно и равнодушно зевает хозяин, а Пчеляк с Храмовым невозмутимо дымят папиросами, он злился на Горбунова, который вновь и вновь заставляет их переворачивать в сундуках старую рухлядь.

Подойдя к печке, Василий открыл двер-

ку, заглянул в топку. Она доверху была забита сухими березовыми поленьями. Он не видел, как напрягся, как заиграли желваки на скулах Гаракина. Это продолжалось мгновение, Гаракин вновь равнодушно зевнул. Но это мгновение засек Горбунов.

«Заботливый народ, с вечера дровишки заготовили, — подумал Василий. — Только придется ли топить, на дворе теплынь. Пролежат до осени».

Он захлопнул дверку, подошел к Горбунову, тихо сказал:

— Заканчивать надо, Евгений Петрович. Ничего нет.

Горбунов посмотрел на Василия в упор, и тот увидел, что в его глазах пляшут веселые чертики.

— Закругляемся, ребята, — громко сказал Горбунов. — Зря только настроение хозяевам попортили. Вы уж извините нас великодушно, — поворачиваясь к Гаракину, продолжал он. — Ошиблись.

Гаракин шумно втянул в себя воздух, как-то вдруг обмяк и, не сказав в ответ ни слова, развел руками: дескать, зачем оправдываться. Служба есть служба. Он никаких претензий не имеет.

Горбунов встал, вынул из сумки бумагу, протянул Быстрову.

— Пишите протокол, Иван Васильевич. Надо, чтоб все по закону было. Иначе хозяин обидеться может.

Он резко повернулся, подошел к печке, открыл дверку. Не торопясь, стал вытаскивать дрова. Через минуту вынул из-под дров один обрез, затем второй. Пошарив, извлек тяжелый сверток. В нем были деньги.

...Незаметно подкрался рассвет. Взошло солнце. Быстров заканчивал писать протокол, когда в стену трижды с интервалами постучали. Вздрогнул Гаракин, переглянулись Храмов с Пчеляком. Горбунов, взяв наган в правую руку, жестко, шепотом приказал:

— Ложись на пол. И ни слова!

Гаракин, глянув на Горбунова, без слов лег на пол лицом вниз. За ним легли Храмов и Пчеляк.

— Быстров, Алешин, глаз с них не спускать. Василий — со мной. Где хозяйка?

Он глянул на побелевшее и осунувшееся лицо хозяйки, тихо сказал:

— Открывай!..

Хозяйка подошла к двери, спросила пароль. Ей ответили. Трясущимися руками она долго отодвигала засов. Василий стоял за портьерой, до хруста в пальцах сжимал рукоятку револьвера. Горбунов встал так, что, когда дверь открылась, он оказался за створкой.

— Про-ход-ди-ди-те, мы... мы.., спим, — лепетала хозяйка, отступая в кухню. Ее мелко трясло, и слова застревали где-то глубоко в горле.

Через порог шагнул Степан. Правую руку он держал за бортом пиджака. Тихо скрипнул пол под ногой Горбунова. Степан резко обернулся, молниеносным ударом сбил Горбунова с ног, бросился в дверь. Василий спустил курок. Грохнул выстрел. Степан секунду постоял, словно в раздумье, и вдруг повалился навзничь, раскинув руки в стороны. Широко раскрытые, стекленеющие глаза уставились в потолок.

ВАМ, РАБОТНИКИ МИЛИЦИИ!

ОБЪЕДИНЕННАЯ РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА «СОВЕТСКАЯ МИЛИЦИЯ» И ГАЗЕТЫ «ЩИТ И МЕЧ» ПРЕДЛАГАЕТ СДЕЛАТЬ ЗАЯВКУ НА ГОТОВЯЩИИСЯ К ВЫПУСКУ ПЕРВЫЙ СБОРНИК «ПРОФЕССИОНАЛ»

В нем вы найдете Закон РСФСР «О милиции» и комментарий к нему; курс «Рукопашный бой»; материалы по пенсионному законодательству для работников органов внутренних дел и другие справочные сведения, необходимые в организации службы.

Ориентировочная цена сборника — 5 рублей без стоимости пересылки. О порядке оплаты мы сообщим дополнительно. Коллективные заявки, с указанием необходимого количества экземпляров, заверенные руководством подразделения, будут обеспечиваться в первую очередь.

Вместе с заявкой присылайте и предложения, какие материалы вы хотели бы увидеть в следующих выпусках сборника.

Воинов, в настоящее время проходящих срочную службу, просим указывать свой домашний адрес.

На сборник могут сделать заявку и другие подписчики журнала «Советская милиция».

Адрес редакции: 127434, г. Москва, ул. Ивановская, 24.

● КАТА «ПИНАН ГОДАН»

● ШАХМАТНЫЕ КОМПОЗИЦИИ Ф. ФИЛИДОРА

КАРАТЭ-ДО

Занятия ведет вице-президент
Международной Федерации каратэ-до
Дзесинмон-Серинрю, 3 дан,
Ю. МАРЯШИН

Занятие 9

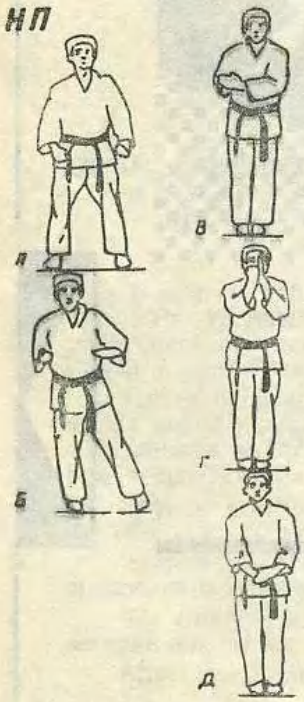
Предлагаемый для изучения технический комплекс «Пинан годан» является пятым и последним комплексом из серии «ПИНАН».

По классификации школы этот комплекс стоит на уровне I ДАН-ХО (первый черный пояс) и по сложности несколько выше предыдущих комплексов.

Рисунки разбиты на отдельные элементы или группы элементов — позиции данного технического комплекса. Каждой позиции соответствует цифровое обозначение, которое также является счетом выполнения комплекса. Каждому элементу позиции соответствует буквенное значение, причем элементы позиции выполняются слитно, в строго заданном ритме.

КАТА «ПИНАН ГОДАН»

НП (а — д). Из стойки Хейко «а» перейти в стойку Хейсоку «д», из которой начинается выполнение комплекса:

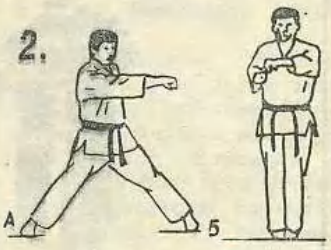

1 (а — в). Поворот на 90° влево в стойку Хидари коцу: «а», «б» — из положения НП «д» шагом левой ногой влево перейти в заднюю стойку Кокцу, одновременно левой рукой выполнить защиту Хидари учи-уке; «в» — прямой удар правой рукой в средний уровень воображаемого противника Чудан чоку цки.

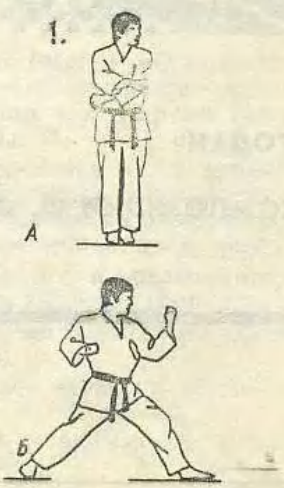

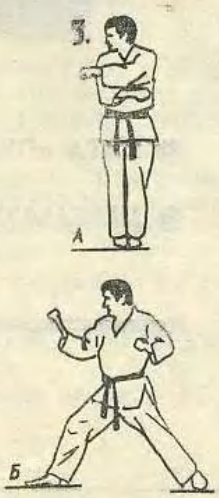
Элемент 1 «в» сопровождается акцентированным криком (АК).

2 (а, б). Поворот на 90° вправо относительно позиции 1 «в»: «а» — стопу левой ноги развернуть на 90° вправо относительно предыдущего положения; «б» — подтягивая правую ногу к левой и развернув туловище на 90° вправо относительно предыдущего положения, прийти в стойку Хейсоку, при этом руки занимают положение согласно позиции 2 «б».

3 (а — в). Поворот на

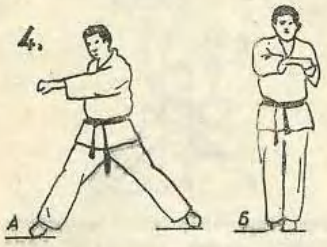

90° вправо в стойку Миги кокцу. Выполняется по аналогии с позицией 1 (а—в).

4 (а, б). Поворот на 90° влево относительно позиции 3 «в». Выполняется по аналогии с позицией 2 (а, б).

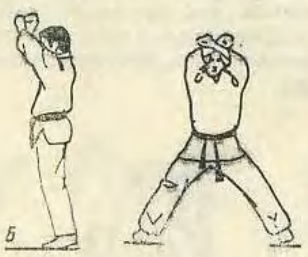
5 а. Шагом правой ногой вперед прийти в стойку Миги кокцу с защитой предплечьем правой руки наружу с усиливающим действием левой руки Моротэ уке.

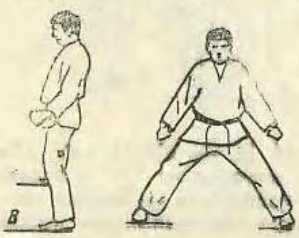
6 (а — з). Передвижение вперед в передней стойке (Дзенкцу): «а» — шагом вперед левой ногой прийти в стойку Хидари дзенкцу с защитой предплечьями скрестно вверх Дзюджи уке джодан; «г» — «ж» — выполнить имитацию захвата руки воображаемого противника; «з» — шагом вперед правой ногой прийти в стойку Миги дзенкцу с ударом правой рукой в верхний уровень воображаемого противника Джодан цки. Элемент 6 «з» сопровождается акцентированным криком (АК).

7 (а — в). Поворот на 270° в левую сторону с защитой нижнего уровня предплечьями изнутри Моротэ бараи: «а» — выполнить поворот на левой ноге, правой ногой выполнить круговой удар снаружи подошвой стопы Миги микацки; «б» — прийти в стойку

Киба дачи, руки скрестно над головой (подготовка к следующему техническому действию); «в» — выполнить защиту нижнего уровня предплечьями изнутри Моротэ гидан бараи. Элемент 7 «в» сопровождается акцентированным криком.

8 (а, б). Выполнить защиту тыльной поверхностью ладони левой руки Хайто. Выполняется медленно, с усилием.

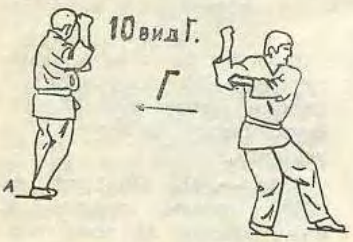
9 (а — в). Поворот на 180° в левую сторону с комбинацией из трех элементов: «а» — правой ногой выполнить удар снаружи подошвой стопы в ладонь левой руки Миги микацки; «б» — выполнить поворот на 180° на левой ноге и прийти в стойку Киба дачи с круговым ударом правым локтем Маваши эмпи в ладонь левой руки; «в» — переступая правой ногой в правую сторону, прийти в левую скрестную стойку Хидари коса с ударом тыльной частью кулака в верхний уровень воображаемого противника и усиливающим действием левой руки Джодан миги уракен. Элемент 9 «в» сопро-

вождается акцентированным криком.

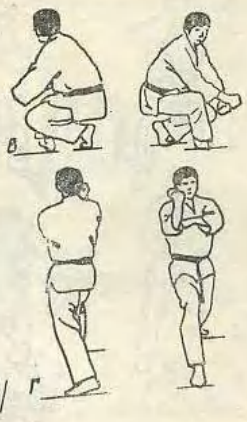

10 а. Поворот на 90° влево в стойку Хидари некоаши с ударом кулаком правой руки вертикально вверх левая рука усиливает действие правой.

11 [а — г]. Прыжок вперед с последующим выходом в стойку Миги кокцу: «а» — «в» — выполнив прыжок, прийти в положение глубокого приседа (ноги и предплечья скрестно); «г» — прийти в стойку Миги кокцу с защитой правым предплечьем наружу и усиливающим действием

левой руки (Моротэ учиуке). Элемент 11 «г» сопровождается акцентированным криком.

12 а. Поворот на 180° стойку Хидари кокцу с прямым ударом правой рукой в средний уровень воображаемого противника, при этом предплечье левой руки на правом плече.

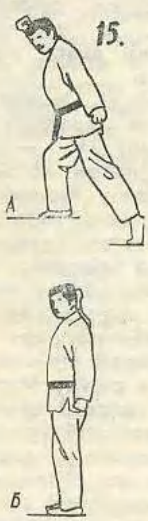
13 [а, б]. Поворот на 90° вправо в стойку Хейсоку: «а» — развернув корпус на 90° вправо, центр тяжести тела перенести на правую ногу; «б» — подтянув левую ногу к правой в стойку Хейсоку, выполнить комбинацию защит Миги джодан уке, Хидари гидан уке.

14 [а — в]. 14 «а», «б» — поворот на 135° в левую сторону: «а» — сгибая правую ногу, выполнить выпад левой ногой назад в сторону под 45°; «б» — перенести центр тяжести тела на левую ногу, одновременно выполнить разворот туловища на 135° с ударом передней поверхностью ладони правой руки в нижний уровень воображаемого противника Миги тэйшо.

14 «в» — поворот на 135° в правую сторону: перенести центр тяжести тела на правую ногу, одновременно выполнить разворот туловища на 135° с комбинацией защит Миги джодан уке, Хидари гидан уке.

15 [а, б]. Подтягивая левую ногу к правой, прийти в стойку Хейсоку по аналогии с позицией 13 «б».

16 (а, б). Поворот на 180° в левую сторону в стойку Хейсоку с комбинацией защит Хидари джодан уке, Миги гидан уке.

17 (а — в). 17 «а», «б» — поворот на 135° в правую сторону: «а» — сгибая левую ногу, выполнить выпад правой ногой, назад в сторону под 45°; «б» — перенести центр тяжести тела на правую ногу, одновременно выполнить разворот туловища на 135° с ударом передней поверхностью ладони левой руки в нижний уровень воображаемого противника Хидари тэйшо.

17 «в» — поворот на 90° в левую сторону: перенести центр тяжести тела на правую ногу, одновременно выполнить разворот туловища на 90° с комбинацией защит Хидари джодан уке, Миги гидан уке.

Элемент 17 «в» сопровождается акцентированным криком.

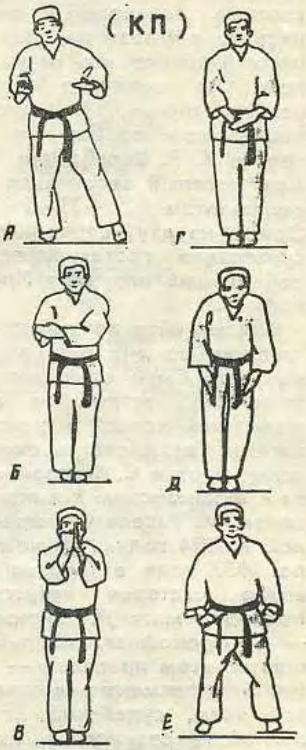

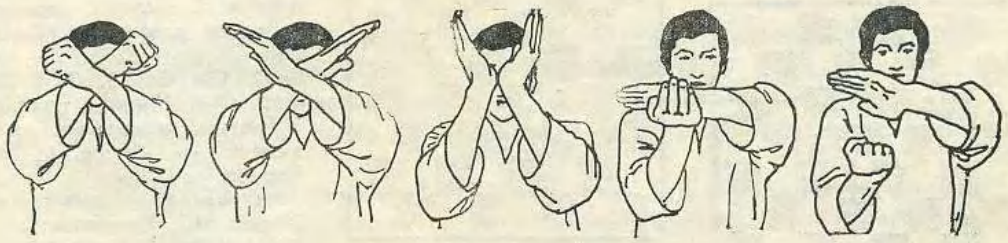
18 (а, б). Не меняя положения туловища, подтянуть правую ногу к левой в стойку Хейсоку с комбинацией защит Хидари джодан уке, Миги гидан уке.

19 а. Поворот на 45° влево на правой ноге в стойку Хейко.

КП (а — е). Комплекс заканчивается по аналогии с позицией НП (а — д).

КЛАСС КАНССЫ

Занятия ведет заслуженный тренер РСФСР М. ЮДОВИЧ

НЕОБЫЧНЫЙ МАТЧ

В журнале «Шахматный вестник» за 1914 год дважды упоминается С. С. Прокофьев. На банкете 25 апреля в честь участников международного турнира в Петербурге в музыкальной программе принял участие «весьма талантливый пианист и композитор, получивший только что первый приз на конкурсе Спб. консерватории». В другой информации сообщается о сеансе Х. Р. Капабланки 16 мая, который закончился с результатом +23—2=2. Одним из двух соперников кубинского гроссмейстера, победивших его, был Прокофьев.

Выдающийся композитор, столетие со дня рождения которого было отмечено в этом году, встречался за шахматной доской и с коллегами. Так, известно окончание партии С. Прокофьева с французским композитором М. Равелем, сыгранной в 1924 году. А в ноябре 1937 года в Москве в клубе мастеров искусств проходил матч Д. Ойстрах — С. Прокофьев. «Борьба шла по всем правилам — с точно регламентированным временем, судейской коллегией и, разумеется, при публике», — вспоминал Ойстрах (счет матча +1—0=4 в его пользу).

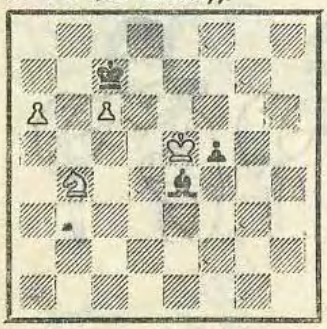

Диаграмма № 1

Вот какое окончание возникло в первой партии матча.

Игравший белыми С. Прокофьев сделал ход 71. a7. Кажется, поражение черных неизбежно, но следует 71... С:с6! 72. К:с6 Крb7. Ничья, хотя у белых большой материальный перевес. Когда белый король уничтожит единственную пешку черных и приблизится к своей проходной, черный король скроется в углу доски. Это — теоретически ничейный эндшпиль, так как пат неизбежен.

КАК ПО НОТАМ

Знаменитым композитором и сильнейшим шахматистом своего времени был Ф. Филидор (1726—1795 г.г.). Его точные анализы ряда окончаний сохранили значение до наших дней. Предлагаем разобрать две теоретические позиции французского шахматиста.

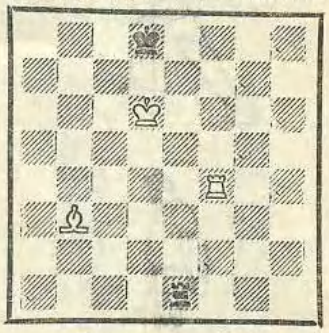

Диаграмма № 2

В таком окончании сильнейшая сторона побеждает, если удается оттеснить короля противника на край доски и идеально расположить свои силы. Белые начинают и выигрывают.

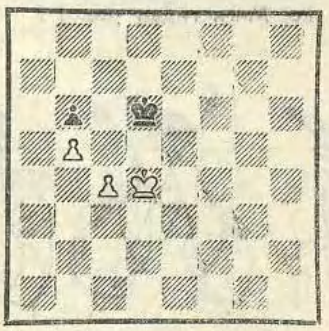

Диаграмма № 3

В этом пешечном эндшпиле результат зависит от очереди хода. При ходе белых — ничья. При ходе черных белые добиваются победы.

Ждем ваших решений до 30 октября. Десять участников нашего заочного конкурса, которые пришлют точные ответы, будут награждены грамотами и поощрены книгами по шахматам.

ЛЮБИМАЯ АРИЯ

Более тридцати лет назад во Дворце спорта в Лужниках состоялось представление «Живые шахматы». Партнерами за шахматной доской были чемпион мира М. Ботвинник и В. Смыслов, а в вокальном дуэте — народный артист СССР И. Козловский и В. Смыслов. «Моя любовь к музыке и вокалу принесла мне не только много радости, но и помогла спокойнее относиться ко всем превратностям судьбы», — писал В. В. Смыслов в своей книге «В поисках гармонии».

На юбилейном вечере Смыслова гроссмейстер Ю. Авербах вспомнил любопытный случай. Во время международного турнира партия экс-чемпиона мира с английским мастером Г. Голомбеком была отложена. Англичанин надеялся сделать ничью и сообщил об этом одному из участников. «Вряд ли, — последовал ответ. — Я слышал, что Смыслов накануне доигрывания пел в номере свою любимую арию». Прогноз оказался правильным — Смыслов победил.

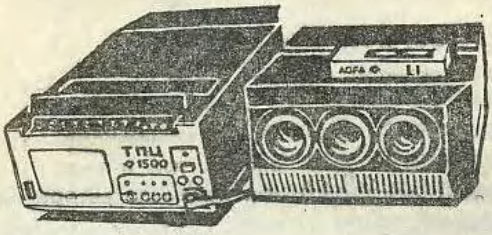
ПРОВЕРЬТЕ РЕШЕНИЯ

Журнал № 7/91. Первая диаграмма. 1. Л:f6+Крf6 2. Фg4 Фс5+ 3. Крh1 Крe7 4. Cg5+. Черные, а ими играл гроссмейстер Григорян против Смыслова, сдались.

Вторая диаграмма. Смыслов — Коттнауэр. 1. Кс5 dc 2. Сf4 Cd6 3. С:d6 Лb6 4. Ф:d7+. Черные сдались.

Третья диаграмма. Ботвинник — Керес. 1. Лb8! Черные сдались.

Четвертая диаграмма. Этюд М. Ботвинника. 1. Крf5! Крb6. 2. Крf6 Крс6 3. Крe6 Крс7 4. Крe 7 Крс6 5. Крd8 Крd6. Крс8 Крс6 7. Крb8 Крb6 8. Крa8. Белые выигрывают.

ВИДЕОПРОЕКТОР ТПЦ-1500

ПРЕДНАЗНАЧЕН ДЛЯ ВОСПРОИЗВЕДЕНИЯ НА ОТРАЖАТЕЛЬНОМ ИЛИ ПРОСВЕТНОМ ЭКРАНЕ ТЕЛЕВИЗИОННЫХ ВИДЕОСИГНАЛОВ

Источниками сигналов могут быть:

бытовые и студийные видеомагнитофоны

телевизоры

телевизионные тюнеры

бытовые и промышленные видеокамеры

тюнеры спутникового телевидения

вход R, G, B предназначен для подключения к видеопроектору персональных компьютеров, видеоигр и видеокамер, имеющих выход R, G, B

Основные технические характеристики:

Рабочий размер экрана по диагонали, см	150 или 220
Проекционное расстояние, м	3,7—4,2
Разрешающая способность по горизонтали, ТВЛ	500
Величина яркости в центре экрана, кд/м^2	40^{+25}_{-10}
Время выхода на рабочий режим после включения, сек	120
Потребляемая мощность; Вт	100
Размеры, мм	380×160×15
Масса, кг	15

КОМПЛЕКТ ПОСТАВКИ

1. Видеопроектор
2. Узел подвески
3. Отражательный (просветный) экран
4. Пульт дистанционного управления

По вопросам приобретения обращаться: 340000, г. Донецк, ул. Горького, 146, Донецкий областной киновидеоцентр профсоюзов, компания «МУЛЬТИМЕДИА».

Контактные телефоны: **90-13-50, 90-36-19.** Телефакс: **93-51-29.** Телетайп: **115316 СОВЕТ.**

МАЛОЕ ПРЕДПРИЯТИЕ «ДЕТМАШ»

ПРЕДЛАГАЕТ КОМПЛЕКТЫ И ОТДЕЛЬНЫЕ ТРЕНАЖЕРЫ ДЛЯ ВОСТОЧНЫХ ЕДИНОБОРСТВ И РУКОПАШНОГО БОЯ.

Стоимость комплекта тренажеров (5 типов—11 шт.)—5500 руб.

Возможна поставка тренажеров в других сочетаниях по выбору заказчика.

Срок изготовления — 1—2 месяца со дня оформления заказа.

Наш адрес: 480061, г. Алма-Ата, ул. Райымбека, 417 «А» МП «ДЕТМАШ».

Тел: (8-3272) 26-32-24, 26-32-79.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СОВЕТСКАЯ
МИЛИЦИЯ

Ежемесячный общественно-политический и литературно-публицистический массовый журнал Министерства внутренних дел СССР

Основан в ноябре 1922 года.

9. 91

Главный редактор
А. Г. ЧЕРНЕНКО.

Редакционная коллегия:
А. М. АЛЕКСЕЕВ,
С. И. ГРЕБЕНЁВ,
Ю. В. ДОЙНИКОВ,
В. В. ДЕНИСОВ,
В. М. ЛЫКОВ,
Г. Е. МЕЛЬНИК,
В. В. ТАРАНЧЕНКОВ,
Л. Б. ФИШЕР,
В. Н. ШАШКОВ.

Главный художник
Е. И. СПИРИДОНОВ.

Художественный редактор
А. В. МАСЛАЕВ.

Технический редактор
Т. П. МОЩАЛКОВА.

Корректоры:
Л. С. ОРЛОВА,
Н. Б. ПИЧУГИНА.

В НОМЕРЕ:

ОБЩЕСТВО, ПОЛИТИКА, ЧЕЛОВЕК

В. БАРАННИКОВ. Наше дело — борьба с преступностью 1
С. ГЛАЗУНОВ. До и после «исповеди» . 2
Т. НУРУЛЛИН. Два пишем, три в уме... . 10
П. ЛИХОМАН. Отчего страдает наш авторитет! 12
Л. АСАУЛОВА. Невменяемые . . . 13
Т. КОЛГАНОВА. Аргументы подполковника Удачина 17
А. ГОРКИН. «За пределами человеческих возможностей...» 20
И. КЛИМОВ. В. ЗОЕОВ. Можно ли прогнозировать организованную преступность! 24
Б. ЭТИН. Взятка 26
Е. МАКСАЕВА. Шальные деньги . . . 28

ОТЕЧЕСТВО И МЫ

А. БОРИСОВ. Просвещенный консерватор . 30
Н. СЫСОЕВ. «Строить скоро, дешево, крепко...» 33
Т. ПОЛЯКОВА, В. РЫБИН. История — это документы 36
Л. ТОКАРЬ. Независимо от вида службы . 36
И. ЧУХИН. «Кремлевский заговор» . . 38
В. КРАСОВСКИЙ. Замоскворечье Островского 46

ЗАКОН: ДУХ И БУКВА

В. ИЛЛАРИОНОВ. Заложники и «переговорщики» 48
В. ДЕНИСОВ. Парадоксы «пятого пункта» . 52
Задачник по милицейской практике . . 54

ИНТЕРПАНОРАМА

А. ШАРАПОВ. Четвертый язык — «язык» закона 56
«Револьвер — твой лучший друг» . . 58
Т. КОНСТАНТИНОВА, В. СЕРГЕЕВ. Совет Европы и Советский Союз 60

ЛИТЕРАТУРА, ИСКУССТВО

Л. ДЮРКО. Тень смерти 63
И. ШАРЫГИН. Не дать уйти 79

СПОРТКЛУБ «СМ»

Ю. МАРЯШИН. Каратэ-до 90
Класс Каиссы 94

Ответственность за точность приведенных в материалах фактов, цитат, статистических и экономических данных, географических названий и прочих сведений несут авторы материалов. Рукописи не рецензируются и не возвращаются.
© «Советская милиция», 1991 г.

Адрес редакции: 127434, г. Москва, ул. Ивановская, 24. Телефон для справок: 976-87-19.
Сдано в набор 05.07.91 г. Подписано к печати 20.09.91 г. Цена 1 руб.
Тираж 909333. Печатается в 4 завода. Заказ 2221. Формат бумаги 70×108 1/16.

Ордена «Знак Почета» типография «Красная звезда».
Хорошевское шоссе, 38.

В СЛЕДУЮЩИХ НОМЕРАХ:

ВЫСТРЕЛЫ У БЕЛОСАРАЙКИ Повесть А. ЕРМОЛАЕВА
"УГОВАРИВАТЬ МАФИЮ БЕСПОЛЕЗНО..."
ПОЧЕМ НЫНЧЕ АВТОМАТ

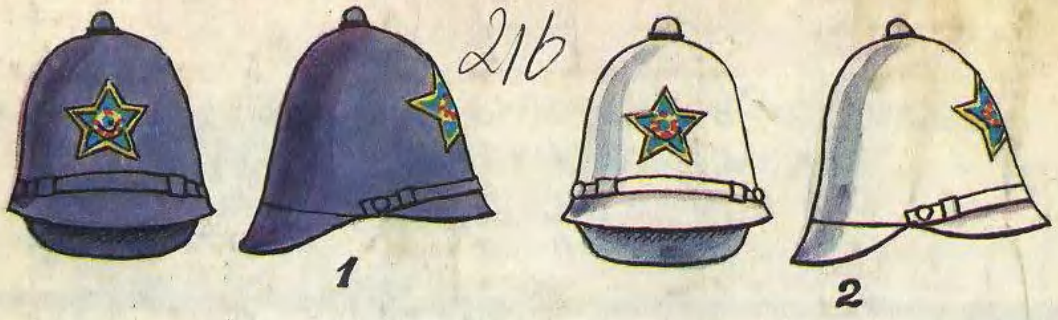
■ Отечество и мы

ЗАМОСКВОРЕЧЬЕ ОСТРОВСКОГО

На снимках:
слева вверху – дом, в котором родился А. Н. Островский;
слева внизу – церковь Николы в Пыжах;
в центре – памятник А. Н. Островскому;
справа вверху – дом с мезонином в Толмачевском переулке;
справа внизу – в Щетининском переулке.

Фото Н. Иванюхина.

OCR: Угленко Александр

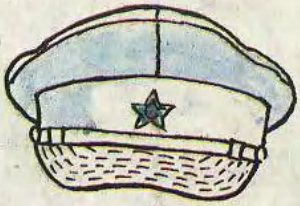

1

2

3

4

5

6

7

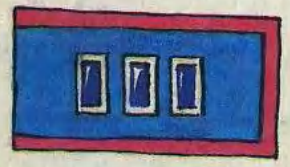

8

9

10

11

12

13

1 руб.

ISSN 0320 – 2259